

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ НАУКИ И ТЕХНОЛОГИЙ

Периодический научный сборник

2016 № 1-5
ISSN 2413-0869

ПО МАТЕРИАЛАМ
X МЕЖДУНАРОДНОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
Г. БЕЛГОРОД, 31 ЯНВАРЯ 2016 Г.

АГЕНТСТВО ПЕРСПЕКТИВНЫХ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
(АПНИ)

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ
НАУКИ И ТЕХНОЛОГИЙ

2016 • № 1-5

Периодический научный сборник

по материалам

*X Международной научно-практической конференции
г. Белгород, 31 января 2016 г.*

ISSN 2413-0869

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ НАУКИ И ТЕХНОЛОГИЙ

2016 • № 1-5

Периодический научный сборник

Выходит 12 раз в год

Учредитель и издатель:

ИП Ткачева Екатерина Петровна

Главный редактор: Ткачева Е.П.

Адрес редакции: 308000, г. Белгород, Народный бульвар, 70а

Телефон: +7 (919) 222 96 60

Официальный сайт: issledo.ru

E-mail: mail@issledo.ru

Информация об опубликованных статьях предоставляется в систему **Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)** по договору № 301-05/2015 от 13.05.2015 г.

Материалы публикуются в авторской редакции. За содержание и достоверность статей ответственность несут авторы. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов статей. При использовании и заимствовании материалов ссылка на издание обязательна.

Электронная версия сборника находится в свободном доступе на сайте: **www.issledo.ru**

По материалам X Международной научно-практической конференции «Современные тенденции развития науки и технологий» (г. Белгород, 31 января 2016 г.).

Редакционная коллегия

Духно Николай Алексеевич, директор юридического института МИИТ, доктор юридических наук, профессор

Васильев Федор Петрович, профессор МИИТ, доктор юридических наук, доцент, чл. Российской академии юридических наук (РАЮН)

Алиев Закир Гусейн оглы, Институт эрозии и орошения НАН Азербайджанской республики к.с.-х.н., с.н.с., доцент

Стариков Никита Витальевич, директор научно-исследовательского центра трансфера социокультурных технологий Белгородского государственного института искусств и культуры, кандидат социологических наук

Ткачев Александр Анатольевич, доцент кафедры социальных технологий НИУ «БелГУ», кандидат социологических наук

Шапвал Жанна Александровна, доцент кафедры социальных технологий НИУ «БелГУ», кандидат социологических наук

Трапезников Сергей Викторович, начальник отдела аналитики и прогнозирования Института региональной кадровой политики (г. Белгород)

СОДЕРЖАНИЕ

СЕКЦИЯ «ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ»	5
<i>Farangiz R.O.</i> BASIC PRINCIPLES FOR DESIGNING EFFECTIVE TESTS.....	5
<i>Farangiz R.O.</i> SIMULATIONS ARE USEFUL AND MOTIVATING ACTIVITIES TO USE THE LANGUAGE IN PRACTICAL.....	6
<i>Ibragimova G.R.</i> USEFUL LEARNING STYLES	8
<i>Ibragimova G.R.</i> WHAT IS LEARNING STYLES.....	10
<i>Абазовик Е.В., Артёмова А.А.</i> ФУНКЦИИ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ДЛЯ ДЕТЕЙ.....	11
<i>Агаркова О.А.</i> НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА ОБРАЩЕНИЙ ТАТАР И КАЗАХОВ, НАСЕЛЯЮЩИХ ОРЕНБУРГСКУЮ ОБЛАСТЬ	18
<i>Акбердыева Б.К., Жылкыбаева М.С.</i> ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К СТРУКТУРИРОВАНИЮ ЛЕКСИКИ	21
<i>Акопова Ю.А.</i> АНДРЕЙ БЕЛЫЙ И ДЖЕЙМС ДЖОЙС: «ЭНЕРГИЙНАЯ» МОДЕЛЬ ЛИЧНОСТИ.....	26
<i>Амангалиева Г.М.</i> К ВОПРОСУ О СТАТУСЕ МЕТОДИКИ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК НАУЧНОЙ ДИСЦИПЛИНЫ	30
<i>Андреева Е.В.</i> ИМПЛИЦИТНЫЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ СЕМАНТИКИ ОТРИЦАНИЯ В АНГЛИЙСКОМ И В ЧУВАШСКОМ ЯЗЫКАХ	32
<i>Балакай А.А.</i> ПРАГМАТИКА ЭТИКЕТНЫХ ОБРАЩЕНИЙ: ГЕНДЕРНАЯ МАРКИРОВАННОСТЬ ТЕРМИНОВ РОДСТВА	36
<i>Варушкина А.В.</i> ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ И ПЕРЕВОДА БИБЛЕЙСКОГО ДИСКУРСА В АНГЛИЙСКОМ «ГОТИЧЕСКОМ» РОМАНЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ А. РАДКЛИФ, Ч.Р. МЕТЬЮРИНА)	41
<i>Веденяпина Э.А.</i> М.Ю. ЛЕРМОНТОВ. ОСТОРОЖНО: СВОБОДА!	44
<i>Веденяпина Э.А.</i> ЦВЕТ И ЗВУК В ТВОРЧЕСТВЕ М.Ю. ЛЕРМОНТОВА	49
<i>Габдрахманова А.С.</i> ВЗАИМООТНОШЕНИЕ ГЛАГОЛЬНЫХ КАТЕГОРИЙ ВРЕМЕНИ И ВИДА В РАЗНОСТРУКТУРНЫХ ЯЗЫКАХ КАК ОТРАЖЕНИЕ ВРЕМЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ В СОЗНАНИИ ЛЮДЕЙ	54
<i>Жеткизгенова А.Т., Камарова Н.С.</i> ЛИТЕРАТУРНЫЕ НАСЛЕДИЕ КАЗАХСКОГО НАРОДНОГО ПОЭТА САТТЫГУЛ ЖАНГАБЫЛУЛЫ.....	58
<i>Захарова В.А.</i> MEANS OF ACTUALIZATION THE TARGET OF MANIPULATION «FEAR» IN POLITICAL DISCOURSE.....	63
<i>Зимов Д.И., Зимова М.Д.</i> КАТЕГОРИЯ НАКЛОНЕНИЕ В НОВОГРЕЧЕСКОМ ЯЗЫКЕ И ЕЕ ТРАКТОВКА В УЧЕБНОЙ И ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ.....	67
<i>Ишбаев З.З.</i> ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА НЕКОТОРЫХ ИМЕН СОБСТВЕННЫХ ЭПОСА «УРАЛ-БАТЫР» С БАШКИРСКОГО НА РУССКИЙ И АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫКИ	71
<i>Камарова Н.С., Каримсакова Б.А.</i> ОБРАЗ ЛЕБЕДЯ В ПОЭЗИИ МУКАГАЛИ МАКАТАЕВА.....	86
<i>Коновалова Т.В., Киселева Ю.Ю.</i> МЕТАФОРИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ БИРЖЕВОЙ ЛЕКСИКИ С УЧЕТОМ ОКРУЖАЮЩЕГО КОНТЕКСТА.....	90

<i>Мадина Г.К., Маликова А.И.</i> ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ И МЕЖКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО	93
<i>Маковская Н.В.</i> КОНЦЕПТОСФЕРЫ «ПРИРОДНЫЕ ЯВЛЕНИЯ» И «NATURAL PHENOMENA» В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ	96
<i>Ненарокова М.Р.</i> «МИР ВВЕРХ ТОРМАШКАМИ»: КОМИЧЕСКИЕ ИЕРАРХИИ КАРОЛИНГСКОГО ВРЕМЕНИ.....	102
<i>Пономаренко Л.Н.</i> К ВОПРОСУ О ПЕДАГОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ.....	114
<i>Самарин Д.А.</i> ФУНКЦИЯ БЕЗЛИЧНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В СИНТАКСИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ В.А. БОГОРОДИЦКОГО	117
<i>Сидоренко К.П.</i> ИНТЕРТЕКСТОВАЯ ДЕРИВАЦИЯ И ПРОБЛЕМА ПАСПОРТИЗАЦИИ ИНТЕРТЕКСТОВОЙ ЕДИНИЦЫ В АВТОРСКОМ СЛОВАРЕ КРЫЛАТЫХ ВЫРАЖЕНИЙ.....	120
<i>Соколова В.Ф.</i> «СКВОЗЬ ВИДНЫЙ МИРУ СМЕХ – НЕВИДИМЫЕ СЛЕЗЫ» (К ВОПРОСУ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЙ МАНЕРЫ И.Ф. ГОРБУНОВА)	125
<i>Стаценко Д.А., Маринина Г.И.</i> ЯВЛЕНИЕ ЯЗЫКОВОЙ КОМПРЕССИИ ПРИ ОПИСАТЕЛЬНОМ ПЕРЕВОДЕ ТЕРМИНОВ В НЕМЕЦКИХ МЕДИЦИНСКИХ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫХ ТЕКСТАХ	128
<i>Фазылова Ф.С.</i> ХУДОЖЕСТВЕННОЕ МАСТЕРСТВО СОВРЕМЕННЫХ БАШКИРСКИХ ПОЭТОВ	130
<i>Шамсутдинова А.Р.</i> ОСОБЕННОСТИ ИССЛЕДОВАНИЯ СПОРТИВНОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ ВО ФРАНЦИИ	136
<i>Шановалова И.А., Шановалов М.В.</i> ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТИРЫ РУССКОЙ СЕМЬИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ И.С. ТУРГЕНЕВА.....	138
<i>Шимко Е.А.</i> ЭКСПЛИКАЦИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ ВО ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТИНЕ МИРА НЕМЕЦКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ.....	142
<i>Яковлева В.Н.</i> ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНЫЕ И ПСЕВДО-ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНЫЕ СЛОВА В АНГЛИЙСКОЙ ВОЕННОЙ ЛЕКСИКЕ	145

BASIC PRINCIPLES FOR DESIGNING EFFECTIVE TESTS

Farangiz R.O.

the teacher of The English Language, The Bukhara Bank College,
Uzbekistan, Bukhara

This article is dedicated to the problem of testing students' knowledge as it is actual at present time, how to use different types of tests in English language teaching. As professor Hughes states that tests are used to check the progress, general or specific knowledge of the students. Moreover, the students are facing the tests in order to enter any foreign university or reveal the level of their English language skills for themselves.

Key words: Validity, Reliability, Practicality, Wash back.

Today Uzbekistan is going to begin teaching foreign languages with new teaching approaches which can meet CEFR. According to new methods teaching English is becoming funny, practical and interesting, full of different interactive methods which can let students be active, communicative, and creative during classes.

Learning the usage of types of tests is becoming more vital in language teaching as it verifies the way of assessing students' progress. If we focus on the world practice, nowadays we use TOEFL and IELTS tests to assess the language; and its reading and listening parts are based on closely to the test system.

Different scholars, Alderson, Heaton, Underhill, in their researches ask the similar question – why test, do the teachers really need them and for what purpose. Further, they all agree that test is not the teacher's desire to catch the students unprepared with what they are not acquainted. In fact, the test is a request for information and possibility to learn what the teachers did not know about their students before. Moreover, we can cite the idea of Hughes who emphasizes that we can check the progress, general or specific knowledge of the students, etc [1]. This claim will directly lead us to the statement that for each of these purposes there is a special type of testing. There are several reasons for testing [2]. Tests may be used as a means to: give the teacher information about where the students are at the moment, to help decide what to teach next; give the students information about what they know, so that they also have an awareness of what they need to learn or review; motivate students to learn or review specific material; get a noisy class to keep quiet and concentrate; provide a clear indication that the class has reached a 'station' in learning such as the end of a unit, thus contributing to a sense of structure in the course as a whole; and to provide students with a sense of achievement and progress in their learning.

We have five basic principles for designing effective tests and assessments in our classroom: Practicality, reliability, validity (content, face, and construct), authenticity and wash back. The test should be practical, or in other words, efficient. It should be easily understood by the examinee, ease scored and administered.

Moreover, the test should be a friend, not an enemy. Thus, the issue of validity and reliability is very essential in creating a good test. The test should measure what it is supposed to measure, but not the knowledge beyond the students' abilities. A reliable test will contain well-formulated tasks and not indefinite questions, the student will know what exactly should be done. Every test should be reliable as well as valid. Both notions are very crucial elements of testing.

Validity deals with what is tested and degree to which a test measures what is supposed to measure. For example, if we test the students writing skills giving them a composition test on Ways of Cooking, we cannot denote such test as valid, for it can be argued that it tests not our abilities to write, but the knowledge of cooking as a skill. There are three types of validity: content validity, face validity, and construct validity [3]. A fourth major principle of language testing is authenticity. In a test, authenticity may be present in the following ways: the language in the test is as natural as possible, items are contextualized rather than isolated, topics and situations are interesting, enjoyable, and humorous, some thematic organization to items is provided, such as through a story line or episode, and tasks represented. When students take a test, ideally they will receive information (feedback) about their competence, based on their performance. That feedback should "wash back" to them in the form of useful diagnoses of strengths and weaknesses.

In conclusion, we should state the fact that the role of tests is very useful and important, especially in English language teaching, for they indicate how much the teachers have taught during a course, as well as display the strength and weaknesses of the teaching process and help the teacher improve it.

References

1. Alderson, J. C, and Banerjee, J. Language testing and assessment (Part I). *Language Teaching*, 2001.
2. Heaton, J. "Classroom Testing", Longman, 1990,
3. Hughes, A. *Testing for Language Teachers*. Cambridge University 1989.

SIMULATIONS ARE USEFUL AND MOTIVATING ACTIVITIES TO USE THE LANGUAGE IN PRACTICAL

Farangiz R.O.

the teacher of The English Language, The Bukhara Bank College,
Uzbekistan, Bukhara

The purposes of simulations are to promote the use of critical and evaluative thinking. The situation feels real and thus leads to more engaging interaction by learners. They are motivating activities enjoyed by students of all ages. Moreover, simulations can be used to provide a fertile learning environment for students.

Key words: simulation, Role play, script.

A simulation is a form of experiential learning. Simulations are instructional scenarios where the learner is placed in a "world" defined by the teacher. They rep-

resent a reality within which students interact. The teacher controls the parameters of this "world" and uses it to achieve the desired instructional results. Simulations take a number of forms. They may contain elements of a game, a role-play, or an activity that acts as a metaphor. The chief element is that they have context. Students must make decisions within its context. Success is usually determined by the industry and commitment of the participants. The goal is not to win but to acquire knowledge and understanding [1].

The use of simulated activities in education is widely becoming recognized as an important tool in schools. They are empowering. Students take on responsible roles, find ways to succeed, and develop problem solving tools as a result of the interaction. For example:

- Teacher explains to students what simulations are about and for.
- Describes the particular simulation.
- Ensures the students understand the purpose of the simulation.
- Outlines the rules for the students. Teacher could also write the rules on bristle board, and hang this in a conspicuous place during the activity.
- Assigns roles to the students.
- The students participate in the game, playing their roles as assigned. Teacher is the coach and referee.

Role-play and simulations are different. Role-play involves participants to 'act' in a given role which is clearly defined on a role-card. Other students in the group also have designated roles, and play their part in the activity accordingly. Role-plays can be very simple dialogues, often used to practice a recently taught language item, or they can be much more complex, involving several students who act out a scenario. Sometimes the script is provided, and sometimes students create the script for themselves.

In conclusion, simulations are exciting, provocative and productive. In my opinion, simulations are much more effective than role-plays, especially at Intermediate level and above. They are useful, motivating, engaging activities which provide incentives for participants to use the language they have learned in practical, meaningful situations [2].

Activities

1. For beginner level. For example, one involves bears preparing for winter. The teacher drops a number of food cards around the area where the students will be playing. Some bears are given handicaps. For example, one bear is blind, so is blindfolded. One is lame, so must never run – only walk. Some bears have young, so must collect twice as overhead on during the simulation. Teacher could also write the rules on bristle board, much food as others. At the end of the game, teacher counts how many food points each bear has collected. The blind and lame bears are unlikely to have as many points as the healthy ones, but they might.

2. For Pre-Intermediate level. Another example, teacher asks some of the student to come to the blackboard and tells her that now she becomes a teacher of deaf students and she should teach a new word to them. And teacher gives her 1 minute to solve the problem. When deaf students find the word the game will over.

3. For Intermediate level. If teacher have a group of doctors learning English as a Second Language, and they need to practice in a 'real life' context, teacher would set up a simulated situation in a hospital or health centre in which the doctors have to meet 'patients' and diagnose their problem, and give treatment or prescriptions. The 'patients' may be given (or create for themselves) their symptoms and the doctors have to find out the cause of the illness (using their own experience) by interacting with the patients. The problem is resolved when the doctor diagnoses the problem, and p rescrubs therapy.

References

1. Doff, A (1988) Teach English, Teachers workbook, Cambridge University Press.
2. Spratt, M (1994) English for the Teacher, Cambridge University Press.

USEFUL LEARNING STYLES

Ibragimova G.R.

the teacher of The English Language, The Bukhara Bank College,
Uzbekistan, Bukhara

You can develop ability in less dominant styles, as well as further develop styles that you already use well.

Key words: intrapersonal communication, interpersonal.

Many people recognize that each person prefers different learning styles and techniques. Learning styles group common ways that people learn. Everyone has a mix of learning styles. Some people may find that they have a dominant style of learning, with far less use of the other styles. Others may find that they use different styles in different circumstances. There is no right mix. Nor are your styles fixed.

Using multiple learning and multiple intelligences for learning is a relatively new approach. This approach is one that educators have only recently started to recognize. Traditional schooling used (and continues to use) mainly linguistic and logical teaching methods. It also uses a limited range of learning and teaching techniques. Many schools still rely on classroom and book-based teaching, much repetition, and pressured exams for reinforcement and review. A result is that we often label those who use these learning styles and techniques as bright. Those who use less favored learning styles often find themselves in lower classes, with various not-so-complimentary labels and sometimes lower quality teaching. This can create positive and negative spirals that reinforce the belief that one is "smart" or "dumb".

By recognizing and understanding your own learning styles, you can use techniques better suited to you. This improves the speed and quality of your learning.

The Seven Learning Styles

- Visual (spatial): You prefer using pictures, images, and spatial understanding.
- Aural (auditory-musical): You prefer using sound and music.
- Verbal (linguistic): You prefer using words, both in speech and writing.
- Physical (kinesthetic): You prefer using your body, hands and sense of touch.
- Logical (mathematical): You prefer using logic, reasoning and systems.
- Social (interpersonal): You prefer to learn in groups or with other people.
- Solitary (intrapersonal): You prefer to work alone and use self-study.

Your learning styles have more influence than you may realize. Your preferred styles guide the way you learn. They also change the way you internally represent experiences, the way you recall information, and even the words you choose. We explore more of these features in this chapter.

Research shows us that each learning style uses different parts of the brain. By involving more of the brain during learning, we remember more of what we learn. Researchers using brain-imaging technologies have been able to find out the key areas of the brain responsible for each learning style.

Forexample:

- Visual: The occipital lobes at the back of the brain manage the visual sense. Both the occipital and parietal lobes manage spatial orientation.
- Aural: The temporal lobes handle aural content. The right temporal lobe is especially important for music.
- Verbal: The temporal and frontal lobes, especially two specialized areas called Broca's and Wernicke's areas (in the left hemisphere of these two lobes).
- Physical: The cerebellum and the motor cortex (at the back of the frontal lobe) handle much of our physical movement.
- Logical: The parietal lobes, especially the left side, drive our logical thinking.
- Social: The frontal and temporal lobes handle much of our social activities. The limbic system (not shown apart from the hippocampus) also influences both the social and solitary styles. Solitary: The frontal and parietal lobes, and the limbic system, are also active with this style [1].

Everyone processes and learns new information in different ways. There are three main cognitive learning styles: visual, auditory, and kinesthetic. Each preferred learning style has methods that fit the different ways an individual may learn best.

Be aware of your preferences and the range of preference of your audiences. Provide a balanced learning experience by:

- Sensory-Intuitive: Provide both hard facts and general concepts.
- Visual-Verbal: Incorporate both visual and verbal cues.
- Active-Reflective: Allow both experiential learning and time for evaluation and analysis.
- Sequential-Global: Provide detail in a structured way, as well as the big picture.

References

1. Cuyamaca College. (2003). Visual learning. Retrieved July 3, 2008, Lands Berger, J. (n.d.).

WHAT IS LEARNING STYLES

Ibragimova G.R.

the teacher of The English Language, The Bukhara Bank College,
Uzbekistan, Bukhara

Learning styles and preferences vary for each of us and in different situations. By understanding this, and developing the skills that help you learn in a variety of ways, you make the most of your learning potential. And because you're better able to learn and gather information, you'll make better decisions and choose better courses of action.

Key words: Neuro-linguistic programming (NLP), kinesthetic learning (American English), kinesthetic learning (British English), or tactile Learning.

Learning styles and preferences vary for each of us and in different situations. And by understanding that other people can have quite different learning preferences, you can learn to communicate your message effectively in a way that many more people can understand. This is fundamentally important, particularly if you're a professional for whom communication is an important part of your job.

Take time to identify how you prefer to learn and then force yourself to break out of your comfort zone. Once you start learning in new ways you'll be amazed at how much more you catch and how much easier it is to assimilate information and make sense of what is going on.

As a linguist by trade, I was immediately grabbed by the language side of Neuro-Linguistic Programming (hereinafter referred to as NLP) [1]. If you listen to what people are saying, you'll discover exactly how they're processing their thoughts. Some of us think best in pictures (visual), some of us in sounds (auditory), and some of us like to process our thoughts through our bodies (kinaesthetic: remembering that the kinemes showed moving pictures makes this piece of jargon easy). Visual people think very fast – they need to keep up with their pictures; while, at the other extreme, kinaesthetic people may take longer to give you an answer. Have you ever asked a question of a teenager deep in his or her feelings, and got no response? Next time, wait a bit and you'll get an answer: it takes time to process thoughts through every muscle.

People in visual mode will say things like: Look! If you see what I mean. From my point of view. Let's get this into perspective. Watch it! Picture this. Look here! I can't see the point. See you soon. They're thinking in pictures, and imagining that you are doing the same. They're probably also talking very fast.

People in auditory mode will use phrases like: Listen! A little bird told me. Music to my ears. That rings a bell. I hear what you're saying. A harmonious discussion. That sounds about right. A word in your ear. Speak soon. Sounds are their medium, and they think they are yours too.

People in kinaesthetic mode will probably talk more slowly, and they'll say things like: How do you feel about that? I can't grasp what he's saying. I'm comfortable with that. My feeling is. It was heart-warming/moving/touching. Hold on! He/she doesn't turn me on. The language of feelings needs to stir something in you.

Tastes and smells also come into language: food for thought, a bitter pill to swallow; digesting a proposition, sugaring the pill, a bitter argument; and smells, in particular, demonstrate a deeper level of consciousness: I smell a rat. Follow your nose. It stinks! She was rather sniffing about it. The French will tap their noses and say: j'ai le flair when they're suspicious about something.

Visual people will keep looking up at the pictures in their minds' eye; they will probably talk very fast – to keep up with their pictures; their voices may be fairly high pitched and they will breathe high in their chests; they will probably sit fairly upright, and will walk with their feet parallel; they will go upstairs on the balls of their feet.

Auditory people will look from side to side, to check the sounds in their minds' ear; they will talk at a reasonable pace; their voices will be well modulated, and they will breathe with their rib cage. They will walk with their feet slightly turned out.

Kinaesthetic people will look down towards the hand they write with, to check out their feelings; they will talk much more slowly than visual people; their voices will be lower, and they will breathe with their stomachs; they will have a lower centre of gravity, and a more rounded physiology. They will walk with their feet turned out, and will go upstairs flat footed.

Take on the physiology of someone who is different from you, and discuss what changes in your world when you 'become' someone else for a bit.

If you also encourage students to model the physiology of the people they are talking to: stand the way they're standing or sit the way they're sitting; breathe when they breathe, and so on, they will find the rapport level deepens immediately.

References

1. Cuyamaca College. (2003). Visual learning. Retrieved July 3, 2008, Lands Berger, J. (n.d.).

ФУНКЦИИ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ДЛЯ ДЕТЕЙ

Абазовик Е.В.

доцент кафедры английской филологии, канд. пед. наук,
Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина,
Россия, г. Санкт-Петербург

Артёмова А.А.

студентка факультета иностранных языков,
Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина,
Россия, г. Санкт-Петербург

В статье ставится задача выявить функции фразеологических единиц на примере двух детских художественных произведений «Чарли и шоколадная фабрика» и «Матильда».

да» выдающего писателя XX века Роальда Дала. Стиль автора очень разнообразен и интересен и дает возможность изучить его детские романы с точки зрения фразеологии. Фразеологизмы представляют собой неотъемлемый элемент в языке художественного текста для детей. Они придают произведению яркость и образность. Подходы к определению функций фразеологизмов различны. В данном исследовании подходы комбинируются, для более глубокого анализа функций фразеологизмов в детском художественном тексте.

Ключевые слова: фразеологические единицы, англоязычная детская художественная литература, Роальд Дал, функции фразеологизмов, образность в художественном тексте.

Наличие в языке не только слов, а словесных комплексов, которые могут быть тождественны слову, является уникальным феноменом в лингвистике. Фразеологизмы обладают яркой выразительностью, эмоциональностью и образностью. Для уточнения теоретической базы в таком разделе языкознания, как фразеология, представляется актуальным выявить различные подходы к классификации функций фразеологических единиц. Также практическую значимость имеет анализ примеров фразеологических единиц, подобранных в текстах романов Роальда Дала «Чарли и шоколадная фабрика» и «Матильда». Эти примеры обогащают теоретическую и эмпирическую базу фразеологии, с точки зрения функций фразеологических единиц в англоязычных детских художественных произведениях.

Анализ научной литературы показал, что фразеологические единицы играют весомую роль в художественных произведениях. С их помощью автор достигает различных целей, таких как передача эмоций героев, описание места и времени событий, характера персонажей, связь реплик героев в высказываниях и пр.

На современном этапе развития фразеологии представляется возможным выделить несколько основных подходов к проблеме функций фразеологизмов. На основе анализа научных трудов Т.С. Соловьёвой, А.В. Кунина и С.А. Тейца можно выделить следующие функции, присущие фразеологизмам: константные и вариативные, узуальные и окказиональные [3, с. 111], основные и дополнительные [6, с. 80].

В данной статье представлены результаты комбинирования различных подходов к классификации функций фразеологических единиц для более точного и глубокого анализа их роли в детском художественном тексте.

В данной работе выявлены функции фразеологических единиц, которые наиболее часто использует автор – Роальд Дал – в своих детских художественных произведениях «Чарли и шоколадная фабрика» и «Матильда». Фразеологизмы играют большую роль в разных сферах – СМИ, художественной литературе и др., но именно в произведениях для детей они раскрываются с самой яркой и интересной стороны, т.к. стиль языка детского произведения значительно отличается от любого другого текста. Необходимо учитывать специфику возраста ребенка, на всех уровнях языка – фонетическом, грамматическом, лексическом и синтаксическом. Фразеологические единицы делают художественный текст живым, ярким, наиболее приближенным к реальной ситуации общения. Язык с помощью фразеологизмов становится образ-

ным, что помогает юному читателю внимательно и увлеченно следить за событиями, происходящими с героями произведения.

Роальд Дал (англ. Roald Dahl, 13 сентября 1916 – 23 ноября 1990) был одним из наиболее ярких английских писателей XX века, автором романов, рассказов и сказок. «Чарли и шоколадная фабрика» и «Матильда», опубликованные в 1964-м и 1988 гг. соответственно, являются довольно известными и популярными произведениями Р.Дала. Среди проблем, поднимаемых в данных произведениях, главными являются: формирование ценностного отношения к семье, социализация ребенка в мире взрослых отношений и в процессе взаимодействия со сверстниками.

Его описания кратки, но настолько точны, ярки и ироничны, что доставляют истинное удовольствие читателю. Он всегда очень тщательно прорабатывал детали и изображал тот фон, на котором развивались события его рассказов, делая их максимально реалистичными.

Р.Дал умел обрисовывать главных героев своих произведений двумя-тремя чертами, и притом так, что описания были более, чем полными. Но главным достоинством автора был его оригинальный юмор, а также он весьма умело включал в сюжет произведения социальные мотивы. Отличительной чертой автора является также и игра слов. Он очень точно и с необыкновенным чувством юмора подмечает детали и описывает различные события. Примером может послужить использование таких неологизмов как «delumptious»-«восклубнительно» (delicious+scrumptious) или «catasterous desastrophie»-«ужастрофа» (disastrous+catastrophe) [8, с. 87], которые передают и характер героя, придумывающего такие словообразования – своеобразного гения, владельца шоколадной фабрики. В то же время для маленьких читателей такой язык текста представляется крайне необычным и тем самым, привлекает их внимание.

В произведениях Р.Дала впечатляет необыкновенная сжатость формы, которая также является отличительной чертой писательской манеры Р.Дала. Р.Дал никогда не исчерпывает свой сюжет полностью, а рисует только схематично, предьявляя не всего человека, не всю ситуацию, а лишь существенные их очертания. Р.Дал это делает по отношению к каждому из своих героев и выдвигает в нем только то, что ему кажется в данном человеке характерным и преобладающим, почти никогда не дает подробной биографии своих героев; он рассказывает об определенном моменте их жизни, концентрируя все внимание на настоящем. Именно это позволяет читателю додумать, представить, пофантазировать, что особенно важно и свойственно детской категории читателей. Так, в романах «Чарли и шоколадная фабрика» и «Матильда» мы не можем точно сказать о прошлом героев, мы видим их жизнь в течение нескольких дней, но за этот небольшой промежуток времени, читатель может понять и позицию автора, и характер персонажей, и обстановку и т.п. Что будет с героями дальше, читателю остается только домысливать и каждый придумает «свой» вариант дальнейшей жизни героев. Принцип айсберга является неотъемлемой чертой Роальда Дала, в произведениях которого большая часть глубокого смысла спрятана где-то очень далеко, и каждый ре-

бенок неосознанно обязательно это почувствует, поймет, интерпретирует с помощью ненавязчивого направления мысли автора, ощутимого лишь между строк.

Также, анализируя данные произведения для детей, важно отметить использование автором принципа игры, обусловленного особенностями возрастной категории читателей. В романе «Чарли и шоколадная фабрика» мы можем наблюдать, например, многократное изменение размеров людей, их цвета и формы. А в романе «Матильда» Дал образно описывает сцены наказания школьников злой директрисой, которая раскручивает за косички маленькую девочку (как профессионал в метании дисков), которая летит через огромное поле с цветами, как будто действительно она не человек, а специальное оружие для такого вида спорта.

Важными также представляются фразеологические единицы, которые автор использует для создания яркого образа героев и ситуаций, с их помощью язык автора приобретает эмоциональность и реалистичность. Рассмотрим различные функции фразеологизмов с примерами из двух романов Роальда Дала:

1) **номинативная функция фразеологических единиц** (соотнесенность фразеологизмов с объектами реального мира, в том числе различными ситуациями, а также замена таких объектов в речи фразеологическими наименованиями) [4, с. 29].

Например, a kick in the pants- удар ниже пояса [8, с. 97].

Например, a pillar of society- краеугольный камень общества [9, с. 81].

2) **коммуникативная функция** (фразеологические единицы служат средством общения или сообщения чего-либо. Общение подразумевает взаимный обмен высказываниями, а сообщение – это передача какой-то информации без обратной связи с реципиентом).

Например, to be out of breath-запыхаться [8, с. 53].

Например, «They had prepared themselves for an unpleasant scene in which the wretched boy, **stuffed to the gills** with chocolate cake, would have to surrender and beg for mercy and then they would have watched the triumphant Trunchbull forcing more and still more cake into the mouth of the gasping boy» (to be stuffed to the gills- быть сытым по горло) [9, с. 125].

3) Семантические функции фразеологических единиц:

а) **Волюнтативная функция** (от *лат.* Voluntas – воля)-функция волеизъявления.

Например, «He spoils her, Grandpa Joe said. And no good can ever come from spoiling a child like that, Charlie, you **mark my words**» [8, с. 31].

Например, Keep your hair on!- Не волнуйся! [9, с. 38].

б) **дейктическая функция** (дейксис – это указание на временную или пространственную локализацию какого-либо действия, события, явления, относительно точки отсчета, которая является релевантной в рамках той или иной речевой ситуации [2, с. 35]).

Например, «The next afternoon, Matilda managed to get a rather sooty and grumpy parrot down from the chimney and out of the house without being seen.

She carried it through the back-door and ran with it **all the way to** Fred's house» (all the way to-всю дорогу, *пространственный дейксис*) [9, с.44].

Например, «They all speak English now. They love dancing and music. They are always making up songs. I expect you will hear a good deal of singing today **from time to time**» (from time to time-время от времени, *временной дейксис*) [8, с. 79].

«**On the spur of the moment**, Matilda decided that the one person she would like to confide in was Miss Honey» (on the spur of the moment-тут же) [9, с. 165].

4) **Стилистическая функция** (особая целенаправленность фразеологизма на достижение стилистического эффекта [1, с. 7]. Стилистическая функция реализует коннотативные особенности фразеологической единицы).

Например, «They're **drunk as lords**, said Mr Wonka» (drunk as lord- пьян как сапожник) [8, с. 127].

Например, «Your son Maximilian, I would write, is **a total wash-out**». («a total wash-out»- «полный ноль») [9, с. 3].

5) **результативная функция** (обозначает причины, вызвавшие действие или состояние).

Например, «It seemed as though the shopkeeper might be going **to have a fit**» (to have a fit -быть поражённым) [8, с. 54].

Например, «Most children in Matilda's place would have **burst into floods of tears**» (burst into floods of tears – залиться слезами) [9, с. 58].

6) **прагматическая функция** (языковой знак воздействует на адресата целенаправленно. Любому тексту свойственна прагматическая направленность, и именно фразеологизмы усиливают такую направленность).

Например, «Go straight to the Fudge Room, Mr Wonka said to the Oompa-Loompa, and when you get there, take a long stick and start poking around inside the big chocolate-mixing barrel. I'm almost certain you'll find him in there. But you'd better **look sharp!**» (look sharp – смотри(те) в оба!) [8, 93].

7) **Резюмирующая функция** (проявляется в том, что фразеологическая единица является кратким резюме предыдущего высказывания).

Например, «The shopkeeper put Charlie's change on the counter. '**Take it easy,**' he said» (take it easy- не принимай близко к сердцу) [8, с.52].

Например, «Well, there is nothing very wrong with all this. It's **the way of the world**» – так уж повелось на свете [9, с. 3].

8) **Функция подтверждения мысли** (одна из разновидностей прагматической функции).

Например, «It is, my dear, it is. And to all the kings and presidents of the world as well. But it isn't only chocolate bars that he makes. Oh, dear me, no! He **has some really fantastic inventions up his sleeve**, Mr. Willy Wonka has!» (to have smth up to sb's sleeve- у него свое на уме) [8, с. 12].

Например, «I hope you have a family business you can push him into when he leaves school because he **sure as heck** won't get a job anywhere else» (sure as heck- ясно как дважды два) [9, с. 4].

9) **текстообразующая (контекстообразующая) функция** (определяет текстообразующий фактор фразеологических единиц как звено в структуре текста, как его фрагмент [7, с. 16]).

Например, «How wonderful this is! **I had a hunch**, you know, right from the beginning, that it was going to be you! » (to have a hunch-предчувствовать что-либо) [8, с. 165].

Например, «So Mrs Wormwood took a pair of scissors and cut the thing off his head, **bit by bit**, first the top and then the brim» («bit by bit»-«мало-помалу»)[9, с. 32].

Таким образом, можно сделать следующий вывод: у фразеологизмов есть большое количество функций, ролей, которые они выполняют в зависимости от ситуации и желания говорящего подчеркнуть ту или иную особенность языка с помощью фразеологических единиц. Проблема функций фразеологизмов – одна из наиболее насущных проблем языкознания, наличие разных подходов к определению функций фразеологических единиц указывает на то, что авторы по-разному определяют задачи фразеологизмов.

Подсчитав количество фразеологических единиц (61 фразеологическая единица), использованных автором в двух романах «Чарли и шоколадная фабрика» и «Матильда», мы представили результаты в виде диаграммы (рисунок).

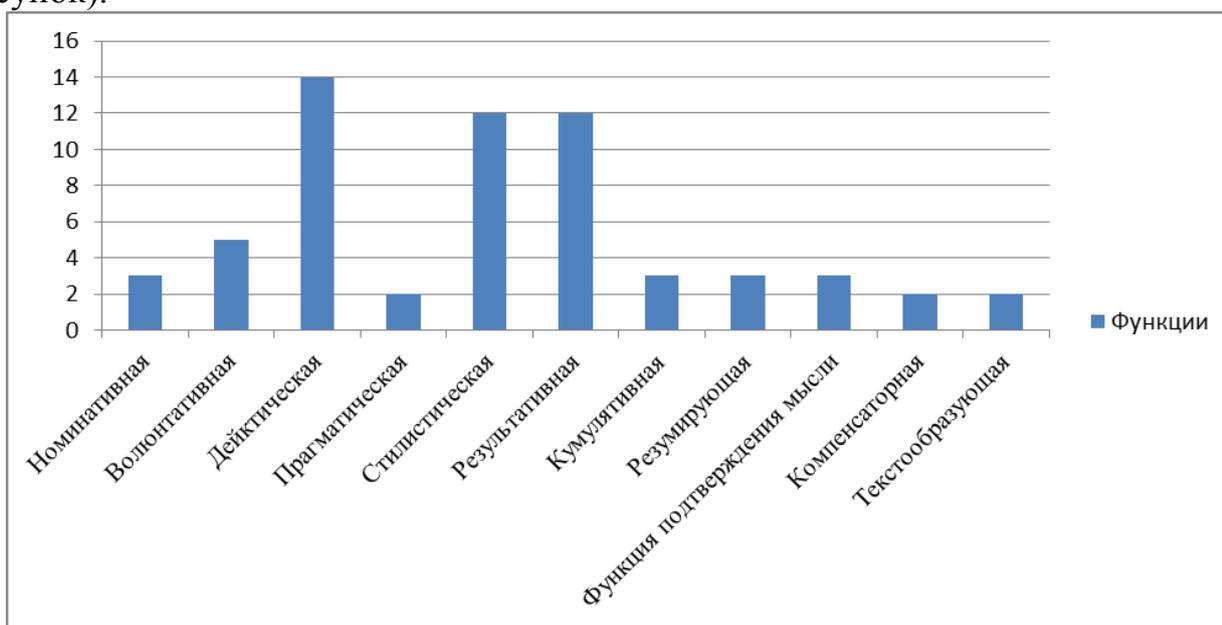

Рис. Функции ФЕ

Анализ частотности употребления фразеологизмов с точки зрения их функций показал, что чаще всего в этих романах автор использует следующие функции фразеологических единиц – дейктическую, стилистическую и результативную, т.к. именно эти функции фразеологизмов способствуют отражению важнейших составляющих художественного произведения, а именно: описанию места и времени событий, передачи эмоций и настроения героев и указанию на результат различных событий, происходящих с героями в этих произведениях.

Анализ показал, что каждая фразеологическая единица имеет определенную роль, задачу функционирования, отражающую саму сущность фразеологизма. С помощью фразеологизма автор передает коннотативные особенности высказывания; устанавливает контакт с читателем или между героями произведения; резюмирует ранее сказанное; с помощью фразеологических единиц автор лаконизирует свою речь и т.д.

Фразеологические единицы играют большую роль в художественном тексте. Умелое применение автором фразеологизмов в языке художественного произведения позволяет создать неповторимый образ героев, передать особенность ситуации и т.д. И именно поэтому исследовать фразеологизмы целесообразнее всего в художественной литературе, где они раскрывают всю свою эмоциональность и образность. В нашем исследовании были выделены основные функции фразеологических единиц, которые наиболее часто используются Роальдом Далом в его двух романах «Чарли и шоколадная фабрика» и «Матильда», а именно – дейктическая, стилистическая и результирующая. Дальнейшее изучение других детских художественных произведений Роальда Дала позволит выявить особенности стиля автора, его приемов и методов написания произведения для детей с точки зрения фразеологии.

Данные исследования имеют теоретическую значимость, т.к. были выявлены различные подходы к проблеме классификации функций фразеологических единиц, которые дополняют и уточняют теоретические знания в таком разделе языкознания, как фразеология. Практическую значимость имеют примеры, подобранные из романов выдающегося писателя XX века Роальда Дала. Эти примеры обогащают теоретическую и эмпирическую базу фразеологии, с точки зрения функций фразеологических единиц в англоязычных детских художественных произведениях.

Список литературы

1. Азнаурова Э.С. Очерки по стилистике слова. Ташкент, 1973. 405 с.
2. Бешапошникова О.А. Пространственный и временной дейксис в семантике фразеологических единиц современного английского языка: дис. ... канд. филол. наук. Москва, 1987. 217 с.
3. Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка: Учеб. для интов и фак. иностр. яз., 2-е изд., перераб. М., 1996. 297 с.
4. Соловьёва Т.С. Английский язык, Конспект лекций по фразеологии: учебное пособие для студентов специальности «Филология» – Петропавловск-Камчатский: КамчатГТУ, 2007. 102 с.
5. Стернин И.А. К проблеме дейктических функций слова: дис. ...канд. филол. наук. Москва, 1973. 235 с.
6. Тейц С.А. Функции фразеологических единиц в романе Д.Н. Мамина-Сибиряка «Три конца» // Семантика и функционирование языковых единиц. Нижний Тагил, 2000. 132 с.
7. Чернышева И.И. Textoобразующие потенции фразеологических единиц // Лингвистика текста: Материалы науч. конф. Ч. II. / МГПИИЯ им. М. Тореца. М., 1974. 199 с.
8. Dahl R. Charlie and the Chocolate Factory. London, Penguin Groups., 180 p.
9. Dahl R. Matilda. London, Penguin Groups., 231 p.

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА ОБРАЩЕНИЙ ТАТАР И КАЗАХОВ, НАСЕЛЯЮЩИХ ОРЕНБУРГСКУЮ ОБЛАСТЬ

Агаркова О.А.

доцент кафедры романской филологии и методики преподавания французского языка, канд. филол. наук, доцент, Оренбургский государственный университет, Россия, г. Оренбург

В статье выявляется национально-культурная специфика татарского и казахского речевого этикета. Детально исследуется такая тематическая группа, как обращение. Строится классификация обращений (по степени родства, социальному статусу и т.д.), присущая данным лингвокультурам, проводится лингвистический анализ употребления той или иной формулы обращения.

Ключевые слова: культура, национально-культурная специфика, речевой этикет, формулы обращения.

Культура русского народа тесно взаимосвязана с культурами других народностей. Особенно это касается приграничных регионов, каковым является Оренбургская область, которую называют «воротами в Азию». На территории нашей области проживают разные национальности: русские, татары, казахи, украинцы, немцы и другие, вторым и третьим по численности народами являются татары и казахи. Это объясняет неподдельный интерес жителей региона к национальным особенностям татарского и казахского языков.

Объектом нашего исследования был выбран речевой этикет представителей вышеназванных лингвокультур. Предмет изучения составили формулы обращения. Целью работы послужило выявление национальной специфики формул обращения жителей Оренбургской области.

Любой национальный речевой этикет предъявляет определенные требования к представителям своей культуры, и имеет свои особенности. Само появление понятия речевой этикет связано с древним периодом в истории языков, когда каждому слову придавалось особое значение, и сильной была вера в действие слова на окружающую действительность. Появление определенных норм речевого этикета обусловлено стремлением людей вызвать к жизни определенные события.

Для речевого этикета разных народов характерны некоторые общие черты, с различием лишь в формах реализации речевых норм этикета. В каждой культурно-языковой группе присутствуют формулы приветствия и прощания, уважительного обращения к старшим по возрасту или положению. В замкнутом обществе представитель чужой культуры, не знакомый с особенностями национального речевого этикета, представляется необразованным, плохо воспитанным человеком. В более открытом социуме люди подготовлены к различиям в речевом этикете разных народов, в таком обществе нередко практикуется подражание чужой культуре речевого общения.

Общение между коммуникантами начинается с приветствия и обращения, которое является способом управления общением. По мнению Г. Г. Со-

коловой, формам обращения свойственна высокая коммуникативная значимость и частотность не только в разговорной речи, но и в ее стилизованной разговорной форме [4, с. 92].

Исследователи татарского речевого этикета отмечают, что речевое поведение представителей татарской лингвокультуры зависит от возраста. В обращении к родным и близким знакомым всегда используется местоимение «ты». При обращении к незнакомым людям, при соблюдении субординации между собеседниками, как выражение уважительного отношения, из русского языка была заимствована вежливая форма обращения на «вы».

Отличительной особенностью татарского языка является использование термина родства в обращении к родственникам: апа (сестра), абый (старший брат), энем (младший брат), апам (сестра моя), сенелем (сестренка), щизни (дядя), балдыз (свояченица). Раньше гораздо чаще использовались такие обращения к близким родственникам, как «чибэрапа» (красивая сестра), «алмаапа» (яблоко + сестра), «шикэр-апа» (сахар + сестра), «бзлэкэй абый» (маленький брат), «ерак эби» (далекая бабушка) и др.

Обращение детей к своим бабушке и дедушке сохранилось в форме эби, бабай, дэу эни, дэу эти (в диалектах есть формы эур эни – зур эти, карт эти – карт эни) [5].

Татары выработали целую систему обращений к любимым, близким людям, отличающуюся доброжелательностью, эмоциональностью: кадерлем (дорогой мой), сееклем (милый мой), алтынным (золото мое), кугэрченем (голубка моя), былбылым (соловей мой), аккошым (лебедь мой), акыллым (умный мой), щаным (душа моя), жанкисэгем (частица моей души), бэгырем (букв., печень моя) дорогой, биеырькзем (дорогой мой) и т. д.

Обращение к посторонним, а также к близким по форме «имя + родовой термин» (Шамиль абый, Фарида апа, Хасан абыстай, Рамиль энем) является ещё одной из черт национально-культурной специфики татарского речевого этикета.

В 30-50-е годы существовал обычай среди молодежи называть официальных лиц по форме: Абдуллин абый, Шарипова апа.

В официальном стиле общения под влиянием русского языка стали использовать обращение в форме имени и отчества: Камиль Ильдарович, Гадилля Нафиковна, Мавлида Шариповна и т. д.

Также к официальным относятся обращения: иптэш Салихов (товарищ Салихов), иптэш Каримова (товарищ Каримова).

Обращение жены к мужу до революции характеризовалось тем, что нельзя было вслух произносить имя мужа: оно табуировалось. Вместо имени говорили этисе (его отец), энисе, анасы (его мать), син (ты), сина эйтэм (тебе говорю) и т. д. В настоящее время мужчины обращаются к женам по имени, так же и жены к мужьям. Однако широко употребляются назывные карт (букв., старик), карчык (букв., старуха), хатык (жена) и т. п.

В настоящее время все большее распространение получает обращения в форме Хасия ханым, Ренат эфэнде, Альбина туташ (ханым – ханум, эфэнде – господин, туташ – барышня).

У татар широко были распространены прозвища, которые давались исходя из этнической характеристики, своеобразия социальной и внешней характеристики личности, особенностей его поведения, речи, одежды, профессии, характера жилища, курьезов, связанных с человеком, и т. д. Много прозвищ по названиям животных и птиц: Аю Вэли, Саескан Сафура, Телке Гага, Тавык Гафур и др. Прозвищами больше наделяются мужчины, чем женщины. Прозвища употребляются часто перед именами лиц.

Со временем изменились формы обращения казахов. Для казахского языка не было характерно употребление в речи фамилий. Первое упоминание фамилий относится к второй половине XVIII века, а полное их становление к послеоктябрьскому периоду. Казахские фамилии появились благодаря аффиксам, заимствованным из русского языка -ев, -ов, -ин, -ева, -ова, -ина (Кувантаев/Кувантаева, Мухаметжанов/Мухаметжанова, Абдулин/Абдулина). Фамилия наследуются по отцовской линии. Патронимическое происхождение фамилии объясняется тем, что она образовалась от имени отца: Изкей–Изкеев, Манат–Манатов, Дюсенбай–Дюсенбаев, Жакас–Жакасов. Однако существуют фамилии, которые берут своё начало от имени деда.

Например, если имя казаха Ермек, фамилия Щукетаев, значит, имя его деда Щукетай, а наследованная фамилия детей Ермека-Щукетаевы.

Издавна казахи употребляли имена родов, племен: Кара Кыпшак Кобланды (казахские имена – Кобланды), Шакшак Жэнибек, Канжыгалы Кабанбай, Албан Асан и др. В настоящее время подобное обращение является неактуальным.

Относительно недавно стало использоваться у казахов отчество, которое постепенно получает широкое распространение в разговорной речи. Отчество в казахском языке образуется с помощью заимствованных из русского языка суффиксов -ич, -ыч, -евна, -овна; или казахских слов кызы (дочь), улы (сын), например: Серик Тлегенович Ескендиоров, Максат Бахыткиреевич Дурткаринов Айна Нагашибаевна Испаева, Назгуль Темирхановна Жултаева, Сара Дэуиткызы Айтуганова, Азамат Досымулы Макамбетов и другие [2].

Обращение к члену семьи может строиться на основе родственных связей. Это считается приемлемым во многих культурах, как в русской, так и в казахской.

В казахской семье формулу обращения к свекрови можно обозначить как *ене*, к свекру *ата*, к невестке *келин*. В казахском языке, нет таких понятий как «племянник(ца)» и «дядя, тетя». *Ага* – это и родной и двоюродный брат и дядя, *ана* – это и сестра и тетя. Так видимо сложилось из-за особенностей уклада жизни казахов, где из-за высокой смертности близкородственные семьи старались жить рядом и всячески поддерживать друг друга [1].

Наряду с обращениями, указывающими на родственные связи людей, следует обратить внимание на особое внимательное отношение к членам семьи, более старшего возраста. Примером того может послужить «сестра» в русском языке и ее казахские соответствия – *ана*, *энке* (старшая сестра), *сінлі* (младшая сестра в отношении старшей сестры), *карындалас* (младшая сестра в отношении старшего брата) [3].

В казахской культуре существуют и другие формулы обращения, основанные на ласковом обращении, подчеркивании трепетного нежного чувства к другому человеку, которые употребляются преимущественно к детям, либо среди влюбленных людей.

В современном мире изучение норм речевого этикета ориентировано на достижение успеха в конкретном акте коммуникации. Важную роль в этом играют знание национального речевого этикета и владение национальными особенностями речевой культуры.

Список литературы

1. Ильясов Р. Казахская родня: кто есть кто? // Международный казахский сервер. URL: <http://www.kazakh.ru> (дата обращения: 18.01.2016).
2. Казахские имена. URL: <http://www.imena21.ru/zhenskie-kazaxskie-imena> (дата обращения: 12.01.2016).
3. Леонова Д.Ф. Ласковое обращение в казахском и русском языках // Филология и литературоведение. 2003. № 3. URL: <http://philology.snauka.ru/2011/12/59> (дата обращения: 12.11.2015).
4. Соколова Г.Г. Обращение как единица перевода // Проблемы семантики и перевода в свете типологии языков и контрастивной лингвистики. Уфа, 2001. С. 92.
5. Юсупов Р.А. Инсафлынын теле саф: Дерес сойлом турында иншалэр. Казан, 1993. 165 с.

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К СТРУКТУРИРОВАНИЮ ЛЕКСИКИ

Акбердыева Б.К.

доцент кафедры казахского языка и литературы, канд. филолог. наук, доцент,
Каспийский государственный университет технологий
и инжиниринга имени Ш. Есенова, Казахстан, г. Актау

Жылкыбаева М.С.

доцент кафедры казахского языка и литературы,
канд. филолог. наук, Каспийский государственный университет технологий
и инжиниринга имени Ш. Есенова, Казахстан, г. Актау

В статье рассматриваются ассоциативные связи между словами с психолингвистической точки зрения, дается обзор исследований названного семантического явления, указывается его место в языкознании.

Цель статьи заключается в исследовании при помощи эксперимента ассоциаций значений на основе психолингвистики, в определении семантической структуры слова.

Ключевые слова: психолингвистика, ассоциативная связь, семантическое поле, ассоциативное поле, слово-стимул, слово-ассоциат.

Слово выражает опыт человека в его взаимодействии с объективным миром, познавательные процессы человека. Исходя из данного утверждения, предлагается исследовать организацию единиц лексикона с точки зрения психологических процессов памяти и мышления. Именно в памяти человека

хранится информация о структуре нашего знания и его организации. Память не только запоминает и хранит информацию, но и преобразует полученные сведения [3, с.93].

Изучение лексики с точки зрения мыслительных процессов, составляет предмет исследования психолингвистики, которую «можно считать дисциплиной лингвистической, так как она изучает язык, и дисциплиной психологической, так как она изучает язык как феномен психики» [6, с. 6].

Л.В.Сахарный выделяет три основных принципа, лежащих в основе психолингвистической науки, главным из которых является фактор человека. В самом деле, фактор конкретного человека с реальной памятью, возрастной особенностью, личным опытом, целями и т.д., определяет характер не только речи, но и языка. Фактор говорящего или слушающего человека влечет за собой и появление какой-то конкретной ситуации, в которой и происходит общение. Третьим немаловажным фактором, после фактора человека и фактора ситуации, определяющим специфику психолингвистического подхода к структурированию лексики является – фактор эксперимента [5, с. 8].

Психолингвистика – экспериментальная наука, тогда как традиционная лингвистика основывается на «методе наблюдения», исследуя «готовый» текст. Для психолингвистики главным является не язык в отвлечении от человека, а человек и его речевая деятельность.

Поэтому можно утверждать, что психолингвистика не отрицает теоретических материалов, накопленных традиционной лингвистикой, а использует их в своих экспериментах.

Особый интерес вызывают принципы организации единиц лексикона: что фактически позволяет человеку понимать воспринимаемое слово и находить в памяти именно то слово, которое наиболее полно соответствует замыслу его высказывания [3, с.5].

Ответ на данный вопрос следует искать в упорядоченности лексики. Считается, что лексикон представляет собой упорядоченную систему, в которой полученная информация организуется, хранится и откуда легко извлекается при необходимости. Как утверждает Е.С.Кубрякова, в основе этой системы лежат ассоциации [3, с.99]. Однако, ассоциации на одно и то же слово могут быть различны. Дж. Диз предлагает новое понимание ассоциативных связей как основы организации лексикона человека, опираясь на речевой опыт индивида. Исследователь полагает, что процесс появления ассоциаций обеспечивает когнитивную деятельность человека.

Новое представление об ассоциациях послужило причиной появления экспериментальных исследований, призванных выявить принципы внутренней организации лексикона человека. Эксперимент, использующий метод свободных ассоциаций, дает ответ на вопрос о принципах связей слов друг с другом и их расположении в сознании носителей того или иного языка.

Данный эксперимент состоит в следующем: испытуемый должен отреагировать на предлагаемое ему слово – слово-стимул – первым пришедшим ему в голову словом или словосочетанием, то есть словом-реакцией. Связи, возникающие в сознании человека в данный момент, носят ассоциативный

характер. У представителей разных культур ассоциации на одно и то же слово могут быть неодинаковыми, т.к. за словами стоят понятия, а в понятиях заключается жизненный опыт людей.

Можно утверждать, что языковая и культурная картина мира различна у разных народов, что обусловлено различными условиями жизни, различной историей, различиями в развитии сознания народности. Таким образом, слова-ассоциации – это не просто названия предметов или явлений действительности, но и частицы мира, окружающего человека, которые, преломляясь в сознании человека, приобретают специфические черты, присущие данному народу, обусловленные культурой этого народа.

Среди основных признаков когнитивных моделей, позволяющих объяснить языковые феномены и закономерности, в первую очередь должна быть названа их антропоцентрическая сфокусированность. Поясним: любая когнитивная модель несет в себе определенный смысл и определенный предел, который задан прототипическим образом. Значение в естественном языке антропоцентрично, то есть отражает общие свойства человеческой природы, более того, оно этноцентрично, то есть ориентировано на данный этнос.

Включенность субъекта в языковую деятельность как динамическую структуру предполагает не только бесконечность «перспективы» когнитивных моделей, но и их «эго-структурность», определенную прототипическим образом и собственно самим образным представлением. Именно такими структурами выступают ассоциативно-вербальные связи слов. Информация о концептуальной структуре воспроизводится в ассоциативном словаре на основе прототипической модели, а семантический контекст, присутствующий в ассоциативном поле, передает иерархическую организацию концептуальной структуры.

В истории психолингвистики XX столетия ассоциативные словари и источники представлены в первую очередь данными, полученными посредством ассоциативного эксперимента. Традиционно в ходе подобного эксперимента фиксируется первичный ответ (слово-реакция) на заданное слово (слово-стимул). Именно таким образом был получен материал по ассоциативным полям английского, немецкого, французского, польского, киргизского, казахского и русского языков. Первым подобным словарем ассоциативных норм стал словарь Г.Кент и А.Розанова (1910). Список из 100 слов был пропущен авторами словаря (психологами-клиницистами) в свободном ассоциативном эксперименте через 1000 испытуемых – носителей английского языка. Сам словарь был задуман не только как исследовательская программа, но и как диагностическая процедура, так как полученные результаты далее сопоставлялись с ассоциативными реакциями больных. По своей сути данный словарь, как и другие, выступает словарем массового языкового сознания, ведь слова – это всегда коллективно принятые «символы для общения между личными умами и психиками».

Из зарубежных ассоциативных словарей интерес вызывает «Ассоциативный тезаурус английского языка» Дж.Киша (1972). Этот словарь впервые в мировой лингвистической практике представил информацию как о прямых

ассоциациях, так и об обратных ассоциациях. Так, на первом этапе свободно-ассоциативного эксперимента составителем словаря были получены реакции к 1000 словам-стимулам, на втором этапе эти реакции уже выступали в качестве стимулов, а вызванные ими реакции использовались уже как стимулы на третьем этапе эксперимента. Подобная методика дала полный набор ассоциативных реакций на широкий круг исходных слов и позволила определить и оценить силу как исходящих, так и входящих связей между исследовавшимися словами.

Важность получения информации, при помощи которой может быть выявлена степень связанности между понятиями, обусловила появление в 1977 году первого «Словаря ассоциативных норм русского языка» под редакцией А.А.Леонтьева (Словарь ассоциативных норм русского языка 1977). Словарь зафиксировал языковое сознание носителей русского языка 60-70-х годов прошлого столетия. В данный словарь вошло 196 словарных статей к соответствующим словам-стимулам. Количество информантов в эксперименте колебалось от 500 до 700 испытуемых.

«Русский ассоциативный словарь» (РАС) в 2-х книгах ЮН. Караулова и др. – один из последних по времени выхода ассоциативных словарей (Русский ассоциативный словарь 1994). РАС по своей сути составляет первую и основную часть ассоциативного тезауруса русского языка, посредством которого может быть моделируема вербальная память и языковое сознание «усредненного» носителя русского языка.

«Киргизско-русский ассоциативный словарь» (Титова 1975), относящийся к двуязычным ассоциативным словарям, впервые в лексикографической практике представил словесные ассоциации языка, принадлежащего к тюркской группе языков. Словарь (КРАС), подготовленный Л.Н.Титовой, действительно выполнен на уровне мировых образцов и стандартов. В нем не просто даны переводы киргизских устойчивых ассоциаций на русский язык, но и предложены ассоциативные материалы, полученные в максимально близкой среде носителей русского языка.

Кстати, как справедливо указывает А.А.Залевская: «Опыт межъязыкового сопоставления материалов ассоциативных экспериментов дал основания для предположения об универсальности прослеженных путей идентификации воспринимаемого слова индивидом и о наличии в лексиконе человека некоторого «ядра», элементы которого наилучшим образом, отвечают задаче разъяснения значения одних слов через другое и вследствие этого обеспечивают связи между хранимыми в лексиконе единицами» [2, с.63].

На примере тех ассоциативных полей, которые даны в КРАС можно действительно проследить сходство и различие языкового сознания носителей двух языков, увидеть язык в его предречевой готовности и «способ держания языка в памяти его носителя». Схема сопоставления когнитивных основ языковой деятельности в разных языках должна соотносить, на наш взгляд, следующие понятия:

ЯЗЫК,	ЯЗЫК ₂
Прототип	Прототип
Когнитивная модель	Когнитивная модель
Концепт	Концепт

Какие аспекты языковой репрезентации носителей языка должны вы- являться в первую очередь? Во-первых, понимание субъекта (носителя язы- ка) как эпицентра продуктивного отношения к миру. Во-вторых, базисной формой деятельности отношения к миру должна быть представлена катего- рия предметности. В-третьих, каким образом формируется особая логоцен- трическая картина мира, где мир понимается как система, связанная логикой и методом, и как структуры, состоящие из задач, которые заставляют людей неустанно и систематически заботиться о порядке в этом мире.

Культурное пространство языка, выраженное в ассоциативных полях, репрезентирует значимые черты мира ценностей. Концептуальные структуры с той или иной степенью полноты, зафиксированные в ассоциативных полях, включают в себя культурно-ценностную и эмоциональную оценку. Принци- пы рассмотрения или выделения языковых единиц относятся к разным сфе- рам действительности: к прототипной (и стереотипной), ситуативной – вос- производящей фрагментарность мира явлений и, наконец, к субъективной – ценностной сфере личности. В результате значение слова в процедурном ре- жиме описания в равной мере обращено к концептуальной структуре и ситу- ации. При обращении к ассоциативно-вербальной сети носителей языка вы- являются также культурно значимые ориентиры, соотносящие языковой знак с определенным культурным кодом, и, следовательно, возникает возмож- ность исследования достаточно «размытого», но познавательно открытого понятия «менталитет». В перспективе в изучение проблемы ментальности через ассоциативно-вербальные связи слова должен входить анализ: а) кол- лективного языкового сознания (коллективные стереотипы и системы ценно- стей) и б) индивидуальное языковое сознание.

Список литературы:

1. Залевская А.А. Слово в лексиконе человека: Психолингвистическое исследова- ние. – Воронеж: Изд-во Воронежск. ун-та, 1990. – 205 с.
2. Залевская А.А. Индивидуальное знание. Специфика и принципы функциониро- вания. – Тверь: 1992. – 136 с.
3. Кубрякова Е.С. Человеческий фактор в языке. Язык и порождение речи. – М.: Наука, 1991. – 240 с.
4. Лингвистический энциклопедический словарь. Языкознание / Под ред. В. Н. Ярцевой. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 683 с.
5. Сахарный Л.В. Введение в психолингвистику. Л.: Изд-во Ленинградского уни- верситета, 1989. – 181 с.
6. Шахнарович А.М. Психолингвистика: Сборник статей. – М.: Прогресс, 1984. – 366 с.

АНДРЕЙ БЕЛЫЙ И ДЖЕЙМС ДЖОЙС: «ЭНЕРГИЙНАЯ» МОДЕЛЬ ЛИЧНОСТИ

Акопова Ю.А.

доцент кафедры журналистики, канд. филолог. наук, доцент,
Ростовский государственный экономический университет (РИНХ),
Россия, г. Ростов-на-Дону

В статье рассказывается об общности направления модернизации эстетических принципов А. Белого и Д. Джойса, обусловленной реализацией в их творчестве «энергийного» взгляда на человека. Целью творческого эксперимента обоих писателей стал поиск пути восхождения личности к её божественному и космическому «Я».

Ключевые слова: модернизм, художественная модель человека, «энергийная» концепция личности, самость, архетип.

О сходстве художественных приемов Белого и Джойса заговорили еще в 30-ые годы 20 века. Так, Е. Замятин в статье, посвященной «неутомимым» формальным исканиям» Белого, назвал его «русским Джойсом», а Г. Струве в некрологе, опубликованном 26 января 1934 года в газете «Таймс», писал, что Белый «предвосхитил» Джойса [1].

Сопоставительному анализу художественного сознания двух писателей посвящены работы многих современных исследователей [2].

Цель данной статьи – показать, что общее направление глубинной модернизации эстетики двух великих писателей определяется тем, что Джойс и Белый воплотили в своем творчестве новую неклассическую антропологическую модель, «гибкий, системно-динамический, холистически-синтетический, энергийный взгляд на человека» [3]. Как писал переводчик и исследователь Джойса С. Хоружий, «свидетельства» и «документы» господства в начале XX века «энергийной предельной модели человека» «доставляет нам культура модернизма, радикальные художественные стратегии, модернистские и постмодернистские» [3].

Что есть истинное «Я» по Белому? В статье «Пути культуры», почти за десять лет до появления юнговской теории бессознательного, в 1920 году, Белый пишет о «центре самосознания» человека, «Я» собственно, которое «...не есть «Я» личности, а – одновременно пересечение «Я» коллектива, «Я» мира и «Я» человека» [4, с.311], используя термин «самостность» [4, с.310]. Ценность и цель творчества – в создании себя по образу и подобию богов, которые являются символами высшего начала в человеке: «...нас ждет наше «Я»... Только эта форма творчества еще сулит нам спасение. Тут и лежит путь будущего искусства» [4, с.144], – декларирует Белый.

Процесс восхождения личности к своему божественному и космическому «Я» многократно изображен Андреем Белым в его теоретических работах и в художественных произведениях. Так, в статье «Эмблематика смысла» писатель изображает весь процесс творческого «пересоздания» личности: «...индивидуальное переживание стремится стать универсальным...в «я»

личном переживается «я» вечное... Бог становится символом субъекта» [4, с.75].

Христос как символ предельного духовного совершенства личности является и в конце повести Андрея Белого «Котик Летаев», в которой показывается история становления самосознания человека: «первое» рождение и «образование сознания», а затем раскрытие в самом себе надындивидуальной, космической сущности – рождение «окрепшего «Я», «когда мы вторично родимся» [5, с.326].

«Знаю я, – будет время...

Вспыхнет Слово. Как солнце, –

– это будет не здесь: не

теперь.

Самосознание мое будет мужем тогда, самосознание мое, как младенец еще: буду я вторично рождаться...

Распинаю себя...

Перегоревшие муки мои – этот блеск.

Во Христе умираем, чтоб в Духе воскреснуть» [5, с. 442].

По направлению к собственной самости движутся и персонажи романа Джойса «Улисс».

Рассматривая архетип как формальную феноменологическую структуру, Джойс реализует «Одиссею» в своем романе в качестве архетипической схемы, выявляющей определенным образом понимаемых им общечеловеческих начал.

В размышлениях Стивена о музыке в главе «Цирцея» проясняется важный парадигматический образ, лежащий в основе модели мира позднего Джойса: образ циклического развития, мыслимого как достижение «наибольшего возможного интервала... совместимого с финальным возвращением» [6, с.369]. Здесь продолжается начатая в «Сцилле и Харибде» тема о реализации личности: человек «идет на край света, чтобы не пересечься с самим собой. Бог, солнце, Шекспир, коммивояжер, достигнув пересечения с собою в самой реальности, обретают самих себя... Себя, какими они в себе были неотменимо предубословлены стать. Ессо!» [6, с.369].

Человек должен максимально удалиться от себя, чтобы стать самим собою – как всеединством своих дел и творений, как «все во всем» (другая важная парадигма мировой мысли, парадигма всеединства). Очевидным образом она близка парадигме «одиссеи» – дальнего странствия и возвращения к своему исконному. Для главы «Цирцея», которая построена на принципе перестановки внутренней и внешней реальности, важен и другой аспект модели: реализация личности, полнота ее самовыражения есть достижение тождества человека и всего им содеянного: всеединство как тождество внутренней и внешней реальности.

В «Цирцее» «вопрос об «онтологии» решается через вопрос о форме» [6, с.638].

Драматическая, театральная форма главы – в основе замысла эпизода. Весь ансамбль сцен связан единым заданием: раскрыть инсценировать, дать полную экспликацию, «развертку» внутреннего мира Блума и Стивена.

Так с Блумом происходит истончение и рассечение, разложение на множество проекций и архетипов. Театр Блума внутреннего мира раскрывает его как социальную личность, в его амбициях политика, лидера, владыки (по Джойсу самое поверхностное и малоценное в человеке) и движется в психологические глубины личности, к ее интеллектуальному миру, а затем и к потайному миру, к «подполью», «материализуясь» в демонических видениях и образах в «Вальпургиеву ночь».

В «Цирцее» все аспекты блумовой личности отделяются и гипостазируются, становясь самостоятельными субъектами: «Профессор Блум представляет собой законченный образец нового типа – женственного мужчины...» [6, с.364].

Блум (*в рейтузиках и пальтишке, большоголовой, с шапкой темных волос, раскрыв широко глаза, зачаровано смотрит на ее переливчатую юбку, пухлым пальчиком считает пряжки на ней и лепечет, высовывая мокрый язычок*). Лаз ва тли – тли тла тлаз [6, с.367].

Блум (очаровательная субретка с горчичными волосами и размалеванными щеками, с крупными мужскими руками и носом, с плотоядным ртом) [6, с.384].

Блум-мальчик, Блум-бабник, Блум-деятель, Блум – «ученый» Вираг Блум-преступник... вплоть до «Блумумии»: «В серебристобезмолвном летнем воздухе кукла Блума, спеленутая как мумия, скатывается круговращательно с оконечности Львиной Головы в винноцветные ожидающие воды.

Блумумия. Блублиблублик!» [6, с.391].

На мифологическом уровне Блум отождествляется не только с Одиссеем, но и с Адамом, Моисеем, Вечным Жидом и вместе с тем с Христом: его распинают как мессию.

К конкретному индивиду, Леопольду Блуму, применяют методику разложения – и находят, в итоге, что Блум целиком сводится к «космическим, физическим и психическим эквивалентам». Но точно такой же вывод был бы получен и для любого другого индивида! Герой, расчлененный и перемолотый, претворяется в нового, обобщенного человека, тождественного любому другому. Джойс специально подчеркивает этот итог; как знак совершившегося превращения, в конце «Итаки» Блум получает новое имя: Всякий – и – Никто.

Какова же цель подобной драматизации, театра масок, «структурного анализа» личности, как писал Е. Мелетинский, «сознательного размывания границ персонажа и сюжета» [7, с.315]?

«Белло (беспощадно). Нет, Леопольд Блум, все изменилось по воле женщины, куда ты спал пластом в Сонной Пещере. Ночь твоя длилась двадцать лет. Вернись и взгляни.

Блум (в разбитых башмаках, с заржавелым ружьишком, с исхудалым, осунувшимся, обросшим лицом, пробирается ощупью, на цыпочках...)» [6, с.387].

Подобно Улиссу, много пережившему страннику, стремившемуся к своему родному острову, «домой», назад к своей истинной сущности, герою Джойса в конце концов удастся освободиться от мира обманов и иллюзий, избавиться от своего эго и перейти в более высокое, более объективное состояние самости.

«Кто же все-таки Улисс? Без сомнения, он символ того, что создает тотальность, единость всех персонажей, появляющихся в «Улиссе» – мистер Блум, Стивен, миссис Блум и остальных, включая мистера Джойса», - писал Юнг [8, с.407].

«Характеры» в «Улиссе» заведомы даны как «варианты» некоей единой человеческой сущности

Именно к такому «абсолютному художественному изображению» должна вернуться литература «будущего», по словам Шеллинга: «изображение под знаком полной неразличимости, то есть именно такое, чтобы общее всецело было особенным, а особенное, в свою очередь, всецело было общим, а не только обозначало его» [9, с.123].

Изображение персонажей на «глубинном уровне» в творчестве Андрея Белого и Джеймса Джойса как раз и должно было подчеркнуть «общее в частном» и указать человеку путь к самому себе.

Список литературы

1. Смерть Андрея Белого (1880-1934). Сборник статей и материалов: документы, некрологи, письма, дневники, посвящения, портреты. Под ред. М.Л. Спивак, Е.В. Наседкиной. М.: Новое литературное обозрение, 2013.
2. Woronzoff AI. Andrej Belyj's "Peterburg", James Joyce's "Ulysses" and the Symbolist movement. Bern, 1982. Бабиева И.Р. К вопросу о типе романа начала XX века: «Петербург» Белого и «Улисс» Джойса // Начало: Сб. работ молодых ученых. М., 1993. Вып. 2. С. 122-135; Лало А.Е. Поэтика главных романов Дж. Джойса и А. Белого: Попытка сравнит. анализа // Диалог. Карнавал. Хронотоп. Витебск, 1995. №2. С. 44-65; Хоружий Поэтика Джойса: русские связи и соответствия // Рос. литературовед. журн. М., 1993. № 1. С. 164-183. и др.
3. Хоружий С. С. Практика себя (Разговор с Татьяной Иенсен) [Электронный ресурс]. URL: <http://synergia-isa.ru:80>. (дата обращения: 03.01.2016).
4. Белый Андрей. Символизм как миропонимание. М., 1994. 528 с.
5. Белый А. Сочинения в 2-х т. М., 1990. Т.2. 671 с.
6. Джойс Дж. Улисс. М., 1993. 669 с.
7. Мелетинский Е. Поэтика мифа. М., 1976. 408 с.
8. Юнг К.Г. Монолог «Улисса» // Избранное. Мн.: ООО «Попурри», 1998. 448 с.
9. Шеллинг Ф. Философия искусства. М.: Мысль, 1999. 608 с.

К ВОПРОСУ О СТАТУСЕ МЕТОДИКИ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК НАУЧНОЙ ДИСЦИПЛИНЫ

Амангалиева Г.М.

старший преподаватель кафедры русского языка,
Атырауский институт нефти и газа, Казахстан, г. Атырау

Статья посвящается определению статуса методики преподавания русского языка как научной дисциплины. По мнению ученых эта проблема не может иметь однозначного решения, так как современные критерии оценки ориентируются на новые образовательные концепции и парадигмы. Модернизация образовательной системы предусматривает разработку научных основ методики преподавания русского языка с целью формирования профессиональной и методической культуры будущего специалиста.

Ключевые слова: методика, наука, интеграция, лингвистика, психология, педагогика, образовательная система, концепция, профессиональная подготовка.

В современных условиях все цивилизованные страны перспективу своего политического, экономического и культурного развития связывают с образованием. Обществу нужны люди, способные приобретать знания и ориентироваться в образовательном пространстве. Результаты общего образования должны выражаться в предметном формате и иметь характер межпредметных умений.

Пересмотр целевых установок и приоритетов в определении образовательных результатов заставляет включить в состав основных образовательных программ и программу формирования универсальных учебных действий [1, с. 18].

Эти знания и умения формируются в системе школьного образования. Следовательно, подготовка учителей в педагогических высших учебных заведениях, ориентированная на достижения в области педагогики, педагогической психологии, чрезвычайно важна. Поэтому, особое внимание следует уделять методике обучения тому или иному предмету, в нашем случае – методике преподавания русского языка.

Методика преподавания русского языка занимает особое место в цикле лингводидактических дисциплин, так как она завершает теоретическую профессионально-педагогическую подготовку студентов.

Лингвометодическая закономерность может «сработать» только при соответствии целому ряду условий. Прежде всего – субъективных. К таким субъективным определяющим факторам относятся:

- 1) особенности личности обучающегося;
- 2) особенности личности обучающего;
- 3) особенности личности методиста-исследователя.

Также мы считаем, что необходимо учитывать свойства психики обучающегося, его способности, уровень подготовки по данному предмету, его интересы, намерения и т. д. Учет этой зависимости педагога, психологи, методисты издавна называют дифференцированным обучением. Не меньшее вли-

яние на результативность учебных средств, инструкций, рекомендаций имеют личностные качества учителя школы, преподавателя вуза и методиста-исследователя.

Интегративный характер методики преподавания русского языка проявляется в ее межпредметных связях с лингвистикой, психологией, педагогикой. Наиболее тесной является связь методики с лингвистикой, т.к. содержание и характер изучаемого в школе материала по русскому языку в целом определяется прежде всего языкознанием. Поэтому методика преподавания русского языка в школе не может развиваться безотносительно к лингвистической науке в ее современном состоянии.

Методика преподавания русского языка связана с психологией, так как в процессе формирования языковой личности обучаемых следует учитывать такие свойства психики человека, как понимание, память, воля, эмоции, мышление, характер, темперамент и др. Методика использует положения, касающиеся психологии восприятия: анализ и синтез, абстрагирование, конкретизация, систематизация; учитывает данные социальной психологии о целях обучения, формах работы, дифференциации и индивидуализации.

Современная концепция обучения русскому языку предполагает знание учителем теории личности, способов мотивации, активизации мыслительной и познавательной деятельности учащихся.

Связь с педагогикой обоснована следующими факторами.

1. Основные понятия педагогики могут использоваться в любой предметной методике.

2. Общепедагогические средства обучения своеобразно используются в условиях каждого учебного курса. Например, дидактические принципы, методы, средства наглядности, которые требуют учета специфики обучения языку.

3. Средства преподавания (обучения, изучения), специфичные только для конкретного учебного предмета, в данном случае для курса русского языка в школе или вузе. Эти отношения иллюстрируются приемами различения и употребления в речи смежных единиц фонетики, грамматики и других аспектов русского языка.

Таким образом, современные критерии определения статуса методики преподавания русского языка как научной дисциплины касаются ее специфического характера, обусловленного, прежде всего, интегративностью. Однозначно определить ее статус сложно, однако тот факт, что эта междисциплинарная научная дисциплина занимает главенствующее положение в ряду дисциплин лингводидактического цикла филологических факультетов педагогических вузов (в том числе классических университетов), – бесспорно.

Список литературы

1. Баранов М. Т., Ладыженская Т. А., Львов М. Р. и др. Методика преподавания русского языка. М., 1990. 184 с.
2. Баранов М. Т., Ладыженская Т. А., Львов М. Р., Ипполитова Н. А., Ивченко П. Ф. Методика преподавания русского языка. М., 2001. 236 с.
3. Львов М. Р. Русский язык в школе: История преподавания: Курс лекций для студентов педвузов и колледжей / М. Р. Львов. М.: Вербум, 2007. 331 с.

ИМПЛИЦИТНЫЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ СЕМАНТИКИ ОТРИЦАНИЯ В АНГЛИЙСКОМ И В ЧУВАШСКОМ ЯЗЫКАХ

Андреева Е.В.

старший преподаватель кафедры иностранных языков № 2,
Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова,
Россия, г. Чебоксары

Статья посвящена функциональному исследованию имплицитных средств выражением семантики отрицания в английском и чувашском языках. На основе анализа в аутентичном тексте оригинала на английском языке и в тексте его перевода на чувашский язык выявлены имплицитные средства выражения с негативной семантикой. Примерами послужили аутентичные рассказы из английской художественной литературы и ее перевод на чувашский язык.

Ключевые слова: семантика отрицания; разноструктурные языки; сопоставительный анализ; английский язык; чувашский язык; предлоги и послелого, когнитивный, имплицитный.

Изучение категории отрицания предполагает рассматривать его не только с точки зрения философии, логики, диалектики и лингвистики, а также необходим совершенно новый подход к анализу категории отрицания, а именно когнитивный подход.

Когнитивный подход является одним из ведущих направлений в языкознании на сегодняшний день. По мнению Е.С. Кубряковой, «язык стал изучаться не только как уникальный объект, рассматриваемый в изоляции, но в значительной мере и как средство доступа ко всем ментальным процессам, происходящим в голове человека и определяющим его собственное бытие и функционирование в обществе». Изучение категории отрицания с точки зрения когнитивного подхода предполагает понять, какими способами и средствами осуществляются процессы восприятия, категоризации, классификации и осмысления мира, как происходит накопление знаний, какие системы обеспечивают различные виды деятельности с информацией [2, с.9].

«Одно и то же понятие может быть передано различными средствами, что наиболее наглядно выступает при сравнительных сопоставлениях материалов различных систем языков. В одних языках оно выражается в семантической группировке слов, в других те же нормы отражаются на грамматическом построении слов и словосочетаний в предложении и т.д.» [4].

В нашей статье мы исследуем функционирование предлогов с имплицитным выражением семантики отрицания в английском языке и их соответствиями в чувашском языке.

По мнению исследователей когнитивного направления в языкознании некоторые пространственные предлоги также имеют отрицательный потенциал. Эти предлоги указывают на удаленность месторасположения и способны придать высказыванию отрицательный смысл. Они в сочетании с глаголами **to be, to keep, to feel, to stay** они выполняют функцию [7, p.212].

Предлоги, которые отражают далекие пространственные отношения способны формировать отрицательный смысл всего высказывания. При этом происходит функциональный сдвиг их значений. Это явление в языке связано с тем, что семантическая категория отрицания тоже указывает на отношения, которые могут быть отрицательными, отсутствующими. Поэтому отрицание и пространственная характеристика далеких отношений между предметами становятся близкими по значению. Человеческое сознание концептуализирует отрицание и далекие пространственные отношения одинаково. Следовательно, семантику отрицания можно передать через характеристику удаленности в пространстве.

В связи с этим возникает вопрос, какими же имплицитными средствами, в нашем случае, предлогами и послелогами, выражается значение отрицания в английском и чувашском языках, а также имеются ли соответствия или несоответствия в их употреблении в сопоставляемых языках?

Объектом послужили примеры из аутентичной художественной английской литературы и их перевод на чувашский язык.

В английском языке имеются такие предлоги как *away from, off, out of*, значение которых можно определить при помощи добавления к ним частицы **not**:

Tom is **out of** the water – Tom is **not in** the water

Ann is **away from** home – Ann is **not at** home

The book is **off** the shelf – The book is **not on** the shelf [8, p. 678].

Поэтому, можно говорить о семантической эквивалентности предлогов *out of, away from, off* и *not in, not at, not on*.

Предлог *against* также является имплицитным средством выражения семантики отрицания и передает противительно – оппозитивное отношение.

В сопоставляемом чувашском языке нет предлогов, но есть послелоги, которые выражают синтаксические связи в предложении. Послелоги наряду с предлогами могут выражать пространственные отношения, где значение проявляется только с именем в определенном падеже. К послелогам, выражающих пространственные отношения относятся: **витёр** «сквозь, через», **май** «по», **пусласа** «с, от», **сити, ситех, ситечен** «до», **тавра** «вокруг», **таран** «до», **тёррах** «вдоль по», **урла** «через, поперек», **хирёс** «против» [3]. Отрицательное значение послелоги приобретает, если прибавить к ним отрицательную частицу **мар** «не, нет», например: **витёр – витёр мар, хирёс – хирёс мар**.

Изучив фактический материал сопоставляемых языков, мы попытались, с одной стороны, определить основные средства выражения имплицитного отрицания на примере предлогов в английском языке, а с другой стороны, установить закономерности переводческих соответствий в сопоставляемых языках при передаче пространственных отношений с английского на чувашский язык.

Рассмотрим примеры с предлогами *away from, off, out of* в английском языке и их соответствиями в чувашском языке:

*No, little Swallow, said the poor Prince, you must go **away** to Egypt* [9, с. 36];

Сук – сук, ман пёчкёсё Чёкесём, сук? –тёне мёскён Принц, – санён Египета **кай**малла. [6, с. 14]. / «Нет, нет, Ласточка – Сказал несчастный Принц, ты должна улететь». (Здесь и далее перевод автора – Е. А.).

Ср.:

*Will you come with me **away**?* [9, с. 29];

Урăх сёре куçса **каяр** мар – и? [6, с. 8]. / «*Может перееедем в другое место?*».

В первом и втором примерах из английского языка средством имплицитного отрицания, способное формировать далекие пространственные отношения является предлог **away**. Предлог **away** подчеркивает категоричность удаленности глагола движения **to go** «идти, ехать, двигаться, путешествовать, уходить, уезжать, пойти» [<http://www.lingvo-online.ru/ru/Translate/en-ru/go>]. В примерах из чувашского языка соответствующее значение передается при помощи глагола **кай** «идти, уходить, ехать, уезжать, улетать, отправляться» [5], обозначающий движение по направлению от говорящего.

Ср.:

*So long as he is **away** do<...>* [9, с. 69];

Вăл кунта **сук** чухне<...> [6, с. 121]. / «Пока его здесь нет ...».

В оригинале семантика отрицания содержится в предлоге **away**, сущность которого раскрыть пространственные отношения удаленности. В переводе на чувашский язык соответствующее имплицитное отрицание английского языка передается при помощи обязательного конститутивного компонента – постпозитивной, формообразующей отрицательной частицы **сук** «не, нет» в своем номинативном значении.

<...> *it slipped back into the ground again and **went off** to sleep* [9, с. 47];

<...> *вара куляннине пуçне уснă та каллех **ыйха пуннă*** [6, с. 25]. / «Он снова ушел в землю и заснул».

Ср.:

*He hurried **off** into the darkness <...>* [9, с. 165];

<...> *пăхмасăр тёттёмре чупса **кайнă*** <...> [6, с. 235]. / «Он бежал без задних ног в темноту».

В примерах из английского языка оператором имплицитного значения отрицания служит предлог **off**, указывающий на пространственную удаленность смысловых глаголов **to go** «идти, ехать, двигаться, путешествовать, уходить, уезжать, пойти» [1] и **to hurry** «торопить, подгонять; ускорять, торопиться, спешить» [Там же]. В чувашском языке соответствующее значение передается при помощи глаголов **пунт** «погружаться, вязнуть, тонуть вваливаться, западать, становиться впалым» [5] и **кай** «идти, уходить, ехать, уезжать, улетать, отправляться» [5].

<...> *and went out into the garden* [9, с. 50];

<...> *шăпнăн пахчана **тухнă** вăл* [6, с. 26]. / «И тихонько вышел он в сад».

В оригинале из английского языка на удаленность действия показывает предлог **out** в сочетании с глаголом **to go** «идти, ехать, двигаться, путешествовать, уходить, уезжать, пойти» [1]. Соответствующее значение в чувашском языке выражено в глаголе **тух** «выходить, выезжать, вылезать», который обозначает действие, направленное вовне, за пределы чего-либо [5].

He had hardly ever permitted her to be out of his sight <...> [9, с. 111];

Вӓл Королевӓран пӓр утӓм уйрӓлман <...> [6, с. 59]. / «Он Королеву ни на шаг не отпускал от себя».

В английской фразе на пространственные отношения указывает предлог **out** в сочетании с глаголом **to be** «быть» [1] в значении «не отпускать из виду». В переводе на чувашский язык соответствующее значение передается при помощи слова **пӓр**, который усиливает семантику глагола **уйрӓлман**, образованное от глагола **уйрӓл** «расставаться, разлучаться, прощаться» [5] инфиксированного аффиксом отрицания **-ма-**.

<...> *and remember what Pack cast thee out* [9, с. 166];

<...> *кам Кӓтӓвӓ сана кӓларса сирпӓтрӓ!* [6, с. 238]. / «Кто же изгнал тебя из стаи!».

В примере из английского языка на удаленность действия указывает предлог **out** в сочетании с глаголом **cast** «бросать, кидать, швырять; выбрасывать» [1]. В переводе на чувашский язык соответствующее значение выражается при помощи глагола **кӓлар** «выгонять, выпускать» [5], которое интенсифицируется глаголом **сирпӓт** «выгонять, снимать, вышвыривать» [5]. Два синонимичных глагола взаимодополняют друг друга и семантически эквиваленты глаголу **cast** в сочетании с предлогом **out**.

Сопоставительный анализ предлогов, способных передавать отрицательное значение в английском языке и их соответствиями в чувашском языке выявил, что:

1) для понимания смысла имплицитного отрицательного высказывания необходимо учитывать особенности культуры, сознания и опыта говорящих;

2) Предлоги с имплицитным отрицательным значением в английском языке **away from, off, out of** в плане выражения пространственных отношений соответствуют послелогам **витӓр** «сквозь, через», **май** «по», **пусласа** «с, от», **сити, ситех, ситечен** «до», **тавра** «вокруг», **таран** «до», **тӓрӓх** «вдоль по», **урлӓ** «через, поперек», **хирӓс** «против» в чувашском языке;

3) в чувашском языке на удаленность действия при передаче английских предлогов **from, off, out of** в большинстве случаев указывает глагол **кай** «идти, уходить, ехать, уезжать, улетать, отправляться», однако, имеются иные варианты передачи английских предлогов **from, off, out of** на чувашский язык, а именно аффиксы отрицания **-ма-/-ме, мас-/-мес-**, а также слово **сук** «не, нет» в своем номинативном значении, что следует учитывать переводчику в процесс перевода с английского на чувашский язык.

Список литературы

1. Англо-русский словарь. [Электронный ресурс] URL: [http://www.lingvo-online.ru/ru/Translate/en-ru/go

2. Кубрякова Е.В. Язык и знание. М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.
3. Материалы по грамматике современного чувашского языка. Чебоксары: Чувашское кн. изд-во, 1957. 352 с.
4. Мещанинов И.И. Понятийные категории в языке // История советского языкознания / Сост. Ф.М. Березин. – М., 1981, с. 58
5. Скворцов М.И. Русско-чувашский словарь [Электронный ресурс] М., «Русский язык», 1985. URL: <http://samah.chu.su/s/1/> ытар (дата обращения 21.01.16).
6. Уайльд О. Тёлёнтермёш юмахсем / Оскар Уайльд. Шупашкар: Чăваш кёнеке изд-ви, 1986. 127 с.
7. Miller G, Johnson- Laird. Language and perception. Cambridge MA: Harvard University press, 1976.
8. Quirk et al. Grammar of Contemporary English. New-York, 1972.
9. Wilde O. Fairy tales / Oscar Wilde. М.: Прогресс, 1979. 212 с.

ПРАГМАТИКА ЭТИКЕТНЫХ ОБРАЩЕНИЙ: ГЕНДЕРНАЯ МАРКИРОВАННОСТЬ ТЕРМИНОВ РОДСТВА

Балакай А.А.

доцент кафедры русского языка и литературы, канд. филол. наук, доцент,
Новокузнецкий институт (филиал) ФГБОУ «Кемеровский государствен-
ственный университет», Россия, г. Новокузнецк

В статье с точки зрения гендерного аспекта рассматриваются русские этикетные обращения – термины родства.

Ключевые слова: речевой этикет, этикетные обращения, термины родства, гендерная лингвистика, гендерная маркированность знаков речевого этикета.

Гендерные исследования сформировались в настоящее время как новое направление лингвистики, определены основные термины, расширяется эмпирическая база исследований, опубликовано немало работ в рамках данного направления, в центре внимания которого стереотипные представления о мужских и женских качествах, речевое поведение индивидов в связи с их принадлежностью к тому или иному полу [3; 4; 5; 6; 7]. Однако следует отметить, что работ, в которых систематизированно были бы проанализированы и описаны гендерные особенности русского языка (речи), в настоящее время нет.

В своей работе мы обращаемся к русскому речевому этикету, анализируя его с позиции гендера. Трудности в общении и взаимопонимании между мужчиной и женщиной, нарушение правил должного речевого поведения, оскудение вежливого и доброжелательного отношения мужчин и женщин друг к другу – актуальные проблемы современности. Объяснение некоторых особенностей русского речевого этикета с позиции гендера должно, на наш взгляд, пролить свет на речевую культуру предшествующих поколений, что, в свою очередь, откроет путь к пониманию, сохранению и развитию современной русской культуры и в целом русской нации.

Объектом нашего исследования стали этикетные обращения как наиболее частотная группа единиц русского речевого этикета. Кроме того, обра-

щения, выполняя контактно-побудительную функцию в речи, зачастую задают модель коммуникативной ситуации, т.е. определяют, в какой тональности будет проходить общение.

Под этикетными обращениями понимаем «слова и устойчивые словесные формулы, обладающие синтаксически обусловленными и ситуативно связанными, нередко идиоматичными значениями, употребляемые в обращении с целью призыва адресата (лица), установления или поддержания с ним речевого контакта в эмоционально положительной (вежливой, доброжелательной) или официальной тональности в соответствии с коммуникативной ситуацией» [1, с. 87]. Обращение занимает важное место в национальной культуре общения. Выбор и употребление форм обращений в соответствии с речевой ситуацией является показателем коммуникативной компетентности человека. Не случайно в работах по культуре речи и толковых словарях значительное внимание традиционно уделяется этикетным обращениям.

Среди многочисленных единиц этикетных обращений одно из значительных мест занимают термины родства.

Из картотеки единиц русского речевого этикета нами было выявлено и проанализировано 380 терминов родства (учитывая все производные). В результате анализа были отмечены следующие особенности употребления этих единиц.

Симметрично функционирующие единицы, не имеющие гендерных различий в семантике. Данные обращения образуют этикетные пары, у которых полностью совпадают коннотативно-прагматические компоненты семантики. Различаются данные обращения только половой принадлежностью адресата. Сравните:

Сын. Малоупотребительное обращение родителей к юному или взрослому сыну. В зависимости от сложившихся в семье норм обращения может употребляться как в обиходной, так и в возвышенной речи, а также в конфликтной ситуации с оттенком отчуждения, отстранения [СРРЭ].

Дочь. Малоупотребительное обращение родителей к юной или взрослой дочери. В зависимости от сложившихся в семье норм обращения может употребляться как в обиходной, так и в возвышенной речи, а также в конфликтной ситуации с оттенком отчуждения, отстранения [СРРЭ].

Кум. Просторечное обращение родителей крестника или крестницы к крестному отцу. // Обращение крестного отца или матери к отцу крестника или крестницы. // Обращение крестной матери к крестному отцу. [СРРЭ].

Кума. Просторечное обращение родителей крестника или крестницы к крестной матери. // Обращение крестного отца или матери к матери крестника или крестницы. // Обращение крестного отца к крестной матери. [СРРЭ].

Всего подобных обращений 61 пара, включая производные: *деда – баба (дед – баб), сын – дочь, муж – жена, крестный – крестная, крестник – крестница, кузен – кузина, папа – мама, племянник – племянница, сват – сватья, брат – сестра, зятюшка – сношенька, дядя – тётя.* Данная группа обращений не представляет значительного интереса с точки зрения гендерного подхода.

Симметрично функционирующие единицы, различающиеся коннотативно-прагматическим компонентом семантики. Коннотативно-прагматический компонент семантики обращений составляют их эмоционально-оценочная и стилистическая окраска, а также те параметры речевой ситуации, которые влияют на выбор и употребление обращения говорящим в конкретном речевом акте: отношения между адресантом и адресатом, обстановка общения, способ общения, цель общения [1, с. 70-72].

В качестве примера асимметричных обращений рассмотрим обращения к родителям жены и мужа.

Тёщенька. Просторечное *ласково-шутливое* или ироничное обращение к тёще. [СРРЭ]

Тестюшка. <...>. Просторечное малоупотребительное *учтливое* обращение зятя к тестю. // Ироничное. [СРРЭ]

При описании семантики этих обращений привлекает внимание коннотативная помета «ласково-шутливое» в обращении *тёщенька*. Подобной коннотации у обращения *тестюшка* не отмечено, хотя в качестве оттенка употребления *ироничная* эмоционально-экспрессивная окраска так же отмечается. Обращение *тестюшка*, в отличие от парной единицы *тёщенька*, имеет коннотативную помету «учтливое», подобная коннотация у обращения *тёщенька* отсутствует.

Интересным, на наш взгляд, показалось также различие прагматического компонента в ласковых обращениях родителей к дочери и сыну: *дочурка* – *сыннишка*, *доча* – *сына*.

Обращение *сыннишка* употребляется только по отношению к маленькому, малолетнему сыну, обращение *дочурка* по отношению к дочери возрастного ограничения не имеет.

Сыннишка. Разговорное. Ласковое обращение к *малолетнему* сыну. [СРРЭ]

Дочурка. Разговорное. Уменьшительно-ласкательное к Дочь. [Ср.: **Дочь.** Малоупотребительное обращение к *юной или взрослой* дочери].

В обращениях *сына* – *доча* также отмечается отличие в прагматическом компоненте семантики. Ласковое обращение *сына* звучит чаще из уст матери, чем отца, в обращении *доча* указания на пол адресанта нет.

Сына. Просторечное ласковое обращение родителей (*чаще матери*) к сыну. [СРРЭ]

Доча. Просторечное ласковое обращение к дочери. [СРРЭ]

Но самыми яркими нам показались обращения *отец* и *мать*. На первый взгляд, это две равнозначные формы обращения к родителям, соотносимые лишь по половой принадлежности. Однако при анализе словарных статей были отмечены гендерные различия в их употреблении. Сравните:

Отец. 1. Обращение взрослого *сына или дочери* к отцу. Употребляется преимущественно в серьёзном разговоре, нередко с оттенком отстранения, или в *возвышенной* эмоциональной речи. <...> // Малоупотребительное обращение к свёкру или тестю. <...> [СРРЭ].

Мать. 1. *Разговорное.* Обращение взрослого *сына* к матери. Малоупо-

требительное, *граничит с невежливостью*. Употребляется обычно в серьёзном разговоре, нередко с оттенком отстранения, или в эмоциональной речи в конфликтной ситуации. <...>. // Малоупотребительно обращение к теще. <...> [СРРЭ].

Прагматические отличия очевидны. Во-первых, отмечается разница адресантов. Если обращение *отец* могут употреблять равнозначно как взрослый сын, так и взрослая дочь, то обращение к матери – *мать* – характерно только для взрослого сына. Вероятно, поэтому обращение *отец* может выступать в адрес свёкра или тестя. Обращение *мать* употребляется только по отношению к теще, но не к свекрови.

Во-вторых, обращение *отец* употребляется преимущественно в серьёзном разговоре, нередко с оттенком отстранения, либо в возвышенной эмоциональной речи – малоупотребительно *мать* граничит с невежливостью и употребляется обычно в серьёзном разговоре, нередко с оттенком отстранения, или в эмоциональной речи в конфликтной ситуации.

Кроме того, отмечены отличия стилевые. Обращение сына к матери – *мать* – возможно только в разговорном стиле. Аналогичное обращение *отец* разговорным стилем не ограничено и может употребляться в возвышенной речи.

Подобных пар обращений отмечено в картотеке Словаря [2] 19. Ласковые и уменьшительно-ласкательные коннотации в обращениях характерны преимущественно для женщин (говорящих и адресатов). Мужские обращения отличаются большей сдержанностью, меньшей эмоциональностью, ласковые коннотации в речи мужчин преобладают чаще по отношению к ребёнку.

Непарные единицы, характеризующиеся гендерной маркированностью. Это особая группа этикетных обращений, представляющих интерес с точки зрения гендера. В данной группе отмечено 220 единиц, не имеющих соотносительной мужской – женской пары.

Сравним обращения внуков к деду и бабе. В обращении к деду есть единица *деда* в сочетании с именем собственным: *деда Митя, деда Паша, деда Ваня*. При этом в обиходном обращении внуков к бабушке, помимо аналогичной единицы *баба* в сочетании с именем собственным (*баба Надя, баба Таня*), можно отметить обращение со сниженными коннотациями:

Бабка. Устаревшее. Областное. В сочетании с именем собственным обиходное обращение взрослых внуков к бабушке, как Папка – к отцу, Мамка – к матери [СРРЭ].

Аналогичного обращения к деду (**дедка Иван*) не наблюдается.

Сравним областные обращения взрослых племянников к сестре матери или отца.

Тетка. Областное и просторечное. Грубоватое или шутовское обращение племянников (не детского возраста) к тете. В некоторых областях такое обращение может и не иметь грубоватого оттенка, как мамка или папка [СРРЭ].

В родственном обращении к *дяде* такая форма отсутствует. Есть аналогичная форма *дядька*, но лишь по отношению к незнакомому мужчине или неродственнику.

Интересным представляется областное обращение *батя* – обращение взрослого сына к отцу, например: *Но тут зазвонил телефон, и Клим Андреевич, недовольно поморщась, снял трубку. «Фролов слушает». – «Здравствуй, батя». – «Алло... кого вам?» – «Папа, это я», – сказала трубка. – «Юрка... Ты?» – «Ну, да. Я приехал, батя. Сегодня утром прилетел». А. Рекемчук. Соло на ударных [СРРЭ].*

В лексико-фразеологическом гнезде есть несколько словообразовательных производных от данной единицы, с различными оттенками употребления: *батя, батенька, батька, батько, батюнька, батюнь, батюня, батюш, батюшка, батюшко, батяка, батянька, батянюшко, батяка, батянька, батянюшка, батяня.*

Указанные единицы не имеют соотносимых аналогий в обращениях к матери. Исключение составляет симметричная пара единиц *батюшка – матушка*, устаревшая форма почтительного обращения к родителям, например:

[София:] Позвольте, батюшка, кружится голова; Я от испуга дух перевожу едва; Изволили вбежать вы так проворно, Смешалась я. А. Грибоедов. Горе от ума [СРРЭ].

«Машенька! – сказала она ей, – скорей оденься получше; мы пойдем в гости». – «К кому, матушка?» – спросила Маша с удивлением. «К добрым людям», – отвечала мать. А. Погорельский. Лафертовская маковница [СРРЭ].

Анализ материала свидетельствует о том, что в большинстве случаев русским этикетным обращениям – терминам родства присуща гендерная маркированность. Отличия наблюдаются в коннотативных и прагматических семах. Различительными оказываются у соотносимых по полу обращений эмоционально-оценочная и стилистическая окраска, составляющая коннотативный компонент их значений. Различия в прагматическом компоненте отмечены по таким семам, как пол адресанта, возраст адресата, обстановка общения. Таким образом, обнаруживается новый компонент в описании этикетного знака – гендерный, который может стать дополнением прагматической части семантики знаков речевого этикета при их лексикографическом описании.

Список литературы

1. Балакай А. А. Этикетные обращения: функционально-семантический и лексикографический аспекты. – Дисс. ... канд. филол. наук. – Новосибирск, 2005. 195 с.
2. Балакай А. Г. Словарь русского речевого этикета: 2-е изд., испр. и доп. – М.: АСТ-ПРЕСС, 2001. 672 с. (СРРЭ)
3. Божанова Н. Г. Гендерные исследования в лингвистике: история, современность, перспективы // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2012. № 5 (109). С. 69 – 74.
4. Горошко Е. И. Гендерная проблематика в языкознании [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.owl.ru/win/books/articles/goroshko.htm>
5. Земская Е. А., Китайгородская М. А., Розанова Н. Н. Особенности мужской и женской речи // Русский язык в его функционировании / Под ред. Е. А. Земской и Д. Н. Шмелёва. М.: Наука, 1993. С. 90 – 136.
6. Кирилина А. В. Гендер: лингвистические аспекты. М., 1999. 155 с.

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ И ПЕРЕВОДА БИБЛЕЙСКОГО ДИСКУРСА В АНГЛИЙСКОМ «ГОТИЧЕСКОМ» РОМАНЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ А. РАДКЛИФ, Ч.Р. МЕТЬЮРИНА)

Варушкина А.В.

старший преподаватель кафедры иностранных языков, канд. филолог. наук, Военный учебно-научный центр Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия имени проф. Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина», Россия, г. Воронеж

Статья рассматривает особенности функционирования и перевода библейского дискурса в английском «готическом» романе.

Ключевые слова: библейский дискурс, «готический» роман, библеизмы-цитаты, перевод.

Вопросы понимания и перевода текста остаются одним из наиболее актуальных на сегодняшний день. Так, при переводе художественного текста важно обращать внимание на:

- функциональную эквивалентность исходного текста и текста перевода. Как замечает Ю.А. Сорокин, переводчик пытается создавать текстовые версии, подобные авторскому тексту, получает «тексты-миксты», в которых скорее актуализирует «свое» видение, а не «чужое» [8, с. 60-61];

- социальные, культурные, психологические, этнографические аспекты исходного текста и текста перевода [5, с. 114];

- семантическую адекватность и риторическую выразительность текста перевода [6, с. 3].

Еще более сложной представляется проблема перевода библейского дискурса.

Библейский текст, являясь истоком западно-европейской культурной традиции, представляет собой бесконечное дискурсивное пространство, в котором переплелось огромное количество интерпретаций его толкователей, переводчиков.

В данной работе мы обратимся к особенностям функционирования и перевода библейского дискурса в английском «готическом» романе.

Английский «готический» роман, представленный именами Г. Уолпола, М.Г. Льюиса, А. Радклиф, Ч.Р. Метьюрина – один из сложных литературно-эстетических феноменов к. XVIII – XIX вв., вызывающий неослабевающий интерес исследователей. Возникший на рубеже веков, «готический» роман вобрал в себя как достижения английской прозы XVIII в. (просветительские, сентиментальные черты), так и романтические тенденции.

Обращение к проблемам церкви и религии – одна из примет «готического» романа. Вслед за просветителями представители школы «ужаса» критикуют монастырь как церковный институт, подавляющий права и свободы человека, раскрывают лицемерие обрядов, развенчивают монастырский уклад.

Библейский дискурс, занимавший важное место в классической английской прозе XVIII в. (Д. Дефо, С. Ричардсон и др.), однако, не столь широко представлен в «готическом» романе (библейзмы-цитаты у С.Ли, А. Радклиф, Ч.Р. Метьюрина). Налицо и изменение способов введения библейского текста, его функций в «готическом» повествовании, что имеет немаловажное значение для адекватного перевода.

Отметим, что для прозы XVII-XVIII вв. Библия являлась не только главным авторитетом в вопросах нравственности и морали, мерилom оценки «хорошего и дурного», но и эталоном художественной выразительности. Думается, вслед за предшественниками (вспомним, например, обращение к библейскому слову и образам Робинзона Крузо у Д. Дефо) авторы «готических» романов обращаются к «готовым» архетипическим образам, сюжетам Библии для выражения сложных эмоциональных состояний и переживаний своих героев (страдания Вальберга у Ч.Р. Метьюрина, переживания Матильды у С.Ли, Аделины у А. Радклиф).

По мнению Н.В. Климович, библейский дискурс может быть представлен в художественном тексте в форме следующих интертекстуальных элементов: библеизмы-слова, библеизмы-фразеологические единицы, библеизмы-междометия, библеизмы-цитаты [7, с.141].

Авторы «готических» романов обращаются к библейскому тексту в форме преимущественно неатрибутированных цитат.

Приведем пример:

The Sun of Righteousness shall arise with healing in his wings [3, p. 233] *Я чувствую, что ненадолго переживу тебя и верую в милосердие Божие, кое позволит нам повстречаться в том мире, где печаль неведома, где "взойдет солнце правды и исцеление в лучах Его!"* [4, с. 155]

But unto you that fear my name shall the Sun of Righteousness arise with healing in his wings [Mal. 4:2] *А для вас, благоговеющих перед Именем Моим, взойдет Солнце Правды и Исцеления в Лучах Его* [Книга пророка Малахии 4:2]

Действительно, выражения и темы из Библии, как пишет К. Хилл, «до такой степени вошли в повседневный обиход, что от нас сейчас требуется немало усилий, чтобы понять их» [9, с. 47].

Следует отметить, что в «готическом» романе библейское слово представлено не только прямыми цитатами, но и присутствует в трансформированном виде (искажения, неточности, переложения).

Приведем примеры:

Those who have ears will hear...[1, p. 68] *Нам обещано, что глухие услышат* [2, с. 72]

He that hath an ear let him hear...[Revelation 2:11] *Имеющий ухо (слышать) да услышит...* [Откровение Иоанна Богослова 2:11]

There was neither speech nor language, but the voices were heard among them and felt too [1, p. 350] *Не было ни языка, ни речи, но были голоса, которые они слышали и понимали* [2, с. 408]

There is no speech nor language, where their voice is not heard [Psalm 18: 2] *Нет ни языка, ни наречия, где не слышался бы голос их* [Псалтырь 18:2]

Столь вольное обращение с библейским словом, на наш взгляд, связано с поисками новых выразительных средств, свободой творчества и самовыражения, тенденциями, отчетливо проявившими себя в эстетике романтизма.

Трансформации может подвергаться как отдельное высказывание, так и целый фрагмент. Так, цитата “*shadow of a shade*” в «Итальянце» А. Радклиф, как полагают исследователи романа, вызывает ассоциации не столько с Книгой Иова: «*Человек, рожденный женою, краткодневен и пресыщен печалью; как цвет, он выходит и опадает, и бежит, как тень, и не останавливается*» [Книга Иова 14: 1-3], сколько с ее переложением Эдвардом Юнгом.

Таким образом, при переводе цитат-библейзмов в «готическом» романе следует учитывать истоки возможных расхождений интертекстуальных элементов библейского происхождения с текстом Библии: искажения, неточности, толкования и переложения Библейского текста, которые получили распространение в эпоху написания произведения, наконец, авторские попытки интерпретации библейского слова.

При переводе библейзмов-цитат переводчик оказывается в сложной системе межтекстовых отношений: он должен не только идентифицировать частую скрытую библейскую цитату, соотнести ее с исходным текстом Библии, но адекватно вписать ее в контекст произведения, принимая во внимание традиции передачи библейского слова в языке перевода.

Думается, обилие трансформированных библейзмов-цитат в рассмотренных «готических» романах свидетельствует о попытках более глубокого и нюансированного изображения внутреннего мира героев, их сложных душевных состояний, поисках новых форм эмоциональности, выразительности.

Список литературы

1. Maturin Ch. R. *Melmoth the Wanderer*. L., 1892.
2. Метьюрин Ч.Р. Мельмот Скиталец. М.: Наука, 1983. 507 с.
3. Radcliff A. *The Romance of the Forest*. М.: Радуга, 1983. 507 с.
4. Радклиф А. Роман в лесу. М.: Ладомир, 1999. 320 с.
5. Гарбовский Н.К. Теория перевода. М.: МГУ, 2004. 544 с.
6. Евсаян М.В. Библейзмы в культурно-антропологической модели перевода // Лингводидактические основы преподавания языков и культур. 2005. Вып. 1. С. 34-39.

7. Климович Н.В. Особенности перевода интертекстуальных элементов библейского происхождения в художественном тексте // Вестник Томского гос. пед. университета. 2013. №10 (138). С. 141-147.

8. Сорокин Ю.А. Переводоведение: статус переводчика и психогерменевтические процедуры. М.: Гнозис, 2003. 160 с.

9. Хилл К. Английская Библия и революция XVII века. М.: Ин-т всеобщ. истории РАН, 1998. 489 с.

М.Ю. ЛЕРМОНТОВ. ОСТОРОЖНО: СВОБОДА!

Веденяпина Э.А.

канд. филолог. наук, Россия. г. Москва

Общеизвестно, что свобода – одна из центральных тем в творчестве М.Ю. Лермонтова. Проблема в том, что он считается ее певцом, тогда как за частым обращением поэта к теме свободы стоит не признание ее высшей ценностью, а глубокое художественное проникновение в состояние личности, ставящей свободу выше всего. В действиях свободолюбивого героя Лермонтова обнаруживается стремление к разрешению неразрешимого противоречия между его потребностью в общении и страстью самоутверждения.

Ключевые слова: свобода, воля, одиночество, самоутверждение.

Свобода была главной ценностью человеческого бытия в представлении молодого русского дворянства первой трети XIX века. "Свобода! Он одной тебя // Еще искал в подлунном мире!" – так в поэме Пушкина «Кавказский пленник» определена основная тенденция духовного поиска современников поэта. Борьба под лозунгом свободы привела к катастрофическим событиям в России в XX веке, поэтому стоит внимательнее приглядеться к этой проблеме. Лермонтов вскрыл суть свободолюбивой личности, что до сих пор не было отмечено и оценено.

Общепринятым является мнение, что Лермонтов – певец свободы. При этом свобода в его творчестве рассматривается как мотив. «Свобода и воля – центральные мотивы поэтического наследия Лермонтова», – читаем в статье «Мотивы» в «Лермонтовской энциклопедии» [с. 291], в которой используются два слова: «свобода» и «воля», и употребляются они не как синонимы. В.И. Коровин, автор этой статьи, указывает, что воля связана с фольклорным пониманием и что воля, по Лермонтову, – "нечто исконно природное, составляющее безмерную, абсолютную ценность бытия и личности" [с. 292]. Воля – "высшее начало, несравнимое даже со счастьем" [с. 292]. Воля выше, ценнее свободы.

Главные герои Лермонтова живут в состоянии свободы. Самые свободные в русской литературе, они стремятся к воле и вскоре ее достигают. Свободен сирота Мцыри, герой одноименной поэмы. Свободен от каких бы то ни было обязательств и богатый офицер Печорин, главный герой романа "Герой нашего времени". Абсолютно свободен герой поэмы "Демон". И как же они чувствуют себя в состоянии свободы, к чему стремятся и чем это все заканчивается?

Мцыри не монах, он послушник, то есть не обязан жить в монастыре, где он с детства воспитан, он никак не проявляет своего отношения к христианству, он просто сбежал из монастыря ради воли. На воле он оказался перед лицом страшных обстоятельств. Он прошел через мучения голода и жажды, через схватку с диким зверем, через угрозы опасной горной природы. Жизнь на воле оказалась полной невыносимых лишений, которые отняли и силы и жизнь. Но он не ропщет на испытания. Он доволен, что доказал самому себе свою натуру борца: что был бы он «в краю отцов не из последних удальцов».

Демон полон тоски. Ему-то чего недостает в атмосфере абсолютной свободы? Однако понадобилась Тамара. Он полюбил ее, заставил полюбить себя, и она умерла, усилив его тоску, тоску одиночества. Демон, как и Мцыри, – исключительная личность в исключительных обстоятельствах. Иное дело – человек в реальных условиях жизни.

Печорин – армейский офицер, вооружен и чрезвычайно активен. Не преследуя никаких явных целей, он не может миновать ни одной ситуации, свидетелем которой он оказывается. В Тамани его внимание привлекли действия слепого мальчика и юркой девушки. Он выследил их и разорил гнездо «честных контрабандистов». Если события не предвидятся, он его организует. Он спланировал похищение Бэлы, уговорив ее брата выкрасть ее и привезти Печорину в крепость, куда Казбич пригоняет баранов. Там Азамат украл Карагеца, лошадь Казбича, чрезвычайно им ценимую. В результате Казбич зарезал отца Бэлы и Азамата. Азамат исчез вместе с лошастью. Казбич выкрал Бэлу и зарезал ее. Так был опустошен дом, который однажды посетил Печорин. Он взревновал молоденькую княжну к раненому Грушницкому и, в сущности, спровоцировал дуэль, на которой убил молодого офицера Грушницкого, а Мэри душевно ранил. После него остается выжженная земля.

Его тактика такова: обаятельный, он привлекает к себе и уничтожает. В него влюбляются все женщины: Вера, Бэла, Мери и Настя, дочка урядника в повести «Фаталист». И гибнут, кроме Насти, которую он пренебрег. Ему завидуют мужчины и пытаются соперничать, бороться – и тоже терпят поражение все: от разбойника Казбича до офицера Грушницкого.

Сама судьба не устояла перед ним. В повести «Фаталист» среди офицеров шел спор о предопределении, то есть о роли судьбы в жизни человека. Тогда Печорин решил сразиться с самой судьбой. Объективно он совершает подвиг. Безоружный, он под дымовой завесой врывается через окно в избу, где заперся пьяный солдат, только что зарубивший офицера. Печорину удалось схватить преступника и сдать его ворвавшимся через дверь солдатам. Все его поздравляли. «И было с чем» – внутренне говорит он, соотнося свою победу не с казаком, а с самой судьбой.

Общеизвестно, что в романе «Герой нашего времени» нарушена хронологическая последовательность расположения повестей. Это имеет очень важное значение. От повести к повести возрастает сила противника Печорина: от горца Казбича и девушки-контрабандистки – к офицеру Грушницкому и к самой судьбе. Можно сказать, он организует жизнь вокруг себя. Можно сказать, что он играет со смертью, находясь фактически на грани самоубийства.

Но зачем? Что он сам об этом думает? Он рассуждает об этом так: «И зачем было судьбе кинуть меня в мирный круг честных контрабандистов?» Как видим, себе он отводит пассивную роль. Он снимает с себя ответственность и укоряет судьбу в ее непонятных ему намерениях. «...Сколько раз уже я играл роль топора в руках судьбы! Как орудие казни, я упал на голову обреченных жертв, часто без злобы, всегда без сожаления...» Он видит себя только орудием судьбы – ее инструментом. А каково его собственное представление о жизни? «Я люблю врагов, хотя не по-христиански. Они меня забавляют, волнуют мне кровь. Быть всегда на страже, ловить каждый взгляд, значение каждого слова, угадывать намерения, разрушать заговоры, притворяться обманутым, и вдруг одним толчком опрокинуть всё огромное и многотрудное здание из хитростей и замыслов, – вот что я называю жизнью». И это пассивное отношение?

В памяти читателя он остается абсолютным победителем, поскольку завершается роман повестью "Фаталист", о смерти же героя мы узнаем в середине книги – в предисловии к журналу Печорина – и не становимся свидетелями смерти, а только получаем краткую информацию о его кончине из третьих рук. А он не устает подчеркивать свою исключительно страдательную роль. Он удивляется: «Неужели мое единственное назначение на земле – разрушать чужие надежды?» Такая постановка вопроса свидетельствует об ощущении им враждебности своего поведения. «С тех пор, как я живу и действую, судьба как-то всегда приводила меня к развязке чужих драм, как будто без меня никто не мог бы ни умереть, ни прийти в отчаяние! Я был необходимое лицо пятого акта, невольно я разыгрывал роль палача или предателя».

Он обвиняет судьбу и допрашивает её: «Какую цель имела на это судьба?» И все же он не может этим ограничиться, способность к глубокому самоанализу не позволяет Печорину отгородиться от размышлений о причинах его беспощадного, можно сказать, потребительского обращения с людьми. Он ищет причины своего душевного состояния и находит их. Во-первых, он обвиняет свет, то есть дворянское общество, в своем душевном состоянии: «Во мне душа испорчена светом... я глубоко чувствовал добро и зло... я был готов любить весь мир...» Но его не полюбили, и он всех возненавидел. Затем он дает индивидуальное психологическое объяснение: у него «воображение беспокойное, сердце ненасытное», «мне всё мало, к печали я так же легко привыкаю, как к наслаждению, и жизнь моя становится пустее день от дня...» Практичный Максим Максимыч говорит об этом просто: «Таков уж был человек: что задумает, подавай, видно, в детстве был маменькой избалован...».

Кроме того, Печорин говорит о дурной наследственности – о присущем ему от рождения духе противоречия: «У меня врожденная страсть противоречить, целая моя жизнь была только цепь грустных и неудачных противоречий сердцу или рассудку. Присутствие энтузиаста обдаёт меня крещенским холодом, и, я думаю, частые сношения с вялым флегматиком сделали бы из меня страстного мечтателя». Это неправда. Вспомним, как рассказчик замечает, что глаза Печорина не смеялись, когда он смеялся, и так это поясняет: «Это признак – или злого нрава, или глубокой постоянной грусти». Однако

отмеченный им «фосфорический блеск» глаз Печорина, «подобный блеску гладкой стали, ослепительный, но холодный», свидетельствует скорее о злобе, чем о грусти. Принимая во внимание холодность его взгляда, придется сделать вывод о том, что его всегда окружали теплые, мягкие люди. В романе это как будто подтверждается. Мягкими, добрыми являются Максим Максимыч, быстро простивший Печорину похищение Бэлы, Вера, которая никогда, несмотря на свои два замужества, не могла воспротивиться его влиянию, постоянный собеседник Печорина доктор Вернер, человек «души испытанной и высокой», плакавший над умирающим солдатом, да и в Грушницком в его двадцать лет Печорин не отрицал «много добрых свойств».

В таком случае люди жесткие и волевые должны были пробуждать в Печорине противоположные качества. Однако в среде контрабандистов в повести «Тамань» Печорин ведет себя в соответствии с их нравами и на попытку утопить его отвечает тем же. В главе «Фаталист» Вулич, заявивший о фатализме, заразил этим Печорина, а не отвратил. Гордая княжна Мери не смягчила Печорина, а настроила его воинственно и весело. «Весело!..» – восклицает Печорин и объясняет: «... я уже прошел тот период жизни душевной, когда ищут только счастья, когда сердце чувствует необходимость любить сильно и страстно кого-нибудь, – теперь я только хочу быть любимым». Значит, дело не в окружении, а в возрасте?

И еще о возрасте. Он вспоминает, что в первой молодости был мечтателем: «любил ласкать попеременно то мрачные, то радужные образы, которые рисовало мне беспокойное и жадное воображение. Но что от этого мне осталось? Одна усталость, как после ночной битвы с привидением... В этой напрасной борьбе я истощил и жар души и постоянство воли, необходимое для действительной жизни, я вступил в эту жизнь, пережив её уже мысленно, и мне стало скучно и гадко, как тому, кто читает дурное подражание ему известной книге».

Есть и еще объяснение. Вот он перекупил ковер, который хотела купить княжна Мэри, вызвал ее неудовольствие, назвал это войной и объявил: «Милая княжна, берегитесь! Если вы мне объявите войну, то я буду беспощаден». Он сдержал слово и сделал всё, чтобы юная Мери влюбилась в него, а потом объявил ей, что не любит её. И объясняет: «А ведь есть необъятное наслаждение в обладании молодой, едва распустившейся души! Она как цветок, которого лучший аромат испаряется навстречу первому лучу солнца, его надо сорвать в эту минуту и, подышав им досыта, бросить на дороге: авось кто-нибудь поднимет!» Обладать душой – это из нечеловеческой лексики. Далее уточнение: «Я смотрю на страдания и радости других только в отношении к себе, как на пищу, поддерживающую мои душевные силы». Признание более чем откровенное и тоже из сверхчеловеческой природы. Но есть и ещё: «Есть минуты, когда я понимаю Вампира».

Высшее признание: «А что такое счастье? Насыщенная гордость». Признание того же порядка. Не случайно княжна Мери сказала Печорину, что он хуже убийцы.

Отдает ли себе отчет Печорин в своих переживаниях? Не только отдает, но именно в самоанализе он видит высший смысл существования любого человека. «Душа, страдая и наслаждаясь, дает во всем себе строгий отчет...она проникается своей собственной жизнью... Только в этом высшем состоянии самопознания человек может оценить правосудие Божие». Очень верно, если следствием самоанализа является раскаяние и исповедь. Но это очень далеко от Печорина. Печорин как будто бы строго судит себя. Он задает себе вопрос: «Зачем я жил? Для какой цели я родился?.. А, верно, она существовала, и, верно, было мне назначение высокое, потому что я чувствую в душе моей силы необъятные... Но я не угадал этого назначения, я увлекся приманками страстей пустых и неблагодарных...» Он признается, что живет «из любопытства: ожидаешь чего-то нового». И сам считает это смешным и досадным. И не раскаивается ни в чем.

Не ярко выраженной, но последовательно проведенной является анти-семейная позиция Печорина. Размышляя о своем отвращении к женитьбе, он заявляет: «свободы моей не продам». Очень странен глагол: продать. Для Печорина семья предстает именно формой порабощения, способом лишения свободы. Свое нежелание жениться он объясняет врожденным страхом умереть от злой жены, как было предсказано его матери.

Впрочем, есть еще одна версия: «Я, как матрос, рожденный и выросший на палубе разбойничьего брига, его душа сжилась с бурями и битвами, и выброшенный на берег, он скучает и томится, как ни мани его тенистая роща, как ни свети ему мирное солнце, он ходит себе целый день по прибрежному песку, прислушивается к однообразному ропоту набегающих волн и всматривается в туманную даль: не мелькнет ли там...желанный парус, ровным бегом приближающийся к пустынной пристани...»

Какое из его объяснений истинное? Все вместе или ни одно? Ведь в итоге – несколько версий сути характера и причин его становления: от наследственности и возраста до влияния общества и предсказания цыганки. Эта неопределенность в объяснении делает установление истины невозможным. Кажется, будто бы герой заявлен как непознаваемый, а под непознаваемостью подразумевается неисчерпаемость личности. На самом деле герой стремится изобразить себя непознаваемым и потому предлагает разнообразные версии. Но дело не в непознаваемости героя, а в его нежелании быть познанным. (Злая сила всегда стремится быть непознанным объектом. В этом ее сохранность). Это точка зрения именно героя, а не автора, который показал, к чему ведет вмешательство Печорина в жизнь, – об этом все сюжеты.

Душа Печорина беспокойна. Это беспокойство толкает на действия, поэтому он, где бы ни был, является инициатором развития ситуации. Он не имеет опоры в духовной жизни, так как не способен к самоотдаче. Стабильность душе обеспечивает только ее готовность к самопожертвованию. Печорин же стремится к противоположному – к потреблению. Он хочет обладать чем угодно: женской красотой, расцветом юности, славой, популярностью – в целях самоутверждения. Такая личность неспособна ни к какому созиданию, а стало быть, – и к созданию семьи. В основу своего пьедестала герой

положил не только отдельные личности, но и «ячейку общества», или «малую церковь», как называют семью.

Что же толкает Мцыри к барсу, Печорина – к людям, Демона – к Тамаре? Жажда общения. Но не ради гармоничного союза, а ради самоутверждения. Живой душе не свойственно замыкаться в себе. Она создана для жизни с другими людьми. Но свободолюбивая личность ищет общения с извращенной целью – доказать свое превосходство. Мцыри не пошел к девушке, которая могла не оказать сопротивления и спокойно принять его в свой дом. Печорин не захотел жениться на Мери, хотя видел ее любовь к нему и чувствовал, что сам влюблен. Им всем нужна война. "А он, мятежный, просит бури". Не для победы, а ради процесса подавления сопротивления. Если опасности нет – он ее создаст.

Проблема свободы оказалась неотделимой от проблемы одиночества. Только одинокий свободен. У семьянина или члена коллектива есть обязательства перед людьми: родителями, детьми, друзьями, сотрудниками. Что такое союз? Со-узы – совместные узы. Узы – это несвобода.

Свободный человек одинок. Однако состояние одиночества оказалось тяжким бременем, поэтому свободолюбивая личность ищет общения. Но общение для него – не мирное сочетание, а борьба. Вот открытие Лермонтова. Вот его диагноз, который не был познан, – осторожно: свободолюбивый человек!

Список литературы

1. Кулешов В.И. М.Ю.Лермонтов. В кн.: История русской литературы. М., 1989.
2. Лермонтовская энциклопедия. М., 1981. Мотивы.
3. Турбин В.Н. Пушкин, Гоголь, Лермонтов. М., 1978.

ЦВЕТ И ЗВУК В ТВОРЧЕСТВЕ М.Ю. ЛЕРМОНТОВА

Веденяпина Э.А.

канд. филолог. наук, Россия, г. Москва

В статье прослежены принципы употребления Лермонтовым того или иного цвета и звука как средства изображения или выражения.

Ключевые слова: цвет, свет, тьма, освещение, звуки.

В лирике Лермонтова за конкретным цветом не закреплено определенное значение. Нет и единого принципа употребления цвета. Единственным общим признаком для всех случаев употребления цвета является его способность быть проявлением естественной, непосредственной ощущаемой жизни. Пейзажи Лермонтова, как правило, не являются зарисовками с натуры. Это аналитически отобранные картины природы, в которых цвет служит средством передачи чувственного восприятия.

И. Анненский так описал отношение Лермонтова к природе и цвету: «Лермонтовская природа прежде всего красива, всё в ней красиво». «Как певец гор, Лермонтов любил краски. Особенно он любил белую и голубую. У

него встречаются разные оттенки белого: жемчужный и перловый, серебряный, снеговой, лилейный, я не встретил, впрочем, ни молочного, ни мелового, может быть оттого, что поэт любит отмечать краски воздушные, солнечные». «Главная прелесть лермонтовских красок – в их сочетаниях».

Из 94 стихотворений, среди которых 67 написано в 1837 – 1841 годах и 26 наиболее популярных ранних, цвет встречается в 46 и не встречается в 46 случаях. В одном стихотворении – «Еврейская мелодия» – игра света и тени. В одном – «Звезда» – только свет. Голубой цвет встречается в 23 стихотворениях. Интересно «распределение» света и мрака. В 12 стихотворениях встречаются оба начала. В 10 – только свет, в 4 – только мрак.

В поэме «Мцыри» 28 случаев употребления цвета и 35 случаев игры света и тени. Из цветов чаще всего (9 случаев) встречается белый (серебристый, седой), золотой (6 случаев) и голубой (4 случая). В основном цвет в поэме характеризует материальные явления.

В поэме «Демон» 47 случаев употребления цвета и 49 случаев светотени, в том числе 14 случаев темного пейзажа, 12 – солнечного, 8 – лунного или звездного, 5 – Божественного, 4 – отраженного, 4 – искусственного, 2 – демонического. Из цветов чаще встречается белый (12 случаев), золотой (9 случаев), голубой (6 случаев), черный (5 случаев). Цвет здесь использован как средство точной характеристики материальных явлений: синее пространство, белогривый конь, зеленые ящерицы. Черный и белый цвета даны как две краски без философского осмысления.

Иную функцию выполняет цвет в прозе Лермонтова. В романе «Герой нашего времени» отразилось цветовое богатство реального мира, воспета неповторимая красота горных, морских и степных пейзажей. При этом нет одухотворения природы, как то свойственно романтикам. Лермонтов передал посредством цвета психологическое состояние героев и описал их одежду, то есть выступил в роли живописца-пейзажиста и портретиста. Цветом, а также игрой света-тени в романе характеризуются все героя, а не только Печорин, что показывает равенство их с точки зрения автора независимо от типа личности. Это иное отношение автора к героям, чем в системе образов, где явное предпочтение отдано Печорину.

Но цвет играет здесь и иную роль. Каждая глава (повесть) имеет свою цветовую гамму. Живописное решение связано с тем или иным повествователем. Оба Предисловия лишены цвета. В речи Максима Максимыча, как и Печорина, нет оригинального употребления цвета. Безымянный повествователь склонен к эмоциональному восприятию цвета. Повесть «Бела» открывается живописной картиной Койшаурской долины Кавказа, неповторимой по многоцветью: «Славное место эта долина! Со всех сторон горы неприступные, красноватые скалы, обвешанные зеленым плющом и увенчанные купами чинар, желтые обрывы, испещренные промоинами, а там высоко-высоко золотая бахрома снегов, а внизу Арагва, обнявшись с другой безымянной речкой, шумно вырывающейся из черного, полного мглою ущелья, тянется серебряною нитью и сверкает, как змея своей чешуею». Далее преобладает черно-белая гамма: 19 случаев черного, включая кличку коня: Карагёз – чер-

ные глаза (кара – значит: черный), и 7 случаев темного, включая темно-лиловый, смуглый, темно-синий. 12 случаев употребления прилагательного «бледный» и глагола «побледнеть». Черный цвет здесь принадлежит всему жизненно-устойчивому, активному и выразительному: это глаза и локоны Бэлы, тучи, ущелье, камни, сакли. Черный цвет предстает как бы сгущением среды, где происходит действие. Среда – темная: небо, горы. Действие часто происходит ночью.

Белый цвет обозначает нежизненное начало: снега, снеговые вершины, снежная буря. В этом цвете дана Бэла в седле Казбича и акация на ее могиле. Начинается и заканчивается повествование красным цветом. Красноватые скалы (в начале повествования) соответствуют восторженному впечатлению от красоты пейзажа. Позже – кровавая полоса над солнцем вызывает чувство опасения перед непогодой. Красный бешмет Казбича играет роль одежды убийцы: у Бэлы «кровь лилась из раны ручьями». Действие происходит вечером, ночью, на рассвете и днем в темноте бури, поэтому определение общей атмосферы: темно. Лунного света нет, но есть отраженный солнечный свет – заката и восхода – в реке. Арагва дважды названа серебряной и не столько в качестве цвета, сколько для передачи блеска – отраженного света.

История с Бэлой происходит при другом освещении: ночью Максим Максимыч подслушал разговор о ней между Казбичем и Азаматом, ночью она была похищена для Печорина. Днем она была похищена Казбичем, днем и умерла. Действие происходит летом, но описание пейзажа графическое – без цвета. Именно в истории с Бэлой сконцентрировано противостояние черного и белого. Черные, как угли, глаза, локоны и бешмет Бэлы и – «побледнела», «смертельная бледность», «сошел загар», бледненькая», «что-то белое», белая акация – всё о ней. В повествовании, где действуют Максим Максимыч и безымянный повествователь, черное и белое встречаются только в природе вокруг них. В рассказе о Бэле – только применительно к ней, да еще дважды бледнеет Азамат – в связи с поддразниванием Печорина и похищением сестры – и один раз побледнел Печорин в связи со смертью Бэлы. Словно полярные начала природы сосредоточились в Бэле и задели близких к ней людей. «Природность» Бэлы как бы доказывается и таким совпадением: *«румянец разыгрался на щеках – уж какая, бывало, веселая...»* – сказано о Бэле до того, как Печорин охладает к ней. Сравним описание Койшаурской долины: *«снега горели румяным блеском так весело, так ярко»*.

В повести «Максим Максимович» преобладает черно-белое изображение, и относится оно к Печорину. Описывается внешность героя: черные усы и брови и белые волосы, зубы, бледные пальцы и лоб. Черный цвет прозвучал и в сравнении: грива и хвост лошади. Сравнение здесь не имеет снижающего характера, как в том случае, когда Печорин в повести «Княжна Мери» спрашивает о зубах девушки и вызывает ответ Грушницкого: «Ты говоришь о хорошенькой женщине, как об английской лошади»

В повести «Тамань» речь идет от лица Печорина. Резкое отличие от предыдущего повествования в том, что цвет, в сущности, пропадает. Он только мелькнул в середине повести, да и то скудно, как два горизонталь-

ных мазка: голубое небо и лиловая полоса дальнего берега Крыма и один вертикальный: белая маячная башня вдали. Вместо живописного описания – игра света и тени. Свет выступает в своем основном и в отраженном виде. Действие происходит при свете луны или при искусственном освещении: при свете спички, свечи, фонаря. Возникают даже такие источники света, как далекие звезды и сверкающая пена валунов. Звезды дают слабый, но верный свет: «как два спасительные маяка». Валуны, сверкающие отраженным лунным, то есть дважды отраженным, светом, гибельны. В этом призрачном свете четко, осязаемо дан белый цвет: стены дома, бельма мальчика, фигура девушки, ее лицо, парус лодки. Черное выступает в виде спасительных предметов: корабли (для Печорина), лодка (для контрабандиста). Но эти жизненно важные вещи предстают как нечто угадываемое, почти как намек: снасти корабля – как паутина, лодка – точка в дали. Темное связано с окружающей жизненной стихией: небо, море, всё вокруг. Описание цвета по точности – хроникально-документальное, без эмоциональной окраски, но в целом создается ситуация не только обобщенная, но почти символическая. Сущность бытия предстает как борьба жизни и смерти под покровом тьмы, сопровождаемая непосредственной близостью угрожающей опасности и очень далеким присутствием надежды на спасение.

В «Бэле» черно-белое – сначала природного происхождения (ущелье – снег), затем средство передачи эмоциональной жизни (глаза – лицо). В «Тамани» эти два цвета перестают быть атрибутами личности, они возвращаются во внешний мир, но не в природу, а к вещам: стена, лодка, корабль, башня, парус, платье. Смысл этого становится ясен только после прочтения «Княжны Мери». В этой повести вновь, как в начале «Бэлы», вспыхивает свет и оживают краски. Но иной свет и иные краски.

Цветом охарактеризованы почти все предметы и явления природы. Цвет дан в чистом виде и в оттенках, в смешанных тонах: жемчужно-серое платье. Употреблены все цвета, но преобладают те, что определяют предметы бытового обихода, а не природу. Нет символического цвета – ни в отдельном употреблении цвета, ни в общем значении цветовой гаммы. Нет закрепленного значения за каким-то одним цветом. Например, розовые: эндимион (красавец), перья у дамы, помада, личико Мери, голубые: галстук, жилет, небо, амазонка, утро, желтое: перчатки, лицо Печорина, красные: кровля дома, оттенок ботинок Мери, пятна на лице Лиговской, пунцовый платок Мери, окровавленный труп Грушницкого, румянец Мери и так далее. Черные: волосы Грушницкого, глаза, родинка и шаль Веры, сюртук, галстук и жилет Вернера, гребни утесов и так далее.

Многоцветье создает впечатление яркости, но она не природного, а искусственного происхождения: вещи преобладают. За каждым цветом не закреплена сфера употребления. Один цвет не является более значимым, чем другой. Золотые верхи утесов на фоне голубого неба и черные гребни утесов на фоне серебряной бахромы снеговых гор соседствуют с огромной золотой цепью Раевича по голубому жилету и серебряным кольцом с чернью Грушницкого. Действие происходит в разное время суток. Нет предпочтения перед

естественным или искусственным освещением. Оно дано вне отношения к нему героя. Зато солнце описано с точки зрения Печорина. Оно «яркое», «бросает пламенный взгляд». По восприятию солнца можно судить об отношении героя к природе и к действительности. Вот сцена поездки Печорина в степи верхом: «Весело жить в такой земле! Солнце ярко, небо сине – чего бы, кажется, больше? зачем тут страсти, желания, сожаления?» После дуэли солнце – «желтое пятно», «казалось тускло». Около 16 строк отведено описанию природы и 18 строк – костюму Печорина.

Пейзаж в главе «Княжна Мери»: «Вчера я приехал в Пятигорск... ветки цветущих черешен смотрят в окно, и ветер иногда усыпает мой письменный стол их белыми лепестками». «.. амфитеатром громоздятся горы всё синее и туманнее, а на краю горизонта тянется серебряная цепь снеговых вершин, начинаясь Казбеком и оканчиваясь двуглавым Эльборусом... Весело жить в такой земле! .. солнце ярко, небо сине...» «... Я люблю скакать на горячей лошади по высокой траве против пустынного ветра, с жадностью глотаю я благовонный воздух и устремляю взоры в синюю даль... Нет женского взора, которого бы я не забыл при виде кудрявых гор, озаренных южным солнцем, при виде голубого неба или внимая шуму потока, падающего с утеса на утес».

В «Фаталисте» природы почти нет. Она словно исчезла вместе с солнечным светом. Действие происходит ночью: «темно». Зеленое – карточный стол. Зубчатые вершины гор сменились зубчатыми горизонтами домов. Цвета природы перешли к людям. Черное – национальный признак Вулича. Его лицо и губы бледные. Даже восток не белый, а бледный, словно окрашенный тенью смерти. Свет – от звезд, сияющих, горящих с блеском, от луны и от бледнеющего востока. В движении света передано естественное движение ночи к утру. Над романтизированным восприятием света звезд герой даже иронизирует, сравнивая их с зажженными лампадками.

ЗВУК

В лирике Лермонтова звук возникает как адекватное воспроизведение звука в окружающем мире: «Слышу ли голос твой» – как следствие душевного порыва: рыдания, ропот, физического движения: мерные шаги – как воплощение движения: «Лес шумит при звуке ветерка». Есть звуки, поэтически возвышенные и вдохновляющие: «Есть речи – значенье темно или ничтожно, Но им без волненья внимать невозможно». Есть звуки одухотворенной природы: «Ключ лепечет мне таинственную сагу». Молчание, тишина тоже выразительны и значительны отсутствием звука: «безответный часовой». Звук является средством связи между людьми, между человеком и природой, между человеком и Высшим началом.

В поэме «Мцыри» описаны звуки, характеризующие среду обитания. Из 36 случаев 27 случаев – звуки нецивилизованной природы, в том числе 13 случаев нерасчлененных звуков: шум, гул, вой и в 7 случаях – речь и звон колокола. В 2 случаях голоса природы переходят в голоса откровения. 12 сцен тишины.

В поэме «Демон» из 60 случаев звуков 32 случая – человеческого происхождения, включая звуки колокола и музыки, 16 – природного и животного

го происхождения, 12 случаев – сверхъестественного звучания. Здесь большая доля голосов откровения и звучания одухотворенной природы. В романе «Герой нашего времени» звук характеризует среду обитания: природную и социальную, мирную или военную. Она зафиксирована в естественных шумах природы (ветер, река, водопады, лай собак, топот коня), в звуках, производимых человеком (речь, смех, плач, песня, шаги, удары). Звуки производительной деятельности отсутствуют. Обитатели изображенной среды находятся в состоянии постоянной войны. В «Бэле» – охота, в «Тамани» – тайная, молчаливая война с контрабандистами. В «Княжне Мери» – война самолюбия под маской благородных побуждений. В «Фаталисте» – откровенно военная схватка. С этим связаны два аспекта звуков: выстрелы или тишина как отсутствие звуков.

Самая «звучная» – повесть «Бэла». Здесь природа полна оживления, но и здесь уже вступает молчание как особый музыкальный инструмент в оркестре звуков. Это тишина природы. В «Максиме Максимыче» молчание преобладает, но это является выражением нежелания людей общаться, лишнее, однако, вражды. В «Тамани» господствует тишина – неперемное условие тайной деятельности. В «Княжне Мери» звуки возникают в основном в ночное время, когда не видно красок или по контрасту с тишиной. Эти звуки характеризуют жизнь цивилизованного общества на лоне природы.

В «Фаталисте» – звуки войны. Вот неполный их последовательный перечень: «раздались выстрелы», «ударили тревогу», «кричал», «сильная перестрелка», «закричал», «глухим голосом сказал», «невольно вскрикнув», «закричали», «все замолчали», «закричал», «закричал», «вскрикнули многие», «выстрел». В конце – плач. «Женщины воют, приговаривая и причитывая», «щелкнул взведенный курок», «кричал есаул», «выстрел». Обогащенные цветом (см. выше), эти звуки – при описании мирной жизни – создают картину войны, соединяя при этом два начала: природное и социальное, столь характерные для современного человека.

Список литературы

1. Анненский И. Ф. Книга отражений, М., 1979.
2. Турбин В.Н. Пушкин, Гоголь, Лермонтов. 1979.

ВЗАИМООТНОШЕНИЕ ГЛАГОЛЬНЫХ КАТЕГОРИЙ ВРЕМЕНИ И ВИДА В РАЗНОСТРУКТУРНЫХ ЯЗЫКАХ КАК ОТРАЖЕНИЕ ВРЕМЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ В СОЗНАНИИ ЛЮДЕЙ

Габдрахманова А.С.

доцент кафедры иностранных языков и перевода, канд. филол. наук,
ЧОУ ВПО «Институт экономики, управления и права», Россия, г. Казань

Категория времени глагола определяется как словоизменяемая грамматическая категория, обозначающая отношение глагольного действия к одному из трех временных планов: настоящему, прошлому или будущему. Категория вида семантически и функцио-

нально тесно связана с категориями аспектуальности, темпоральности, времени и таксиса, а именно: вид входит в аспектуальность как ее часть.

Ключевые слова: глагольный вид, категория, аспектуальность, семантика, видовое значение, система времен, темпоральность.

Глагольная категория вида как одна из наиболее семантически неоднозначных и многоаспектных в лингвистике всегда была притягательна для исследователей. Семантико-грамматические описания вида конца двадцатого века в основном были направлены на поиск семантического инварианта видового значения (например, значения достижения / недостижения внутреннего предела действия), и установления его корреляции с неким набором грамматических форм, маркирующих данное значение.

В татарском языке, как и в других тюркских языках, специальная грамматическая категория, подобная категории глагольного вида в славянских языках, отсутствует. При вербализации происходящего наиболее существенным является совмещенная пространственно-временная (локативно-аспектуально-темпоральная) и количественная оценка ситуаций.

Каждый элемент любого уровня языка является сигналом, значение которого определяет его место в системе. Учитывая тот факт, что наиболее общие понятия грамматической системы основаны именно на противопоставлениях наиболее адекватным приходится признать определение грамматической категории вида, исходящее из обязательного наличия оппозиции между, по крайней мере, двумя взаимоисключающими грамматическими значениями одного плана.

Если для русского языка устанавливается наличие двух противопоставленных видов, то для других языков, на фоне отсутствия единого видового инварианта, может быть установлено множество противопоставленных признаков, образующих иерархическую систему видовых оппозиций. В качестве основы видового моделирования **берется когнитивная схема** поиска определенного аспектуального значения для каждой пары видовых оппозиций, конституирующих категориальное значение вида. Однако в тюркологии, в том числе и в татарском языкознании, проблема лингвистического статуса категорий глагольного вида, способов действия и аспектуальности продолжает оставаться одной из нерешенных.

Одна группа ученых-тюркологов констатирует, что грамматическая категория вида в той форме, которая свойственна славянским языкам, в тюркских языках отсутствует (Н.А. Баскаков, Г.Д. Санжеев, Н.Ф. Катанов, Р. Газизов, Б.А. Серебренников, В.Н. Хангильдин, Д.М. Насилов, Ф.А. Ганиев, Р.З. Мурясов и др.). Как известно, ранее глагольные формы и аналитические конструкции с аспектуальными значениями в тюркских языках рассматривались безотносительно к категории вида (И. Гиганов, А. Казембек, М. Иванов, К. Насыри, А. Мансуров и др.).

Другая группа лингвистов на материале разных тюркских языков доказывает наличие категории вида (М. Курбангалиев, А.К. Боровков, В.А. Бого-

родицкий, А.И. Харисов, Г.Ш. Шарипов, Н.З. Бакиева и др.), в то же время отмечает своеобразие форм с видовыми значениями.

Третья группа языковедов занимает промежуточное положение, признавая наличие в тюркских языках глагольных форм с видовыми значениями, но указывая на их отличие от форм совершенного и несовершенного вида глагола в славянских языках (Н. К. Дмитриев, А. Н. Кононов, З. И. Алиева, А. А. Юлдашев и др.).

В моем исследовании определены основные подходы к выделению и изучению функционально-семантических категорий в современной лингвистике. Рассматриваются значения временных форм в тюркских и английском языках, которые могут считаться установленными в основных своих чертах, задача современного изучения тюркского глагольного времени состоит в том, чтобы уяснить систему времен, то есть те многообразные отношения, которыми связаны все формы времени между собой – каждая со всеми остальными.

Категория вида семантически и функционально тесно связана с категориями аспектуальности, темпоральности, времени и таксиса, а именно: вид входит в аспектуальность как ее часть. Выражение таксисных отношений может рассматриваться как одна из важнейших функций глагольного вида; категория вида отражает объективное физическое время действия; вид является одним из периферийных компонентов темпоральности.

Категория времени является своего рода ядром темпоральности. Темпоральность – это категория, соотнесенная с одной стороны, с объективным временем, а с другой стороны, с отражением временных отношений действительности в сознании людей. Модель темпоральности можно представить как спроецированную на языковую плоскость спираль, охватывающую все уровни языка [Ищук 1995: 32]. Основной формализованной структурой, передающей характер соотнесенности событий, является система грамматических категорий времени, вида и временной соотнесенности (таксиса).

В узком смысле грамматическая категория времени выражает соотнесенность именуемого формой действия (состояния) с моментом акта речи и тем самым принадлежность действия к плану настоящего, прошедшего и будущего и реализуется соответствующими глагольными формами. Однако в нестрогом употреблении под грамматической категорией времени понимают языковую категорию, выражающую все виды временных отношений и включающую категории времени, вида и таксиса (временной соотнесенности).

Понятие темпоральности шире понятия грамматической категории времени и включает грамматические, лексические и комбинированные языковые средства выражения философской категории времени. В татарском, турецком и английском языках основу поля темпоральности составляет время грамматическое, т.е. выражение времени глагольными формами. Рассматриваемые языки представляют сферу прошедшего с большой степенью детализации и представлены несколькими формами.

Поскольку линейность времени и последовательность событий тесно связаны друг с другом на временной оси прошедшее – настоящее – будущее, имеется только три возможных порядковых связи между событиями: предшествование, одновременность и следование по отношению к любому событию, используемому в качестве оси ориентации. Человек может либо наблюдать события, либо вспоминать их, либо предвидеть их. Таким образом, различие в концептуализации момента речи приводит к различиям временных и порядковых значений, которые традиционно составляют категорию времени и временной отнесенности. Одновременно время и последовательность событий связаны также с тем понятием, которое ассоциируется в традиционной грамматике с видом, т.е. с характером протекания события во времени, например, событие, одновременное с актом речи, является неперфектным, незаконченным, а событие, предшествовавшее акту речи, является, очевидно, перфектным, законченным. Таким образом, приходим к некоторому ограниченному набору значений (имеющих логическую природу), на основе которых можно описать любую временную систему, как, например видовая оппозиция неперфективность / перфективность, которые соотносятся в каждом рассматриваемом нами языке с определенным набором морфем.

В основном, категория времени глагола определяется как словоизменяемая грамматическая категория, обозначающая отношение глагольного действия к одному из трех временных планов: настоящему, прошлому или будущему.

Аспектуальность взаимодействует с полем темпоральности. Аспектуальность определяет характер протекания действия по отношению к его временному пределу, то темпоральность охватывает временные отношения, ориентированные на момент речи или какой-либо иной момент, связанный со временем речи (А.В. Бондарко). В славянских языках оба этих ФСП имеют собственные грамматические ядра (центры): ФСП аспектуальности – категорию глагольного вида, поле темпоральности – категорию времени, которые консолидируют вокруг себя остальные разноуровневые средства выражения аспектуальных и темпоральных ситуаций. Взаимопроникающие два поля образуют диффузный сегмент аспектуально-темпорального типа. Центр диффузной зоны занимает интегрированный видовременной сегмент, образованный в зоне взаимодействия категорий вида и времени.

Взаимоотношение глагольных категорий времени и вида в тюркологии толкуется неоднозначно.

Одни ученые полагают, что в тюркских языках эти две категории тесно взаимосвязаны, и считают, что видовые значения выражаются исключительно формами прошедшего времени изъявительного наклонения (Н.К. Дмитриев, М. Кулаев, А.И. Харисов, Н.З. Бакеева, Р.С. Газизов и др.).

Ученые, признающие отсутствие грамматической категории глагольного вида, прямой связи между категориями вида и времени не видят (Н.А. Баскаков, Г.Д. Санжеев, Н.Ф. Катанов, Б.А. Серебренников, В.Н. Хангильдин, Д.М. Насилов, А.Н. Тихонов, А.М. Щербак, Ф.А. Ганиев, Р.З. Мурясов и др.).

В английском языке видовая форма характеризует глагол не столько с точки зрения законченности действия, сколько с точки зрения его соотнесенности с некоторым моментом или отрезком времени. С моментом обычно соотносится законченное действие, с отрезком – незаконченное. С моментом и отрезком может быть соотнесено как законченное действие, так и действие, законченное не полностью. Кроме того, любое действие (завершенное, незавершенное, частично завершенное) может быть представлено в своем времени абстрактно, без соотнесения с конкретным отрезком или моментом.

Проблемы языкового анализма относятся к сфере базового лингвистического знания, формировавшегося на протяжении длительного времени.

Список литературы

1. Замалетдинов, Р.Р. Татарская культура в языковом отражении / Р.Р. Замалетдинов. – Казань: Мәғриф, 2012.
2. Макшанцева, Н.В. Межкультурная коммуникация в процессе изучения языка / Н.В. Макшанцева // Уч.пособие. – Н.Новгород: Изд-во «Сфера», 2009. – С.13.
3. Zielinska, D. Selective Perspective on the Study of Meaning / D. Zielinska // Prace jezykoznawsze. – Krakow, 2010.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ НАСЛЕДИЕ КАЗАХСКОГО НАРОДНОГО ПОЭТА САТТЫГУЛ ЖАНГАБЫЛУЛЫ

Жеткизгенова А.Т.

доцент кафедры казахского языка и литературы,
канд. филолог. наук, Каспийский государственный университет технологий
и инжиниринга имени Ш. Есенова, Казахстан, г. Актау

Камарова Н.С.

профессор кафедры казахского языка и литературы, канд. филолог. наук,
доцент, Каспийский государственный университет технологий
и инжиниринга имени Ш. Есенова, Казахстан, г. Актау

В данной статье раскрывается творческая лаборатория и литературное наследие казахского народного поэта Саттигула Жангабылова. Кроме того, проанализированы литературные наследия народного поэта Саттигула Жангабылова, и выясняется поэтическая школа которая способствовала развитию таланта поэта.

Автором статьи были проанализированы сборка, публикация и систематика произведения С.Жангабылова, также был произведен обзор исследовательских трудов и научно-познавательных статей в которых рассматривается творчество поэта. Периоды формирования, роста и процветания и пути превращения в научный оборот творчества поэта были обоснованы реальными фактами и мнениями ученых.

Ключевые слова: народный поэт, жырау, жыршы, казахская литература, поэтическая школа.

С.Жангабылов – поэт, воспитанный на образцах устного народного творчества и восточной литературы, впитавший в себя поэзию жырау. Самое

большое, особое влияние на формирование поэта оказала поэтическая школа Атырауского, Мангистауского края.

В поэтической среде, в среде жырау и жыршы западного региона Казахстана, с которой брал пример поэт, хорошо сохранились героические поэмы (жырлар) и наследие древних жырау.

Ученый Х.Суйншалиев в своем труде, где дает анализ поэзии жырау и поэтов, говорит следующее о школе, которую прошел Саттыгул: «Многие поэты последних лет знали Абыла, учились у него искусству слова. Особенно, большим уважением он пользовался среди поэтов-земляков, которые почитали его, как своего учителя. Перед талантом Абыла преклоняли свои головы такие поэты, как Мурат, Нурым, Ыгылман, Кашаган, Актан, Аралбай, Марабай, Саттыгул и др.». К.Сыдыиков же выразил следующее мнение: «Если печаль в груди Саттыгула пробудила нищета и бедность, то его талант поэта пробудила необъятная, как море, среда поэтического, певческого искусства и искусства кюйши Атырауских просторов. Он вырос, вбирая в себя, древнее и богатое наследие народной литературы, песни Асана и Сыпыра, поэмы Актана и Нурыма, Шернияза и Кашагана. Певцы-кюйши, названные «Адайдың жеті қайқысы», поэты Аралбай, Омир были средой, в которой он жил и творил» [1, с. 67].

Мнение ученых подтверждается тем, что имена Абыл, Нурым, Актан часто используются в стихах самого поэта.

Называемые в стихах поэта имена, учителя, служившие образцом для него – это Сыпыра, Асан кайгы, Шалгез, Доспамбет, Казтуган, Жиембет жырау.

Известный ученый М.Атымов в своей статье «Түлеген түбек ақыны» о вопросах, касающихся среды, в которой воспитывался поэт Саттыгул и которая повлияла на его творчество говорит: «Когда читаешь поэмы Саттыгула, то замечаешь три вещи, повлиявшие на его творчество. Одна из них – народная традиция, восхваляющая храбрость и героизм, почитающая честность и человечность. Героическая традиция, начатая батырами Сырымом, Исатаем и Махамбетом, Исой и Досаном, которые провели жизнь в борьбе за свободу простых казахов.

Вторая – завораживающие слух мелодии Курмангазы и Абыла, Оскенбая и Есира, Дины и Шамыгула.

Третья – творчество таких поэтов и жырау, как Сыпыра, Махамбет, Абыл, Актан, Кашаган, а также современных поэтов, которые в своих произведениях воспевали миролюбие и героизм народа. Это основные источники, которые питали творчество Саттыгула до Октябрьской революции» [2].

Говоря словами К.Сыдыикова, Саттыгул Жангабылов, видевший такой «мощный поток с сильным течением», слышавший их слова – видный казахский поэт с образной речью, воспевавший историю в традициях старых жырау. Советская эпоха, сделавшая поэта певцом советов, певцом партии, сделала его народным поэтом, пропустив через обсуждение эпохальных тем. Талантливый поэт умело изображал картины любого периода. Основные проблемы, поднимаемые автором – единство и благополучие народа, защита ро-

дины, родной земли, воспевание героев, служащих народу, критика недостатков времени и человека.

Вместе с тем, несомненным является тот факт, что интеллект поэта был направлен служению цели донесения до потомков литературного наследия нашего народа. Наряду с произведениями собственного сочинения, он донес до нас поэмы живших до него жырау Абыла, Актана, Нурыма и Кашагана. Есть сведения о том, что ученые, исследовавшие устное народное творчество, получили много сведений у Саттыгула.

В связи с этим хотим напомнить о вкладе поэта в сбор литературного наследия, подтверждая сказанное словами известного ученого Х.Суйншалиева, который в своем труде о периоде развития казахской литературы в VIII-XVIII вв. писал: «К.Сыдыиков в 1965 году написал жизненный путь поэта Абыла, а также 2-3 размышления, взяв их у Саттыгула» [1, с. 269].

Известно, что любой поэт, в первую очередь, воспевает свой родной аул, родной край. Значит, закономерным является тот факт, что в творчестве поэта Саттыгула присутствуют следующие темы: восстание 1870-1873 гг. в Мангистау против «Временных правил» царской России, которое возглавили Иса и Досан, национально-гражданское движение 1916 года, заслуги перед народом таких общественных деятелей, как Тобанияз Алниязулы, Жалау Мынбаев, Садык Жубаев.

Творческий путь Саттыгула Жангабылова всегда был в тесной поэтической связи с литературными процессами того времени, с общественно-социальным положением.

Если говорить о том, что поэтическое искусство – это особый дар, который не может принадлежать каждому второму, то совершенствование природного таланта связано со средой, в которой он вырос и воспитывался.

Начало творческого пути любого поэта следует искать в обществе, духовной среде, его детстве, в факторах, повлиявших на раскрытие его поэтического дара. Моменты, когда поэтический талант подавлялся муками, пылающая молодость – нищетой послужили поводом для написания стихов «Өмір өткелдерім» («Переправы моей жизни»), «Харазымға көшерде» («Во время переезда в Хорезм»), «Ыза» («Гнев»). После смерти отца и дяди все невзгоды двух семей легли на плечи поэта, эти муки жизни выливаются сердитыми, злыми сочетаниями со слов поэта.

В связи с этим Е.Исмаилов пишет, что незабываемые жизненные ситуации могут послужить причиной пробуждения поэтического таланта, причиной появления его на свет: «Если обладатель таланта пережил смерть близких людей, стихию, гнев, гордость либо большую радость, радостные события, надежду на недосыгаемую любовь, несомненно, постарается выразить свои разнообразные чувства через стихи

В молодости поэты Саттыгул Жангабылов, Сапаргали Алимбетов пережили и сиротство, и одиночество, и муки рабства, накопившаяся в душе боль стала причиной проявления их поэтического качества» [3, с. 97].

Запись на бумагу сохранившиеся в устах народа драгоценного наследия поэтом-импровизатором Мангистауского края, с молодости знающего

наследие известных жырау, несколько отличается от манеры переложения на бумагу Жамбыла, Нурпейса. Рядом с ним не было секретарей, который писали бы слетавшие с его уст слова на бумагу. Поскольку он грамотным по старинке, то латинская графика и кириллица давались ему нелегко. В определенной степени этот факт послужил причиной того, что не все наследие крупного жыры (исполнителя поэм) быстро распространилось среди читателей огромной республики. К тому же, атмосфера в идеологической сфере конца 40-х начала 50-х годов оказало неблагоприятное воздействие на творчество поэта. Так как большинство произведений поэта было написано на примеры сюжетов из корана.

Только много лет спустя сочинения поэта, вышедшие из глубины души поэта, близкие ему темы вернулись к народу в один ряд произведений «ак тандак» («проблески белой зари»). Но это совпало со временем, когда пореди ряды старцев, видевших и слышавших самого поэта.

Немало было и моментов, когда в свое время творчество поэта осталось без внимания и покровительства. Кажется главной причиной этого была отдаленность края. Доказательством тому является письмо поэта С. Муканову, в котором он говорит, что пожилому человеку на склоне лет не легко пережить тот факт, что стихи, направленные в издательства Алматы, до сих пор не издаются, и это терзает душу поэта [письмо Муканову Сабиту от Жангабылова Саттыгула] фонд редких рукописей Центральной Научной библиотеки Республики Казахстан. – № 710 [4], также доказательством являются следующие слова из «Письма поэту Тайыру».

На самом деле, при жизни поэта не было издано ни одного сборника его сочинений, впервые стихи поэта были напечатаны через год после его смерти, в 1967 году вышла в свет книга «Токсан толғау» («Девяносто размышлений»), к 100-летию со дня рождения поэта издан сборник стихов «Ой толғау», а еще через 10 лет в 1996 году вышло в свет дополненное полное собрание сочинений поэта «Аманат» («Наказ»). Все эти сборники словно памятник, посвященный мечтам поэта.

В данное время в фонде редких рукописей Центральной Научной библиотеки, в фонде редких рукописей института Литературы и искусство имени М.О.Ауэзова хранится ценное наследие поэта, состоящее из толғау (хвалебных песен, од), терме (речетативов), стихов, стихов-айтысов.

Известно, что написанные в свое время поэтом стихи-айтысы, посвящения, стишки, большинство толғау (хвалебных песен, од), принадлежащих короткому жанру, были написаны «на заказ». В период, когда политика проникла в литературу, поэт в качестве сына своего времени, принял участие в этой целине, он был обязан выразить свой долг поэта и гражданина. Нашли отражение в произведениях поэта советского периода и темы бескомпромисности между богачами и бедняками.

Написанные в разное время крупными деятелями нашей литературы статьи, посвященные творчеству Саттыгула Жангабылова, такие как статья «Адайдың айтқышы Сәтекен» («Оратор адайцев Сатекен») М.Ауэзова, «Ғасырлар сырласы» («Собеседник веков») С.Муканова, хоть и небольшие

по объему научно-теоретические анализы, воспоминания, посвящения таких известных мастеров пера, исследователей литературы, ученых, поэтов-писателей, журналистов.

На протяжении долгих 75 лет Саттыгул, не уставая, воспевал в своих произведениях мысли и чувства, печаль и мечты, труд и радость простого народа.

Саттыгул – свидетель двух эпох, собеседник веков, проживший 90 лет.

Итак, подводя итоги поэтическим традициям Западного Казахстана, поэтическим традициям творческих произведений народного поэта Саттыгула Жангабылова, выросшего в той среде, обратим внимание на следующие вопросы:

Во-первых, Саттыгул Жангабылов – это личность, сформировавшаяся в конце XIX и середине XX веков в общественно-социальной среде эпохи советского периода. Народный поэт, чье творчество занимает особое место в истории казахской литературы. Народный поэт, оставивший после себя литературное наследие с глубоким смыслом.

Во-вторых, среда, которая повлияла на формирование Саттыгула как поэта – это поэтическая школа Западно-Казахстанского края и его отдельных частей Атырау, Мангистау. Талант Саттыгула безусловно подточен размышлениями Сыпыра и Асана, поэмами Махамбета, Абыла, Нурыма, Актана, Кашагана, корни которых лежат глубоко в традициях жырау. Вместе с тем, поэт участвовал в айтысах (состояниях поэтов по красноречию), которые проводились на различных праздниках и сборах, внес своеобразный вклад в искусство айтыса.

В-третьих, Саттыгул – крупный представитель поэтической школы западного региона Казахстана. В своем творчестве он затронул историческую тему, воспев героизм предводителей крестьянского восстания 1869-1873 гг. под предводительством Исы и Досана, также передал цельный образ мужчин в годы Великой Отечественной войны, развил в соответствии с требованиями современности искусство айтыса, воспел тему производства, создал образ рабочего в художественной литературе. Наряду с такими произведениями Саттыгул, основываясь на историю мусульманской религии, написал дастаны-размышления, которые составляют отдельный раздел творчества поэта.

Подвести итог статьи о поэтической личности в казахской литературе народного поэта Саттыгула Жангабылова можно словами искусного писателя Сабита Муканова, который уделил особое внимание творчеству поэта: «Саттыгул – самый талантливый народный поэт-импровизатор Мангистау, Жайыка, самый высокий пик, самая высокая вершина после Кашагана, один из последователей, наследников, учеников старца Жамбыла» [5, с. 3].

Список литературы:

1. Сүйіншәліев Х. VIII-XVIII ғасырлардағы қазақ әдебиеті. – Алматы: Мектеп, 1989. –290б
2. Атымұв М. Түлеген түбек ақыны. // Коммунистік жол. 1976. – 19-маусым.
3. Ысмайлов Е. Ақындар. –Алматы: ҚМКӘБ, 1956. –340 б.

4. Мұқанов Сәбитке Жанғабылов Сәттіғұлдан хат/ Қазақстан Республикасы Ғылыми Орталық кітапханасының сирек қолжазбалар қоры. –№710.
5. Мұқанов С. Ғасыр сырласы. // Социалистік Қазақстан. 1966. –№130. – 8-маусым.

MEANS OF ACTUALIZATION THE TARGET OF MANIPULATION «FEAR» IN POLITICAL DISCOURSE

Захарова В.А.

преподаватель кафедры теории и практики перевода,
Оренбургский государственный университет, Россия, г. Оренбург

This article is devoted to research the features of using manipulative methods with perlocutinary effect “fear” in speech acts of political discourse. We undertook the attempt to work up the pre-election agitation speeches and make the classification of means of actualization the target of manipulation “fear” in political discourse. The necessity of learning the target of manipulation “fear” in political discourse and means of its actualization is the topicality of our research.

Key words: manipulation, fear, target, political discourse.

The management of people or group of people may be realized by two means. The first – evident (authoritarian), in which the person doesn't hide his intention to make the other person the thing what the person who exerts the pressure wants. The second – hidden, in which forcible pressure is hidden. The manipulation is treated as a mean of impact on the person or group of people.

First of all we should notice that the scientists always are interested in the problem of manipulation of people. Montel, Paskal, La Rochefoucauld pointed on the necessity of application the sphere of behavioral manipulations. But more this problem was interesting for practitioners (businessmen, politicians, leaders of different ranges, advertising agencies). Particularly, from different foreign countries are coming out dozens of professional journalists, who are taught the «art» of commercial and political manipulations and plays [7, с.23].

The topicality of this article is conditioned by necessity of learning the target manipulation «fear» in political discourse, and means of its actualization. Peculiarity of manipulation is that the manipulator approaches to hide his intention. That's why for everybody, besides the manipulator, manipulation is a result of reconstruction interpretation one or another activities, but not direct discretion.

If to apply to the etymology of the term “manipulation” Dozenko writes that in metaphorical meaning it can be determined as “ a trick, a machination», and the manipulator – as a circus actor, who shows magic tricks, based on hand dexterity». With regard to situations of people's interaction manipulation can be regarded as psychological exposure on the person, during the process of which it becomes an object, with which some activities are done, directed to «get one's claws into » with the help of machinations, distracting deceits and other methods. In other words, the manipulator tends to use the other person as a mean of achieving his aims and getting the profit for himself [1, с. 67].

One of the central questions of consideration of manipulative technology is the question of targets, on which this exposure is directed.

As a rule, generally the targets are needs, interests, inclinations, norms, aims, behavioral people's stereotypes, on which this influence is directed from the side of the initiator of the exposure. The most psychological topic, undoubtedly, is the problem of the targets of manipulative exposure. Using the term "target" is rational due to the following reasons. It's a very popular term (target) in English literature devoted to psychological exposure.

Among the manipulative targets as a rule are such feelings as fear, pride, vanity, flattery, offence, guilt, shame, envy" [5,c. 45].

The first and the strongest emotion, used by manipulator – is fear. The source of fear is prevision of suffering, against which the defense is ineffective, it is impossible to run away, or to lessen the sufferings; awareness of that habitual methods are ineffective. Contamination of fear can be by emphatic way, when your friends and relatives are afraid too; if a lot of people around are afraid, the fear will arouse, although it is not be a case; foreseeing of losing the happiness or enjoyment also leads to fear. Fear is the normal defensive reaction of a person. Although the manipulator artificially intimidates the person, leads his behavior to the race beneficial for himself [6, c. 56].

Thus, "including" the frame fear, producer of the pre-election agitation speech gets the opportunity of the effective manipulation. Let's have a good look specifically, how manipulations could intersperse in the political discourse and their influence to the listener.

Proceeding from analysis of agitation speeches of the conservative David Cameron, more often the following methods are used:

1) The reduction of statistics data. The numbers are the sign system, which exert the irrefutable exposure and on the consciousness and the imagination. The magic of numbers consists in, as opposed word and metaphor, it possessed authority of exactness and impartiality. That's why the number – is one of the main objects of manipulation. Its charm the number spreads and on the text, which it accompanies. "Because the manipulators insert into the text nonsensical and even contradicting numbers to the text – no matter they have benefits, as only the view of the numbers effects the person" [2,c. 245].

"Look at the facts about the young criminals who end up in Young Offenders Institutions. 85 per cent of them have mental health issues.

Half of them spent time in care or under social service supervision as a child. Over half of them are addicted to drugs or alcohol. 40 per cent of boys suffered violence at home. A third of girls suffered sexual abuse". (Cameron: "A flourishing music scene plays a huge role in bolstering the vibrancy of our culture ") [8].

2) The epithets with negative connotation. "The epithet – it is a lexico-semantic trope, as it fulfills a the function of the definition, adverbial modifier, address, distinguishing by not only it's figurative meaning but obligatory presence of the emotional, expressive or other connotations, due to which the attitude of the author to the subject is expressed" [3, c. 66-78]. It is artistic, figurative definition.

The main aim of the epithets is embellishment of the images, or some other subjects. In these cases epithets have negative connotation. As a rule, they are used very often and because their great quantity a feeling of fear appears subconsciously or a negative attitude to one or another subject.

“There are many grave challengers that face our world. Perhaps the most pressing of all is the threat of global terrorism and insecurity. I believe the EU has a role to play in confronting this threat”. (Cameron: “Wales is a great country with a great future”).

3) Lexems-nominants. “Lexeme (Greece. lexis – word, expression) – word considered as unit of the vocabulary of the language in totality of its grammatical forms and its inflections, and also possible concrete semantic variants, abstract two-side unit” [4, c. 33]. The main function of the word is nominative and nominal. Lexem-nominant – it is a word used for denoting notions. These words are: fear, danger, tragedy, damage.

“What kind of incentives does this system create?”

People face a hugely complicated system that soaks up their time...that reduces their chances of getting what they're owed...and leads to the disgrace of the state claiming back from low income families who have unwittingly been overpaid. With no apology and no contrition”. (Cameron: “Tackling poverty is a social responsibility”).

4) Rhetorical question. Rhetorical question, like rhetorical exclamation and rhetorical address, – original locutions, strengthening their expressiveness, – so called figures of speech. Distinguishing feature of such turns is their conditionality figure of speech, that is using interrogative, exclamatory etc. ., intonation in cases, in which they are not necessary, due to what the phrase, in which these turns are used, get special underlined shade of meaning, strengthening their expressiveness.

“How many people are surviving with cancer? How long are people living after a stroke or a heart attack? These are the real measures of healthcare, and we will make them our priority”. (Cameron: “The future of nursing”).

5) The enumeration. The enumeration – it’s a fragment of a text, consisting of a prejudice that further will be enumeration of notions, subjects or activities, from these enumerated, lettered or marked by graphical signs elements. These are the expressions, the main essence of which is to inspire the listener and the reader with fear enumerating negative things, to impel the person to change the situation and not to leave the accomplishment as it was before. The speaker manipulates the listener by exposure on his fears, enumerating negative facts, which exists in our society and spoils our life (unemployment, criminal situation on the streets, low salaries).

“Greener living for families and communities, and better protection for our natural environment – on land and sea – will be crucial priorities for the government I lead. Land use and landfill. Pollution of land and rivers. Farming practices. The recycling of building materials. Our environmental priorities go well beyond climate change”. (Cameron: “We will keep up the pressure on climate change”).

6) Personal experience. In attempts to be notable the politicians operate with two main topics: their personality (also the term “image” is used) and/or their po-

litical guidelines (methods of solving political “problems”). One candidate tries to present themselves like competent and strong leaders. The other tries to make up the impression of honest and compassionate people. The candidates also discussed their suggestions on the future and past achievements in politics in the questions of education, work places, national security, and criminality. Some scientists prove that the aspect of the politics is more important than the aspect of a person. That’s why the politicians try to cover the problem from the point of their personal experience (I have been in such situations, I know, in my family and so on...).

“But there is a change we need to make even more quickly and that's about discipline. I went and taught in a school for a couple of days in the North of England and one teacher said to me 'there is only three words that you have got to focus on', and not the ones you might expect, 'behavior, behavior, behavior'. And I stopped a boy as he was running into his GCSE exam and I said 'What's the problem?' and he said 'Well, I got completely pissed last night, I've got a hangover and I'm going to flunk this exam'. And I asked a teacher about him and I was told well he'd attacked a teacher before and he trashed a classroom and none of us know why he's still in this school”. (Cameron: "Call that election. We will fight. Britain will win").

As we can see, in majority, the speakers choose lexemes – nominants that are the words, which possess the high information capability and high effecting on the listener. After all as we can see from represented micro model, quantity of such means of actualization as rhetorical questions and personal experience is also high, that shows us the effectiveness of their impact on such target as “fear”. Enumeration, statistics and epithets with negative connotation are also used, but they are not so often found in speech acts of political discourse. It is likely occurred owing to politicians who want to realize all their expectancies more completely during their short speech, throughout which it is necessary to influence on the speaker substantially.

References

1. Dozenko E.L. Psychology of manipulation: phenomenon, mechanism and safety. M., CheRo, publisher MSU,2000, -344 p.
2. Kara – Murza S.G. Manipulation of consciousness. M.: Publ. EksMO,2003. – 832 p.
3. Revzina O.G. Discourse and discourse formations. Critics and semiotics. – issue 8.- Novosibirsk, 2005. p. 66-78.
4. Revzina O.G. Language and discourse. Bulletin MSU. Series 9. Philology. M., 1999, №1. – p.33.
5. Rumshina L.I. Plays and manipulation in personal communication. Rostov n/D, 1997, – 210 p.
6. Rumshina L.I. Manipulative methods in advertisements. M.: IKC «MART», 2000, – 253 p.
7. Chernyavskaya V.S. Discourse of power and power of discourse : problems of discourse influence . M.: Flinta science , 2006.- 136 p.
8. <http://www.conservatives.com>

КАТЕГОРИЯ НАКЛОНЕНИЕ В НОВОГРЕЧЕСКОМ ЯЗЫКЕ И ЕЕ ТРАКТОВКА В УЧЕБНОЙ И ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Зимов Д.И.

доцент кафедры переводоведения и многоязычия, канд. филол. наук, доцент,
Пятигорский государственный лингвистический университет,
Россия, г. Пятигорск

Зимова М.Д.

доцент кафедры германистики и межкультурной коммуникации,
канд. филол. наук, доцент, Пятигорский государственный лингвистический
университет, Россия, г. Пятигорск

В статье рассматривается категория наклонения в новогреческом языке с точки зрения отечественных и зарубежных авторов. В центре внимания зависимое наклонение, которое трактуется в лингвистической и учебной литературе по-разному. На основе проведенного исследования вносится предложение для работы над зависимым наклонением в процессе преподавания новогреческого языка.

Ключевые слова: наклонение, модальность, новогреческий язык, модальные слова и частицы, изъявительное наклонение, повелительное наклонение, зависимое наклонение.

Как в русском, так и в новогреческом языке факты действительности и их связи, являясь содержанием высказывания, могут мыслиться говорящим как реальность, как возможность или желательность, как долженствование или необходимость. Оценка говорящим своего высказывания с точки зрения отношения сообщаемого к действительности называется модальностью.

Модальность выражается в русском и новогреческом языке формами наклонения, интонацией, а также лексическими средствами – модальными словами и частицами.

Категория наклонения – это грамматическая категория в системе глагола, определяющая модальность действия, т. е. обозначающая отношение действия к действительности. В новогреческом языке мнения авторов, представленные в учебной и лингвистической литературе, расходятся как в названии наклонений, так и в их количестве. Большинство авторов различают три наклонения: изъявительное, зависимое и повелительное, но с оговоркой, что к категории наклонения можно еще отнести инфинитивную форму глагола и причастие, т.е. его безличные формы [3, с.69; 5, с.308; 9, с. 279-317]. Другой точки зрения придерживаются авторы учебников «Греческий без репетитора» Анны Борисовны Борисовой [1, с. 383] и «Новейший самоучитель современного греческого языка» Михалиса Патсиса [2, 272], где наряду с изъявительным и повелительным, в новогреческом языке рассматриваются такие модальные наклонения, как условное (сослагательное *Δυνητικῆ*), вероятностное и желательное наклонение.

В традиционной греческой грамматике [5] зависимое наклонение определяется с учетом семантического аспекта как наклонение желаемого и ожи-

даемого. Этой же точки зрения придерживаются авторы учебника Τα νέα ελληνικά για ξένους [6, с. 121-122].

Например: Μόλις φτάσεις, θέλω **να** μου **στείλεις** ένα τηλεγράφημα. **Ας πάμε** όλοι μαζί μια εκδρομή. (Желаемое).

Τίποτα άλλο δε θέλω παρά μόνο **να βρω** λίγο χρόνο και για τον εαυτό μου. (Ожидаемое).

Зависимое наклонение может выразить и такие модальные значения как:

1) сомнение, удивление, недоумение (απορία): Τι **να κάνω**; **Να** το **αγοράσω** ή **να μην** το **αγοράσω** αυτό το πουκάμισο;

2) желание, пожелание (ευχή): **Ας γράψω** καλά στις εξετάσεις!

3) приказание, приказ, распоряжение, веление или запрещение, запрет (προσταγή ή απαγόρευση): **Μην** του **δίνεις** τσιγάρο, δεν κάνει να καπνίζει!

4) позволение, разрешение (άδεια): **Να πάω** κι εγώ με τα άλλα παιδιά; – Ναι, **να πας**.

Να πάει και ο Πέτρος μαζί τους; – Ναι, **να πάει**.

5) уступку (παραχώρηση): **Ας πάει** και το παιδί εκδρομή, δε θα πάθει τίποτα!

6) возможность, вероятность (ενδεχόμενο): **Αν βρω** καιρό, θα ζωγραφίσω.

Ίσως **έρθουν** σε λίγο.

7) побуждение, поощрение, уговаривание, настраивание, подстрекательство (προτροπή): **Ας πάμε** μια εκδρομή όλοι μαζί!

Зависимое наклонение может выразить действие в прошлом: Χτες το βράδυ στο καφενείο άκουσα **να λένε** ότι σύντομα θα έχουμε εκλογές.

В настоящем: Κάθε πρωί τη βλέπω **να περνά** στο δρόμο με μια ομπρέλα στο χέρι. В будущем: Πρέπει οπωσδήποτε **να τελειώσω** την εργασία μου ως το Πάσχα.

В исследовании греческого языковеда и филолога Ахиллеса Дзардзано-са Νεοελληνική σύνταξις [9, с. 279-280] рассматриваются с формальной, т.е. с морфологической точки зрения три наклонения: изъявительное, повелительное и зависимое, каждое из которых выражает различные оттенки. С синтаксической и семантической точек зрения он считает, что наклонений в новогреческом языке больше. Каждое из наклонений в зависимости от значения глагола, контекста и препозициональных элементов выражает различные семантические значения.

В работе Андре Мирамбеля [8, с. 135-140] представлена точка зрения, согласно которой категорию наклонения следует рассматривать в пределах и параллельно категории залога. С морфологической точки зрения наклонения характеризуются следующими признаками:

1. Каждое из наклонений имеет свои окончания. Их окончания являются одновременно и характерным признаком залогов и категории времени. Характерные признаки наклонений не могут рассматриваться отдельно от признаков залогов и категории времени.

2. Некоторые наклонения образуются при помощи препозициональных элементов, которые в сочетании с глаголом выражают категориальные признаки. Однако эти препозициональные элементы могут быть выразителями наклонений только в сочетании с определенными окончаниями глаголов.

3. Характерным признаком категории наклонения может быть и отрицание. Из двух отрицаний, которые сохранились в новогреческом языке, одно «δε(v)» используется в изъявительном наклонении, а другое «μη(v)» в зависимом и перед деепричастием. Повелительное наклонение не имеет своего отрицания. Запрет в нем выражается при помощи зависимого наклонения с отрицанием «μη(v)».

4. Категория времени является характерным признаком наклонения.

По характерным окончаниям Андре Мирамбель рассматривает в современном греческом языке три наклонения: изъявительное, повелительное и причастное (деепричастное). К этим трем наклонениям, считает он, следует отнести и производные от них наклонения, которые не характеризуются своими собственными окончаниями, а являются вариантами каждой из названных наклонений с препозициональными элементами или союзными словами. Производными наклонениями являются зависимое, гипотетичное (предположение, допущение), желаемое и наклонение, выражающее сомнение.

Окончания зависимого наклонения совпадают с окончаниями изъявительного наклонения. Зависимое наклонение имеет две формы образования: от основы настоящего времени глагола и от основы аориста: να χάνω/να χύσω. Оно может употребляться и без частицы «να». Тогда место этой частицы занимают такие слова как άμα, πριν, μόλις и другие. В дальнейшем рассмотрении данного вопроса Андре Мирамбель замечает, что перечисленные наклонения, кроме зависимого и условного, нельзя в строгом смысле слова считать самостоятельными наклонениями.

Детальному анализу тема категории наклонения подвергается также и в исследовании П. Мэкриджа «Η νεοελληνική γλώσσα» [7, с. 172-173, 383-423]. Здесь автор рассматривает зависимое наклонение только с семантической точки зрения. К тому же он считает, что термин «υποτακτική», производный от глагола «υποτάσσω» – подчинять, не совсем верен. Если исходить из значения данного глагола, то любое предложение, заключающее в себе форму зависимого наклонения, должно быть подчиненным другому предложению, т.е. быть придаточным, что не соответствует действительности. В современном греческом языке данное наклонение может употребляться как в придаточных, так и в самостоятельных повествовательных, побудительных и вопросительных предложениях.

В этой связи и перевод термина υποτακτική как «зависимое или сослагательное» наклонение в новогреческо-русском словаре Хорикова И.П. и Малева М.Г. [4, с. 778] представляется также не совсем удачным, поскольку он неточно передает саму суть данного наклонения.

Сослагательное наклонение в русском языке выражает действие глагола, которое говорящий мыслит как желаемое или возможное, но зависящее от какого-то условия: *Без тебя я не добрался бы до города.*

В новогреческом языке ему может соответствовать только один из модальных оттенков зависимого наклонения – это *δυνητική*, выражающий возможное действие в прошлом, настоящем и будущем: *Θα πήγαίνα στο θέατρο ευχαρίστως αλλά έχω δουλεία*. В целом же зависимое наклонение новогреческого языка не имеет прямого грамматического соответствия в русском языке. В русском языке по смыслу ему могут соответствовать все три наклонения.

Проведя анализ разных точек зрения отечественных и зарубежных авторов в области исследования категории наклонения, представляется целесообразным в процессе обучения новогреческому языку ограничиться рассмотрением, как с морфологической, так и с семантической точки зрения трех наклонений: изъявительного, повелительного и зависимого. Особенность зависимого наклонения заключается в том, что оно выражает различные модальные значения. К ним относятся: 1) сомнение, удивление, недоумение (*απορία*), 2) желание, пожелание (*ευχή*), 3) приказ, распоряжение, веление или запрещение, (*προσταγή ή απαγόρευση*), 4) позволение, разрешение (*άδεια*), 5) уступка (*παραχώρηση*), 6) возможность, вероятность (*ενδεχόμενο*), 7) побуждение, поощрение, уговаривание, настраивание, подстрекательство (*προτροπή*).

Список литературы

1. Борисова, А.Б. Греческий без репетитора [Текст] / А.Б.Борисова. – Санкт Петербург: КАРО, КОРОНА, 2005. – 432 с.
2. Патсис, М. Новейший самоучитель современного греческого языка [Текст] / М. Патсис. – М.: Астрель: АСТ: Полиграфиздат, 2010. – 494 с.
3. Рытова, М.Л. Новогреческий язык. Практический курс [Текст] / М.Л. Рытова. – Санкт Петербург: ГЛОССА, 1994. – 393 с.
4. Хориков, И.П. Новогреческо-русский словарь [Текст] / И.П. Хориков, М.Г. Малев. – МОСКВА: КУЛЬТУРА И ТРАДИЦИИ, 1993. – 853 с.
5. ΑΠΘ. Νεοελληνική γραμματική της δημοτικής [Текст] / ΑΠΘ. – Θεσσαλονίκη: ΑΘ. ΑΛΤΙΝΤΖΗ, 1996. – 455 σ.
6. ΑΠΘ. Τα νέα ελληνικά για ξένους [Текст] / ΑΠΘ. – Θεσσαλονίκη: ΑΠΘ, 1999. – 389 σ.
7. Mackridge P. Η νεοελληνική γλώσσα [Текст] / P. Mackridge. – Αθήνα: ΕΚΔΟΣΕΙΣ ΠΑΤΑΚΗ, 1990. – 532 σ.
8. Mirambel, Andre. Η νέα ελληνική γλώσσα [Текст] / Andre Mirambel. – Θεσσαλονίκη: Σ. Μαλακούδη – Ν.Φωτοπούλου, 1988. – 401 σ.
9. Τζάρτζανος, Α. Νεοελληνική σύνταξις. ΤΟΜΟΣ Α΄ [Текст] / Α. Τζάρτζανος. – Θεσσαλονίκη: ΕΚΔΟΣΕΙΣ ΑΔΕΛΦΩΝ ΚΥΡΙΑΚΙΔΗ, 1991. – 351 σ.

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА НЕКОТОРЫХ ИМЕН СОБСТВЕННЫХ ЭПОСА «УРАЛ-БАТЫР» С БАШКИРСКОГО НА РУССКИЙ И АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫКИ

Ишбаев З.З.

аспирант кафедры русского языка,
ФГБОУ ВПО «Башкирский государственный педагогический
университет им. М. Акмуллы», Россия, г. Уфа

В данной статье рассматривается проблема лексико-семантических особенностей перевода некоторых имен собственных оригинала эпоса «Урал-батыр» на русский и английский языки, основным содержанием которого является сопоставительный анализ оригинала и переводов. В статье анализируются способы и виды трансформаций, использованные переводчиками, также выяснены характерные особенности перевода тюркских «говорящих» имен собственных. Автором предпринята попытка раскрыть основные причины неадекватного перевода и особенности перевода разносистемных языков.

Ключевые слова: эпос, перевод, лексико-семантические особенности, язык.

Имена собственные образуют в языке обширный пласт лексики. Своеобразие имен собственных позволило выделить их изучение в отдельную науку – ономастику.

Первоначально ономастика считалась прикладной наукой, необходимой историкам, географам, этнографам, литературоведам, и не выходила за рамки «вспомогательной научной дисциплины», до тех пор, пока ею занимались представители этих специальностей. Когда же к изучению данной проблематики подключились лингвисты, принесшие с собой методы структурного и семантического анализа, ономастика оформилась в самостоятельную дисциплину, анализирующую материал лингвистическими методами.

Ономастика изучает основные закономерности истории, развития и функционирования имен собственных. Нельзя не согласиться с А.В.Суперанской, отмечающей, что, обладая своим материалом и методикой его изучения, ономастика не может не быть самостоятельной дисциплиной. Однако доминирует в ономастике лингвистический компонент, потому что каждое имя – это слово, развивающееся по законам языка, а также потому, что имена содержат информацию, которая «добывается» с помощью лингвистических средств [см. 24].

Имена собственные, или онимы, включающие антропонимы, этнонимы, топонимы, являются одним из ключевых элементов в понимании художественного произведения, к которому, несомненно, относится эпос. Имена собственные любого типа являются неотъемлемым компонентом в арсенале средств художественной выразительности произведения словесно-художественного творчества. При этом классификации имен собственных в поэтической и языковой ономастике не всегда совпадают. Так, когда речь идет о поэтической ономастике, понятие «антропонимы» способно широко раздвигать свои границы, чтобы охватить имена всех функционирующих в

произведении персонажей, которыми по воле автора нередко оказываются не только люди, животные, птицы, насекомые и даже неживые объекты – звезды, реки, цветы и т.п., но и вовсе вымышленные существа. Таким образом, выбор в качестве объекта исследования личных имен персонажей дает возможность более глубокого и полного проникновения в поэтику художественного текста, чем этого можно было бы достичь на примере какой-либо иной разновидности ономастических единиц.

Хорошо известно, что при выборе имен для своих персонажей писатель обращает внимание на их фонемный и морфемный состав, которые способны передавать дополнительные эмоционально-экспрессивные оттенки. При этом автор ориентируется на реальный именник, общепринятую в данной культуре формулу, с помощью которой можно передать информацию о национальном, возрастном, социальном и т.д. положении героя. Кроме того, состав и сочетание антропонимов зависят от социальных взглядов и эстетической позиции автора художественного произведения, от общей культуры писателя и культуры той среды, в которой живут персонажи.

Исследователи неоднократно отмечали, что в художественном произведении все антропонимы прежде всего выполняют стилистическую функцию, участвуя в создании образа. Писатель выбирает или создает личные имена и прозвища персонажей в соответствии с образной системой произведения, художественным замыслом, стилем, жанром. Они могут нести на себе заметно выраженную смысловую нагрузку, иметь необычный звуковой облик. Некоторые имена героев художественных произведений благодаря своему звучанию могут вызвать как симпатию, так и насмешку и даже отвращение. Имена собственные должны быть стилистически верными и точными, должны соответствовать всему духу, идее, целям произведения, должны нести характерный колорит, а иногда и какой-то специальный смысл, особое значение, в котором концентрированно выражена авторская идея.

Существует немало работ, посвященных изучению функций онимов в художественной литературе, т.е. роли поэтической ономастики в художественном тексте [см.: 1, 4, 5, 13, 15, 17, 28]. Следует признать, тем не менее, что до сих пор исследованиям в области поэтической ономастики недоставало широты в постановке проблемы, т.е. рассматривались только те имена собственные, которые по той или иной причине соответствовали концепции исследователя, а более общий вопрос о связи имен собственных с типом художественного текста даже не был поставлен. Представляется, что функции и задачи, выполняемые именами собственными в художественном произведении, заслуживают более глобального осмысления с точки зрения их зависимости от жанрово-стилистической принадлежности художественного текста. Так, например, в произведениях сатирической направленности доминирующую роль играет комическая функция и текст оказывается насыщен «говорящими» именами, характеризующими художественных персонажей. В жанре же фэнтези немецкий литературовед Дитер Лампинг выделяет «иллюзионирующую» функцию [см.: 3], которая служит для создания и поддержания иллюзии подлинности созданного в произведении мира, что не может не за-

трагивать и систему используемых в нем имен собственных. При этом, однако, выбор имен собственных в произведениях, относящихся к классическому реалистическому направлению, оказывается, совершенно иным, чем у создателей фэнтези.

Данная проблема приобретает особую актуальность для переводчиков. В практике их работы до сих пор нет твердых общепринятых правил передачи имен собственных при переводе художественных произведений, хотя господствует мнение, что проблема передачи имен собственных уже давно решена: их следует транскрибировать и/или транслитерировать. Между тем, фонологические особенности языков, различия в системах письма чрезвычайно сильно влияют на форму имени и разрушают его тождество при переводе. Вопрос о переводимости имен собственных возникает и в том случае, когда переводчик сталкивается со смысловыми (значащими, значимыми, говорящими, номинативно-характеристическими) именами и прозвищами. Заключенная в значимых именах смысловая и эмоциональная информация должна быть проявлена при переводе и воплощена в новой форме. Значимое имя требует от читателя понимания его внутренней формы и восприятия ее образности. В противном случае, читатель переводного текста лишается возможности столь же полно, как и читатель подлинника, насладиться всем своеобразием произведения, ее духом, почувствовать тонкие оттенки смысла, понять шутки, основанные на двояком толковании какой-либо фамилии или географического названия.

Объектом изучения в статье являются имена собственные эпоса «Урал-батыр». Эти имена собственные вымышленных объектов, созданных фантазией людей, относятся к мифонимам, или антропоморфным образам, т.е. к названиям мифологических персонажей. В реферируемом исследовании затрагивается вопрос о переводе имен собственных эпоса «Урал-батыр» с башкирского на английский и русский языки.

Многие ученые придерживаются той точки зрения, что имена собственные способны выражать национальную или иноязычную специфичность, поэтому при переводе необходимо стремиться к сохранению звучания имени, близкого к языку оригинала [См.: 10, 19]. Однако, «говорящие» имена должны подлежать переводу в собственном смысле слова, т.к. транскрипцией/транслитерацией нельзя передать внутреннюю форму имен собственных: такое имя «замолкнет» и не исполнит определенную ему автором роль. Вместе с тем, одним из факторов, влияющих на выбор переводческой стратегии, является наличие/отсутствие в языке перевода уже ставшего традиционным варианта передачи того или иного имен собственных, в том числе и имен главных героев художественного произведения. В данном случае речь идет об идентификации героя по имени, что не может не учитываться при создании новых переводов классических литературно-художественных текстов.

В работе мы опирались на тексты переводов «Урал-батыра» с башкирского на русский язык А.Х.Хакимова, на английский – З.А. Рахимовой, С.Г.Шафикова.

Для исследования поставленного вопроса о переводимости/непереводимости имен собственных мы использовали описательно-сопоставительный метод, элементы компонентного анализа, позволяющие определить приобретаемые словами коннотации; а также контекстуальный анализ всего корпуса примеров.

Рассмотрим имена собственные относящиеся к антропонимам и мифонимам. В башкирском эпосе «Урал-батыр» изображается несколько поколений героев. Одним из первых поколений являются Янбирде и Янбике.

Янбирде (Йәнбирҙе, Jaenbirdhe) – первый человек, обосновавшийся вместе с супругой Янбика (Йәнбикә, Jaenbikae) на острове, окруженном с четырех сторон водой. Как видно из содержания эпоса и этимологии их имен, главная функция супружеской пары после потопа и гибели жизни на земле заключается в даровании ими души «Йән», в возрождении человеческого рода и жизни на земле. «Янбирде» образовано от перс. *йән* «душа» и башк. *бирҙе* «отдавший», досл. «отдавший душу» и «Янбика», от перс. *йән* «душа» и башк. *бикә* «госпожа». Они символизируют союз мужского и женского начала – первые прародители человечества. Антропонимы Янбирде и Янбика выступают проводниками основной идеи, выражают социально-исторический момент зарождения жизни на земле. В данном случае трудно представить более удачное средство характеристики персонажа, чем его имя. Функция характеристики скрыта функцией именованья, которая раскрывается в контексте с другими образами, их сыновьями. В культурах тюркских народов имя тесно связано с судьбой человека.

Анда булған, ти, борон
Йәнбирҙе тигән карт мән
Йәнбикә тигән бер карсык,
Кайза барһа, аларға
У урында юл асык. [26, с. 13]
Прежде там жили, говорят,
Старик по имени Янбирде
Со старухой Янбика,
Куда бы они не пошли,
Всюду путь был им открыт.
(перевод А. Хакимова) [26, с. 111]
Jaenbikae and Jaenbirdhe,
An old woman and old man,
Only two were in that land.
(перевод З. Рахимовой) [26, с. 207]

Имена *Янбирде* и *Янбика* являются предзнаменованьем. Очень часто непосредственно после имени следует эксплицитное объяснение, причины именованья, как в случае с именем первой женщины и первого мужчины в Библии. В данном случае при переводе антропонимов *Янбирде* и *Янбика* требуется дополнительное пояснение в тексте, но при переводе с башкирского на русский язык никакие пояснения в комментариях, словаре и ссылке в книге не внесены, а в комментариях при переводе на английский язык дается пояс-

нение образования имен собственных как *jaen (soul)*, *birdhe (gave)*, *bikae (mistress)*. В английском языке также дается пояснение, что они символизируют факт о зарождении племен и являются прародителями человечества. Заключенная в значимых именах *Йәнбирзе* и *Йәнбикә* (*Jaenbikae* и *Jaenbirdhe*, *Янбирде* и *Янбика*) смысловая и эмоциональная информация при переводе с башкирского на английский и русский языки воплощена в новой форме. Значимое имя утеряно, и в данном случае если бы переводчик при переводе на русский язык дал полное пояснение словообразования *Йәнбирзе* и *Йәнбикә*, то читатель понял бы внутренние формы и восприятия образности. В противном случае, читатель переводного текста лишается возможности столь же полно, как и читатель подлинника, насладиться всем своеобразием эпоса и почувствовать тонкие оттенки смысла.

Фонетическое оформление имен собственных *Йәнбирзе* и *Йәнбикә* переводчики постарались приблизить к звучанию на русском и английском, которое было бы свойственно башкирскому имени. Но здесь же мы видим необходимость транслитерационного объяснения некоторых фонем, которые несвойственны русскому языку, свойственны английскому и наоборот. Не будь заметок Б.Т.Ганеева [26, с. 290] к английскому переводу З.А.Рахимовой, *Jaenbikae* и *Jaenbirdhe* читались бы английским реципиентом по правилам орфоэпии английского языка, что исказило бы звучание текста и «резало» слух. Следующие буквы и сочетание букв, которые мы встречаем в английском переводе имен собственных *Янбирде* и *Янбика*, по комментариям Б.Т.Ганеева должны читаться следующим образом:

– сочетание английских букв *ae* – как башкирский звук [ә] и как *a* в англ. «can»;

– *j* [й] как *y* в словах «yes», «may»;

– *dh* [з] как сочетание *th* в англ. слове «then».

Транслитерация в русском и транскрибирование в английском переводах когда одна из форм трансформации в целом оправдана. Но наш взгляд следующий перевод был бы лучше: *Йанбика* и *Йанбирде*, *Yanbika* и *Yanbirda*.

Следующее поколение – Шульген и Урал.

... Тора-бара у икәү

Ике уллы ла буғандар:

Шүлгән буған олоһо,

Урал буған кесеһе... [26, с. 13]

Жили-жили они вдвоем,

Нажили себе двух сыновей, говорят.

Старший был Шульген,

Младший был Урал.

(перевод А. Хакимова) [26, с. 111]

As time went by

They had two sons,

Their elder son was Shuelgaen,

Named Ural was younger son.

(перевод З. Рахимовой) [26, с. 207]

Шульген (*Шүлгән, Shuelgaen*) – один из двух сыновей первых людей на земле, который становится коварным и злым повелителем водной стихии – волшебного моря. Впоследствии море превращается в озеро Шульген. В реальной географии название «Шульген» также связано с водой. Река, правый приток реки Белой в Бурзянском районе, называется Шульген, пещера Шульгенташ (Капова пещера).

В структурном отношении слово *Шульген* образовано от *шүле-* и *-гән*, где *шүле* означает «вода» или «река». Ср.: башк. диал. слово *шиле*, которое употребляется в значениях «родник», «ручей», «вода» и др. – тюрк. *culiman* «скопившаяся, застойная вода»; в башкирском языке *һул* «жидкость, выделенная из мяса», *һыу-һул* «пора половодья». Слово *һул* в бурзянском говоре башкир употребляется в значении «мокрый», а в кизилском говоре означает «околоплодные воды женщины». Наблюдаются лексико-семантические параллели в других тюркских языках: хакас., сельк., чулым., шор. *шул* «река, речка».

Как видно из приведенных выше примеров, в различных фонетических вариантах, но близких по значению слово *шүле* имеется в разносистемных языках.

Таким образом, корень слова *шүле* во всех названных нами языках общий, но в каждом из них наблюдается развитие, иногда изменение семантики слова. Например, *сил/сыл/сал/сол/сул/шул/шыл/һул/һөл/өөл/* употребляется в значениях: 1) «талый», «незамерзший», 2) «вода», «мокрый», 3) «поток», 4) «ложбина, по которой стекает талая или дождевая вода», 5) «приток». Так что значимые имена, так же как и передача их на фонетическом уровне, есть ничто иное, как продолжение древней традиции. В основе значимости данного имени собственного «Шульген» лежит многозначность, реализуемая в речи, поскольку основное значение имени собственного будет обозначение лица, а второе значение, исходящее из нарицательной основы, создает характеристику этого лица.

Исследование семантических и функциональных особенностей имен собственных позволяет перейти к проблеме их перевода. Передача антропонимов, содержание которых закреплено в языке, выдвигает на первый план преодоление орфографических трудностей. А вот перевод имен собственных как *Шульген, Урал*, являющиеся единицей художественного текста, представляет собой проблему на всех языковых и внеязыковых уровнях. Как правило, имена собственные с одного языка на другой не переводятся, если это не такие значимые фамилии, как Скотинин, Лисицын, Булатов. Наш вариант перевода на английский как и у С.Г.Шафикова *Shulgan*, на русском – *Шульган*.

В переводе эпос «Урал-батыр» слова «Шүлгән» на русский язык передан транслитерацией, а на английский язык – транскрибированием. Хотя «*Shuelgaen*» не является точной передачей всех фонетических особенностей башкирского языка, но в пояснениях книги к переводу З.А.Рахимой Б.Т.Ганиевым дается транслитерационная характеристика использования специфических звуков исходного текста, которое мы рассматривали выше:

сочетание английских букв *ae* должно читаться как башкирский звук [ə] и как *a* в англ. «*can*». Английская буква *u* как русский и башкирский звук [y], и как в англ. «*boot*». Антропоним «Урал» при переводе с башкирского на английский «Ural» в транскрипции звучит [jʊrəl], но первую гласную следует читать на английском как в русском транскрибировании, что составляет определенную трудность для англоязычного реципиента. Урал – второй сын первых людей на земле Янбика и Янбирде. В контексте эпоса он противопоставляется Шульгену. «Урал» можно отнести к числу «говорящих имен». Эпический герой Урал в борьбе за счастье людей становится батыром (героем). Как видно из контекста, чтобы спасти людей от смерти, Урал-батыр образует высокие, величественные горы.

Урал юлы – бейек тау,

Урал гүре данлы тау –

Урал булып калкан, ти [26, с. 93].

В имени отражается народное видение, народное мироощущение. Поэтому при толковании происхождения того или иного названия нельзя обойтись без учета народного осмысления имени собственного. В реальной действительности Урал – название горной системы. Как пишет Р.З. Шакуров, название «Урал» функционировало в средневековье только по отношению к территории расселения горных башкир, что совпадало в основном с современным хребтом Уралтау. Его стали применять для обозначения всей горной системы (т.е. в современном его понимании) только с первой половины XVIII в. в географических трудах В.Н. Татищева, П.И. Рычкова и др. [30, с. 36-37]. Как указывает Р.З. Шакуров, слово «урал» и в настоящее время среди южных башкир функционирует в качестве географического термина [31, с. 69].

Слово проникло в русские диалекты Сибири: урал «каменистая гора, скалы» [11, с. 507], уралы «крутые вершины на Алтае» [27, с. 166]. В башкирском языке слово «*тау*» обозначает просто любую гору. Возможно, урал обозначает не просто гору, а высокую горную цепь. В названии Уралтау, слово «урал», находясь перед определяемым словом *тау*, приобретает дополнительное значение. В словообразовательном плане в корне слова «урал», возможно, лежит слово *ур//үр* «высота», «вышина», *тау үре* «вершина горы», *үрләү* «подниматься», а элемент *(а)л–* праалтайский аффикс множественного числа [6, с. 37], или же *-ал–* словообразовательный аффикс имени прилагательного. Следовательно, *урал* – высокий, а *Уралтау* – высокие горы. В ходе функционирования в языке слово «урал», возможно, субстантивировалось и стало означать гору. Такое объяснение совпадает и с фольклорным видением мира. Как мы уже говорили, функция Урал-батыра заключается в создании высоких, величественных гор. Этой функции в транслитерации имени собственного на английский и русский языки мы не видим. Это и невозможно передать одним словом.

Передача башкирских слов «Шүлгән» и «Урал» на русский и английский языки представляет значительные трудности для переводчиков. Обоим переводчикам не удалось передать у имен собственных *Йәнбирзе* и

Йәнбикә, Шүлгән и *Урал* как содержательную сторону, звуковую особенность на английском, русском языках, так стилистическое наполнение. Трудность этого вопроса заключается в том, что не все звуки башкирской речи могут быть точно изображены средствами русского алфавита и английского алфавита, следовательно, передача башкирских имен носит более или менее приблизительный характер.

Следующее поколение человечества это сыновья Урала и Шульгена – Яик, Сакмар, Нугуш и Идель (Яйык, Нөгөш, Һакмар, Изел).

... Изел буйы тарайған.

Дүрт батыр бер йыйылып,

Бергә ултырып уйлаған;

Яйык, Нөгөш, Һакмарзар

Тағы урын эзләгән. [26, с. 95]

Функция батыров Яика, Нугуша, Иделя и Сакмара, представленная в эпосе «Урал–батыр», позволяет рассмотреть их образ как водных божеств. Так как они по зову отца решили служить своему народу и превратились в реки. В реальной географии Башкортостана Яик (ныне река Урал), Нугуш, Идель и Сакмар – реки.

Рассмотрим древнее слово «яик». Это название тюрк. происхождения, ср. тур., крым.-тат., чагат., уйг., алт. *jajuk* «разостланный, широкий», чув. *Jejək* «река Урал», казах. *žajuk*, шор., саг. *čajuk* «наводнение» [см.: 27].

Е.Койчубаев [см.: 16], исходя из тюркских языков, трактует слово Яик, как «йай-ик», – «широкое русло реки»; или как «йай-Ык», – от слова «лето». Имеются и другие, не менее остроумные варианты перевода. Прежде, чем пытаться переводить название, наверное, следует просто вспомнить, что человечеству не одна сотня тысячелетий. И названия всех великих рек пришли к нам из невероятной дали тысячелетий. Поэтому толковать эти названия, исходя при этом из данных современных языков, – некорректно, и не только с научной точки зрения. Называть реку Яик «местом» или «пространством», а тем более «лето» или «осень» – на одних домыслах и ошибочных сопоставительных анализах, – неразумно.

При истолковании древних названий пользуются обычно не словарями современных языков, а специальными работами по топонимике. Тогда не будут повторяться ошибки при переводе форманта, как например, «ак» («ак») в гидронимах. Основное его значение в топонимах – «течение», «текущая вода», а не «белый, светлый». Башкирское наименование реки *Афизел* в основном трактуют как «Белая река», а не «Бегущая река». Она самая большая река Южного Урала. Ее длина составляет 1430 км, дебет в нижнем течении – 900 км³, возможно, поэтому ее называли Бегущей рекой, а не белой. Как видим, значение слово «яик» близко индоевропейскому «ик», и указывает на восходящие к ностратическим праязыкам, общее происхождение этих слов, и на соответствие их значения в названиях рек. В данном случае этимология слова «Яйык» и его значение непонятно даже современному читателю подлинника, поэтому перевод мифонимов *Яйык, Нөгөш, Һакмар, Изел* дан на русский язык одним их приемов трансформации – транслитерацией, как *Яик*,

Нугуш, Сакмар, Идель на русский язык и на английский язык – транскрибированием *Jajyk, Noegoesh, Haqmar, Idhel*. И снова при произношении определенных звуков башкирского языка при чтении на английском языке перевода, мы должны ссылаться на правила произношения отдельных букв и словосочетаний букв, которые даны в комментариях Б.Т.Ганиева к переводу З.Рахимовой, не только как на английском языке, но и как на немецком (oe [ø] как на немецком [ö]), шотландском, французском языках.

Jajyk, Noegoesh, Haqmar, Idhel – переводческая транскрипция, где З.Рахимова постаралась формально пофонемно воссоздать исходные лексические единицы *Яйык, Нөгөш, Накмар, Изел* с помощью фонем английского, французского, шотландского и немецкого языков, с помощью фонетической имитации. *Яук, Нугуш, Сакмар, Идель* – формальное побуквенное воссоздание исходных лексических единиц *Яйык, Нөгөш, Накмар, Изел* с помощью алфавита переводящего русского языка, буквенная имитация формы башкирских слов. При этом исходные слова в переводном русском тексте представляются в форме, приспособленной к произносительным характеристикам переводящего языка. Наш вариант трансформации: *Yaik, Nogosh, Nakmar, Idel*.

Так же в эпосе существует мифонимический образ царя драконов – Азрака (башк. *Әзрәкә*, англ. *Aezraqae*), сынчи драконы (башк. *һынсы дейеу*, англ. *Hynsy divs*). К антропоморфным образам, представленным в эпосе «Урал-батыр», также относятся: царь Катил (башк. *Катил*, англ. *Qatil*), седобородый старец (башк. *ап-ак һакаллы карт*, англ. *white-bearded old man*), Аксакал (башк. *Аҡһаҡал*, англ. *aqhaqal*), девушка, старик и старушка.

Седобородый старец (башк. *ап-ак һакаллы карт*, англ. *a white-bearded old man*) в эпосе «Урал-батыр» – носитель вековой народной мудрости, обладающий пророческой способностью предсказывать будущее. Он обычно появляется на развилке дороги, на перекрестке, наставляет героев и помогает им при выборе пути. В контексте эпоса он символизирует мудрость.

...Бара торғас, бы икәү,
Бер йылғаның ситендә,
Бер зур ағас төбөндә,
Бер зур таяк кулында
Бакыр һандык янында
Аппак һакал бер картка
Былар барып еткән, ти. [26, с. 25]
У берега какой-то реки,
Под деревом большим
Возле медного сундука
Седобородого старца
С длинной палкой в руке
Встретили они, говорят.
(перевод А. Хакимова) [26, с. 123]
... And as they went they reached

The edge of a stream,
And at the foot of a big tree,
They met a white-bearded old man
White a big staff in his hand
And a big copper chest near him.
(перевод З. Рахимовой) [26, с. 215]

В башкирском языке *ап-* является частицей усиления, присоединяющаяся к прилагательным и наречиям, начинающимся на *а*: *очень, самый, наилучший* (*ап-асык* – *очень ясный, четкий*; *ап-арыу* – *наилучший*). В башкирском слове «ап-ак» частица *ап-* на русский и английский языки не переданы. В русском переводе эпоса *ап-ак һакаллы* это *седобородый*, в английском – *white-bearded* (*белобородый*). В результате концептуального анализа в семантике имен цвета, репрезентирующих *ап-ак* в значении *очень белый*, в английском языке соответствует *pure white* (белоснежный, чистый белый цвет). *I have equal dark and white beard. I want to make it all pure white, like Santa Claus. What product would I use to bleach it?* – *Моя борода на половину белая и на половину серая. Я хочу его сделать белоснежным как у Санта Клауса. Как мне его отбелить?*

В толковом словаре Ефремовой Т. Ф. [см.: 12] *седобородый* разъясняется как «имеющий седую бороду», в словаре Ожегова С.И. «с седой бородой» [см.: 22]. В русском и английском языках антропоним *ап-ак һакаллы карт* не переведен семантически точно. Несмотря на то, что прямое цветообозначение *ап-ак* не использовано в переводных текстах, определенная цветовая гамма ощущается, и она не идентична исходной единице цветообозначения. На адекватность восприятия повлияли, в первую очередь, лексические средства. В значительной степени повлияли на цветовое восприятие и тематическая ассоциация. Отсутствие цветообозначения *ап-ак* в тексте переводов диктует необходимость его восполнения за счет других средств: тематической и языковой соотнесенности. Таким образом, анализ функционирования цветообозначения *ап-ак* в оригинале и переводных текстах разноструктурных языков показал, что в идентичных текстах могут быть использованы адекватные средства передачи цветообозначений. Особенности национальных систем цветообозначений выявляют полное или частичное отсутствие адекватных средств выражения цвета, что может приводит к разным соотношениям исходного и переводного текста. Наш вариант перевода: *белобородый, white-bearded*.

В связи с этим важно определить способы компенсации недостающих компонентов. Так отсутствие соответствующих лексических средств может быть компенсировано словом, принадлежащим тому же синонимическому ряду или другим словом, но близкой цветовой гаммы, что и сделал переводчик при переводе на русский язык. Конечно же, отсутствующее цветообозначение может компенсироваться описательным оборотом или лексикой, содержащей в своем значении сему цвета, но тогда потеряли бы поэтичность текста.

Все эти средства призваны обеспечить смысловое тождество, но при этом могут утрачиваться некоторые коннотативные значения, что вызывает искажение в стилистическом оформлении текста, эмоционально-экспрессивная нагрузка может редуцироваться. Компенсация авторской деятельности может привести к более серьезным трудностям, например, вызвать разные ассоциации, разные принципы метафоризации и т.д.

Дивы-сынчи (башк. *һынсы дейеу*, англ. *hynsy divs*). Дивы, дэвы (авест.: *daēuua, daāua, daēva*) – сверхъестественные существа, встречающиеся в иранской, славянской, грузинской, армянской, тюркской (башкирской, татарской, азербайджанской [18, с. 33] и др.) мифологиях. Мифологический образ дивов распространён в фольклоре народов Кавказа, Урала (башк. *дейеу*), Малой и Средней Азии [см.: 23], Западной Сибири и др. – злые духи, главным образом великан антропоморфного или зооморфного вида (например, в армянской мифологии). Они большого роста, сильны, глупы, изображаются с небольшими рожками. В башкирской мифологии дивы описываются как существа, вредившие людям. В ряде сказок дивы и аждахи (драконы) каждый день требуют отдавать одну девушку на съедение [7, с. 151].

В эпосе «Урал-батыр» дивы выступают служителями Шульгена – родного брата Урала. Также дивы являются персонажами эпосов «Акбузат», «Заятуляк и Хыухылу», дастана «Кисякбаш китабы», сказок «Девушка, джигит, дэв», «Старик и дэв» и других фольклорных произведениях.

В башкирских сказках встречаются трёх-, шести-, семи-, девяти-, двенадцатиглавые дивы [29, с. 81].

Һынсы дейеүзәр килеп,

Бер карт дейеу бик белеп:... [26, с. 50]

Дивы-сынчи пришли,

Один – старый, знающий больше других, сказал... [26, с. 145]

Then hynsy divs came.

One old div who knew much said ... [26, с. 241]

Известно, что слово *div* перс. миф. *дивы, дэв*. Но данное английское слово еще используется в сленге тинейджеров как *идиот, придурок* [2]. Современному читателю не сразу придет в голову денотат «демонов, див». В частности, «div» произошло от сленга тюремных заключенных Соединенного Королевства Великобритании. Заключенным давалась работа по разделению картонной бумаги на коробки. Эта работа считалась для слабоумных. Того, кому поручали такую работу, называли «divider» или «div». Сейчас же данное слово используется в значении «тупой, идиот». Переводчик З.Рахимова напрямую транслитерировала с русского слова «див» на английский лад, что потеряло первоначальное свое «назначение». Перевод башкирского слова «*дейеу, дейеу бәрейе*» на русск. миф. *див, демон*. Переводчику стоило вместо использования транслитерации *hynsy divs*, трансформировать с помощью конкретизации, который является одним из приемов лексико-семантической замены, *fortune-teller demons*. То же следовало сделать и переводчику на русский язык, а не давать его в виде *дивы-сынчи*. *Сынчи* транслитерировано на русский из башкирского *һынсы* – предсказатель, пророк, провидец. В данном

случае в силу того, что здесь присутствует коннотация, для передачи *Һынсы дейеүзәр* могут быть использованы слова со сходными коннотациями, но со значительным расхождением в референциальных свойствах, которые нейтрализуются контекстом, например: *демоны прорицатели, демоны пророки*. Тогда русскому и английскому реципиенту предстанет образ злого духа, а непонятого мифологического образа. На наш взгляд, для адекватного восприятия эпоса, декодирования авторских переводов принципиально важен их семасиологический анализ, а также общий фонд знаний автора и реципиента. Наш вариант перевода: *демоны пророки, fortune-teller demons*.

Азрака (башк. *Әзрәкә*, англ. *Aezraqae*). На севере Иордании есть город Азрак (Azraq), который привлекает туристов средневековым замком и национальным парком-оазисом. «Азрак» в переводе с арабского означает «синий», такое название ему принесли водоемы местного оазиса. Также с арабского языка переводится как «негодяй, обманщик, заклятый враг». В семантическом аспекте не зря в эпосе «Урал-батыр» имя собственное Азрака дается злему мифическому образу, он же падишах дивов. Падишах (царь) дивов подземного и подводного мира, владелец волшебного родника Яншишма (Йәншишмә, букв. башк. – живой родник). Чтобы покорить людей и властвовать над миром, Азрака попытается заполучить дочь Самрау, Хумай, коня Акбузата, волшебный алмазный меч. В этом ему помогает Шульган, царь змей Кахкаха и его сын Заркум. В эпосе Урал уничтожает Азраку и всех дивов. По преданию на месте разрушенного места Азраки появляется гора Яман-тау (башк. Яман-тау – «плохая (злая) гора») – высшая точка Южного Урала. Она расположена в Белорецком районе Башкортостана. Тюркские народы, чтобы объяснить топонимы родной земли, создали замечательные мифы и сказания, содержащие черты преданий, где оживают названия рек, озер, гор, как и горы Ямантау. С башкирского *Әзрәкә* переведен на английский *Aezraqae*, что является переводческой транскрипцией, попытка пофонемного воссоздания имени собственного. Неудобно произносимый английский дифтонг *ae* [ə], является ложным восходящим, в силу чего, нам кажется, не требует обязательного сохранения всех фонем. Достаточно передать английское звуко сочетание *ae* [ə] на башкирский [ə] русской и английской фонемами-монофтонгами: а [a] и а [ə]. Наш вариант перевода: Азрака, Azraka.

Одним из наиболее загадочных и интересных образов в эпосе является образ хозяина страшного царства падишаха Катила. Он жестокий, «кровавый», «кровавый», его «Земля кровью залита», «люди плачут кровавыми слезами». В день прихода на его землю Урала Катил собирается казнить людей страшной смертью.

В полном соответствии с жестокостью падишаха обрисован и его внешний вид. Большинство исследователей резонно полагает, что образ этот, возможно, возник на основе непосредственных впечатлений или воспоминаний народа о жестокостях иноземных поработителей. *Катил* (рус. *Катил*, англ. *Qatil*) буквально переводится «палач», «убийца». Жестокий и кровавый царь, в стране которого земля покрыта горами человеческих костей и залита кровью; на знамени изображён чёрный ворон (по представлениям

башкир и ряда др. народов, ворон является символом смерти). Имеются несколько вариантов перевода башкирского антропонима «Катил батша» на английский – «Katil-shah, Qatil Batsha», на русский – «падишах Катил, царь (владыка) Катил». Английская трансформация с помощью калькирования и транслитерации: «Катил батша» – Katil-shah. Хотя слово «Shah» (*шах*) заимствовано из персидского языка, что является титулом монарха в некоторых странах Ближнего и Среднего Востока, Делийском султанате и государстве Великих Монголов (в форме «падишах»). Англоязычные читатели могут и не знать слова «шах, падишах», но данное слово коннотативно близко отражает значение башкирского слова «батша», нежели транскрипция «batsha». А вот в русском переводе «падишах Катил», нам кажется не уместным. Перевод слова «батша» с башк. на рус. – *царь, государь, повелитель. Владыка* с рус. на башк. – *бойһондороусы* (повелитель), *хаким* (властелин, повелитель, правитель). Мы видим, что в русском языке имеются близкие по значению слова башкирскому слову «батша» и следовало бы использовать их синонимы, нежели персидское слово «шах». Слово «Катил» имеют свою семантику, которую не передать другим словом. Если бы перевод *Катил-батша* был дан как «Убийца-правитель», то потеряли бы лицо героя, как например, переведя фамилию матроса *Оуэн Коффина* из романа «Моби Дик, или Белый кит» Германа Мелвилла в *Юный Воин Гроб*. Герой до конца романа боролся со своей страстью к спиртным напиткам, в итоге оказывается загнанным в гроб, что и предзнаменовала изначально его фамилия. Поэтому наш вариант перевода: *Царь-Katил, Tsar-Katil (King Katil)*. Имена собственные, этимологически имеющие мотивацию, которая не очевидна для современного носителя русского языка и английского языка, целесообразно передавать методом транскрипции и конкретизации.

Анализ текстов переводов эпоса «Урал-батыр», сделанных переводчиками А.Х. Хакимовым, З.А. Рахимовой, С.Г. Шафиковым, показал, что расхождения в передаче имен собственных касаются фонетического и графического оформления имени.

Фонетическое оформление имени собственного у З.Рахимовой подчинено желанию переводчика приблизить звучание английского имени к тому звучанию, которое было бы свойственно башкирскому имени. Именно поэтому, наверное, у З.А. Рахимовой появляются в переводе текста такие имена, как *Jaenbikaе* и *Jaenbirdhe, Shuelgaen*.

Не трудно заметить, что А.Х.Хакимов транслитерировал имена, для русского читателя, он представил названные имена соответствующими буквами славянского алфавита *Яук, Сакмар, Нугуш и Идель*. У З.А. Рахимовой эти имена трансфонированы: *Jajyk, Noegoesh, Haqmar, Idhel*. Буквенное оформление имен приближено к их английскому произношению. На наш взгляд, переводчик должен сохранять колорит имен собственных, прибегая к транскрибированию личных имен по правилам английского языка, и не придумывать новые фонетические ряды, которые не присущи ПЯ.

Интересным моментом является передача «говорящего имени». Имена *Азрака, Катил*, которые являются в эпосе одновременно и именем, и характе-

ристикой (прозвищем). Прозвище всегда имеет образный характер, построенный на национальных традициях, на привычных определенному народу явлениях и их традиционному осмыслению. Задача переводчика – передать дух образа, приблизить русского читателя к тому восприятию имени, которым владеет англичанин, русский.

Наиболее частыми ошибками являются следующие: а) транслитерирование или транскрибирование вместо использования словарного эквивалента: *Катил батша*; б) транслитерирование вместо транскрибирования: *Яйык Yaik* вместо *Jajuk*, *Йәнбикә Yanbika* вместо *Jaenbikaе* или *Yanbikah*; в) неоправданное изменение правил транскрибирования при передаче личных имен по правилам практической транскрипции звук с английского на русский и башкирский; г) привнесение неуместных ассоциаций *дейеу демон* вместо *див*.

Проведенный сопоставительный анализ в исходном и переводном текстах позволяет утверждать, что переводоведческий аспект изучения имен собственных является важным как для теории и практики перевода, так и для литературной ономастики. Концентрация национально-культурной информации в имени собственном настолько велика, что для адекватного восприятия в художественном тексте в переводном языке передача этой информации составляет неотъемлемое условие переводческого процесса. Без этого невозможна функциональная адекватность исходного текста.

Таким образом, передаче имен собственных с башкирского на английский язык препятствуют два важных обстоятельства: во-первых, значительные расхождения в звуковом строе языков, в том числе различный набор и артикуляторно-акустические качества монофтонгов и дифтонгов и различные нормы обозначения фонем на письме; во-вторых, использование ими различного письма – кириллического и латинского. В русском и английском переводах башкирского эпоса «Урал-батыр» проблемы передачи имен собственных занимают центральное место. Некоторые имена ещё не получили должного перевода, а эквивалентность других вызывает сомнение.

Список литературы

1. Hanning R.W. The uses of names in medieval literature // Names. – 1966, vol.16, №4.
2. <http://www.urbandictionary.com/define.php?term=div> – он-лайн толковый словарь современной английской лексики и сленгов.
3. Lamping D. Der Name in der Erzählung. Zur Poetik des Personennamens. – Bonn: Bouiver, 1983.
4. Maurer W.R. Another view of literary onomastics // Names. – 1963, vol.2, №2.
5. Niva W. “No-names” in literature // Names. – 1964, vol.12, №2.
6. Азнабаев А.М., Псянчин В.Ш. Историческая грамматика башкирского языка. – Уфа, 1983. – 244 с.
7. Башкирское народное творчество: в 3 т. Т.1 : Сказки / сост. М. Мингажетдинов, А.Харисов. Уфа, 1976. 376 с.
8. Башкирско-русский словарь / Башкортса-русса һүзлек. Автор: Отв. ред. З.Г. Ураксин. Издательство: М.: Дигора, Русский язык, 1996. 881 с.
9. Беллинсгаузен Ф. Ф. Двукратные изыскания в Южном Ледовитом океане и плавании вокруг света в продолжении 1819, 20 и 21 годов. Альбом. СПб., 1831.

10. Гиляревский Р.С., Старостин Б.А. Иностранные имена и названия в русском тексте. – М., 1985.
11. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. М.: Изд. Центр «Терра», 1995. – 779 с.
12. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. – М.: Русский язык, 2000.
13. Зайцева К.Б. Английская антропонимика и ее стилистическое использование. – Дисс. канд. филол. наук. – Одесса, 1979.
14. Калашников А.В. Перевод значимых имен собственных : Дис. канд. филол. наук : 10.02.20 : Москва, 2004 – 251 с.
15. Карпенко Ю.А. Имя собственное в художественной литературе // Филол. науки. – 1986. – №4.
16. Койчубаев, Еркебай. Краткий толковый словарь топонимов Казахстана / Е. Койчубаев ; Акад. наук Каз. ССР, Ин-т языкознания. – Алма-Ата : Наука КазССР, 1974. – 275 с.
17. Михайлов В.Н. Специфика собственных имен в художественном тексте // Филол. науки. – 1987. – №6.
18. Мурадалиева, Наила. Отражение азербайджанского национального пейзажа в литературе // Известия Академии наук Азербайджанской ССР.: Серия литературы, языка и искусства. – Издательство Академии наук Азербайджанской ССР, 1991. – № 2.
19. Рецкер Я.И. Теория перевода и переводческая практика: очерки лингвистической теории перевода. – М., 2004.
20. Русско-башкирский словарь: В 2 т. / Под редакцией З.Г. Ураксина. Уфа: Башкирская энциклопедия, 2005. Т. 1. А–О. – 2005. – 808 с.
21. Русско-башкирский словарь: В 2 т. / Под редакцией З.Г. Ураксина. Уфа: Башкирская энциклопедия, 2005. Т. 2. П–Я. – 2005. – 680 с.
22. Словарь русского языка. Ожегов С.И., Н.Ю.Шведова (1949, 22-е издание, 1990; с 1992 – «Толковый словарь русского языка», совместно с Н. Ю. Шведовой).
23. Снесарев Г. П. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. М.: 1969.
24. Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. – М., 1973.
25. Толковый словарь башкирского языка. В двух томах. М.: Рус. яз. – 1993. 1456 с.
26. Урал-батыр. Башкирский народный эпос. – Уфа: Китап, 2005. – 295 стр.
27. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В4-х т. – М.: Прогресс, 1987. Т. 3, Т.4. Этимологический словарь русского языка. Фасмер Макс (онлайн версия) – <http://www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Vasmer-term-17175.htm>
28. Фoniaкова О.И. Имя собственное в художественном тексте. – Л., 1990.
29. Хисамитдинова Ф. Г. Мифологический словарь башкирского языка. М.: Наука, 2010. – 452 с.
30. Шакуров Р.З. Историко-стратиграфическое и ареальное исследование Башкирской топонимии Южного Урала и Предуралья// Дисс. в виде научного доклада д-ра филол. наук. – Уфа, 1998. – 81 с.
31. Шакуров Р.З. Уралтау и Урал батыр// Эпос«Урал-батыр» и мифология: Материалы Всероссийской научной конференции. – Уфа: Гилем, 2003.

ОБРАЗ ЛЕБЕДЯ В ПОЭЗИИ МУКАГАЛИ МАКАТАЕВА

Камарова Н.С.

профессор кафедры казахского языка и литературы, канд. филолог. наук,
доцент, Каспийский государственный университет технологий
и инжиниринга имени Ш. Есенова, Казахстан, г. Актау

Каримсакова Б.А.

доцент кафедры казахского языка и литературы,
канд. филолог. наук, Каспийский государственный университет технологий
и инжиниринга имени Ш. Есенова, Казахстан, г. Актау

В данной статье говорится об использовании образа лебедя в казахской поэзии, раскрыт смысл символов. Лебедь – один из традиционных образов в казахской поэзии. В поэзии М.Макаатаева образ лебедя воспет как символ чистоты и святости.

Ключевые слова: казахская литература, казахская поэзия, Мукагали Макаатаев, образ лебедя.

Лирическое стихотворение не может возникнуть без чувств. Настоящая поэзия – плод мысли и чувств поэта. Иногда, чтобы донести до читателя свои самые сокровенные чувства, автор прибегает к помощи символов, которые превращаются в особый способ познания его души. Особенно это присуще образно мыслящим поэтам. Академик З.Кабдолов пишет: «Символ – это описание предмета или явления не прямым путем, а косвенно, с помощью схожих явлений. Мысли при этом передаются не прямо, а через приятные образные иносказания. Самое главное – символ в искусстве слова придает описываемой действительности красивое воображение, скромный философский подтекст, некую таинственность» [1, с.219].

У каждой национальной литературы есть свои особенности понимания и восприятия природы. Так, в русской поэзии среди других природных явлений, наиболее часто воспеваемых, особо выделяется дерево. Причем береза, ель, калина в русской поэзии – это не просто деревья, это национальные поэтические образы. Кочевой же образ жизни казахского народа очень близок к природе. Для казахского народа, кочевавшего вдоль берегов рек и озер, наиболее близкий образ – это образ птицы лебедя. В представлении кочевников лебедь – священная птица. Лебедь – символ возрождения, чистоты, целомудрия, гордого одиночества, благородства, мудрости, пророческих способностей, поэзии и мужества, совершенства.

Лебедь считается красивой птицей, поэтому красоту девушек у казахов, как правило, сравнивают с красотой лебедя, а любимого человека ласково называют «мой лебедь», «моя лебедушка». В художественных произведениях мы часто можем встретить такие сравнения и устойчивые сочетания, как «аққу құстай кіршіксіз ақ» (безупречно чистая как лебедь), «аққу құстай жарқылдау» (сверкать как лебедь), «аққудай» (как лебедь), «аққудай сылану» (прихорашиваться как лебедь), «аққу құстың мойнындай» (лебединая шея),

«айдынның ерке сұлу аққуындай» (любимица воды – красавица-лебедь), «аққудың мамығындай» (как лебединое перышко), «аққудай тізілу» (выстроиться как лебедь) и др.

Лебедь – один из традиционных поэтических образов в казахской поэзии. Одним из поэтов, понимавших всю мощь человеческой души и обращавших внимание на такие ценные качества человека, которые не способен был увидеть каждый, был Мукагали.

Он оставил нам в наследство, как прекрасный памятник образу лебедя в поэзии, дополняющий и показывающий прелесть природы, свою поэму «Аққулар ұйықтағанда» («Когда спят лебеди»). Эта поэма призвана стать наследием, которое будет передаваться из поколения в поколение. Поэма Макаатаева «Аққулар ұйықтағанда» – это памятник красоте. Образ лебедя здесь представлен многолико.

Расположенное на вершине горы, «подобно каплям дождям на камне», прозрачное, небольшое озеро изнывает от одиночества. Это озеро называется Жетімкөл, что в переводе означает «Озеро-сирота». Сегодня кажется, что «не было того, что было раньше на самом деле» – белокрылых лебедей, плававших когда-то на поверхности озера. Красивое озеро печалится подобно голубым очам голубой горы, устремляющейся ввысь, на которой растут зеленые ели. Прозрачное озеро тоскует по лебедям, которые преображают природу, без которых даже сверкающие лучи солнца теряют свою красоту. Очаровательная природа, красоту которой можно созерцать, но невозможно передать словами, не может восторженно радоваться только по одной причине – нет звона крыльев, взлетающих ранним утром лебедей. Лебединая песня. Песня поэмы. Таким образом, поэт останавливается на мысли, что птица-песня, как символ любви, чистого чувства, занимает особое место в сердце человека, в природе, без этой песни над землей нависает печаль, тоска. Есть народная мудрость, которая гласит «Аққусыз көл жетім» («Сиротой является озеро, в котором нет лебедей»). И озеро Жетімкөл, впитавшее в себя эту мудрость, – сирота. Человек, прочувствовавший это, невольно погружается в печаль.

Настоящий поэт-художник обладает особым даром передачи многообразия красоты природы с помощью лишь нескольких слов. Мукагали с большим мастерством смог передать красоту движений лебедя, умело используя образные выражения в своем произведении. Давайте попытаемся найти ответ на вопрос «Почему мы считаем лебедя символом красоты природы?» в поэтическом мире Мукагали. Мы отметили, что красоту озеру придают лебеди. Как же поэт воспевал красоту лебедя в своих произведениях? Поэт не меняет места, которое может показать нам всю прелесть лебедей. Местом обитания лебедей у Мукагали, также как и у Сакена, является озеро. Время же, которое поэт выбрал, чтобы показать красоту лебедя на озере – раннее утро. В следующих строках поэт говорит о том, что одним из чудес, приносящим радость вместе с рассветом, является лебедь:

*По высоким хребтам разбросаны солнечные лучи,
Рассыпались они и по озеру.
Птица – бела, гладь – бела, озеро – белым-бело,
Белый луч рассыпался на белые лучи.
Озеро с небесами, а небеса с озером сливаются,
И неторопливо пробуждаются красавицы-лебеди. [2, с.61]
(Пер.- Н.К.)*

Стать свидетелем гармонии в природе и воспеть ее в своих стихах способен лишь поэт с открытой душой. Только когда птица, озеро, лучи рассвета покрывают землю – все это превращается в единое целое. Вы заметили, что лучи солнца не распространяются, а излучают свет. Подобно невинному чистому ангелу, похожему на смех младенца, разбросанному по земле словно бусы, раскрывается миру. Разве не становится радостно на душе оттого, что такая гармония устанавливается на земле в раннее утро? Мы преклоняемся перед лебедем, образ которого мы признаем как святую силу, приносящую свет вместе с рассветом.

Как поэт Макатаев смог возвысить образ лебедя до нужного уровня. Для него нет чуждых звуков в природе, он слышит все многообразные звуки. Для поэта, сумевшего оживить пейзаж, лирически показать красоту лебедя с психологической точки зрения, эта птица – не просто символ чистой, нежной любви, она еще и близкий сердцу образ, перед которым он преклоняется.

*Когда звонко хлопали твои крылья,
Душа моя трепетала.
На прерванных ваших путях
Я пожертвовал своей прерванной душой.
Беспорядочно расчерченный гладкой поверхности озера,
Лежат красавицы, которые не могут покинуть тебя, степь.
Почему я не родился лебедем,
Человеком я в себя не помещаюсь [3, с.82]
(Пер.- Н.К.)*

Поэта охватывает разочарование, когда он видит, как гибнут лебеди от рук людей, в его душе остается неизгладимая печаль при виде стаи лебедей, которая в мирное время покидает свои озера и улетает в теплые края. Душа поэта всегда стремится к хорошему, Мукагали, который умеет разговаривать даже с опадающими осенними листьями, признает силу красоты в образе лебедя, обладающего даром дарить людям радость, надежду и забыть небольшие трудности быстротечной жизни. Читая эти строки, мы начинаем понимать желание поэта, с нежной по своей натуре душой, в мгновения радости или в состоянии разочарования и печали, летать так же свободно, размахивая крыльями, как лебедь и устанавливать справедливость на земле. Из этих строк мы видим, что лебедь является источником сил поэта в минуты

его духовных разочарований. Жизнь ценна своими мгновениями радости и печали, которые нахлыывают на человека словно волны. Описывая не только образ, но и печальный голос лебедя, его прекрасный стан, поэт мечтает о ничем не испорченном мире.

Образные выражения в поэзии, в строках поэмы рождаются не из простого стремления красиво высказаться, а из эстетического восприятия чувства образа, образного мышления в познании мира, как поэта-художника. Поэтическим началом, придающим стиху, каждому образу, каждому слову в стихотворном произведении, является глубокое чувство сознания и образного мышления поэта. Чтобы понять особенности языка поэзии, нужно уметь хорошо чувствовать мысли поэта, особенности его художественного мышления, особенности восприятия мира с точки зрения эстетики. Неспроста слово «поэзия» помимо того, что означает «поэму», «стих», оно еще и имеет значение «красота». Поэзия рождается из глубокого нежного чувства. Она означает переживание, биение сердца.

В творчестве Макатаева лебедь – сильный образ. Поэт ставит своей целью акцентировать внимание не на ослепительной природной красоте птицы, а на ее священной силе. Никто из поэтов не смог донести до сознания читателя в художественном стиле, как Мукагали, то, что в основе священной силы птицы лежат те самые качества, которые влияют на сохранение запретов в народном понимании. Поэт смог наполнить образ лебедя мыслью, что с потерей равновесия мира, теряет свою ценность и национальная сущность. С особой пронизательностью познавший магическую силу переоценки этого качества, поэт через образ лебедя пытается оградить человечество от невежества. Лебедь Макатаева – это громадный образ, вобравший в себя всю жизненную философию. Этот образ олицетворяет собой не просто символ любви отдельного человека, в нем собраны в чистом виде милосердие и другие самые лучшие качества человечества.

Символические образы встречаются у всех поэтов. Литературные символы многозначны, то есть каждый человек воспринимает их так, как ему это нравится, и так, как он их лично понимает. Каждый человек время от времени обращается к символам, которые помогают ему не только более четко сформулировать свои мысли, но и провести параллель между различными явлениями.

Список литературы

1. Кабдолов З. Искусство слова. – Алматы: «Қазақ университеті», 1992. – 310 с.
2. Макатаев М. Аманат. Алматы: Атамұра, 1999.
3. Макатаев М. Сердце поет. Алматы: Жазушы, 1989.

МЕТАФОРИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ БИРЖЕВОЙ ЛЕКСИКИ С УЧЕТОМ ОКРУЖАЮЩЕГО КОНТЕКСТА

Коновалова Т.В.

доцент кафедры иностранных языков, канд. филол. наук, доцент
ФГБОУ ВО ВГЛТУ им. Г.Ф. Морозова, Россия, г. Воронеж

Киселева Ю.Ю.

старший преподаватель кафедры иностранных языков
ФГБОУ ВО ВГЛТУ им. Г.Ф. Морозова, Россия, г. Воронеж

Рассматриваются случаи использования авторами ассоциативных метафор в биржевых и финансовых публицистических материалах. Анализируется роль контекста как инструмента понимания глубины смысла узкоспециальной биржевой терминологии за счет метафорической репрезентации.

Ключевые слова: публицистика, метафора, контекст, узкоспециальная терминология.

Публицистика играет особую роль в обществе, отражая не только исторические факты, но и обращаясь к злободневным проблемам, стремясь, при этом, удовлетворить как интеллектуальные, так и эстетические его потребности. В последнее время глобальные перемены в экономической, политической, социальной жизни повлекли существенные изменения, прежде всего, в сфере массовой коммуникации, а именно, в языке публицистики.

Так, обращаясь к области финансов и биржевых операций, мы сталкиваемся с языковыми средствами, свойственными не только научно-экономической, но и бытовой лексике, поскольку публикации рассчитаны и на профессионалов, и на широкую аудиторию читателей.

Как и каждый жанр, публицистика имеет свою специфику. Сообщая о существенных подробностях того или иного события, автор сопровождает информацию своими комментариями. В информационных жанрах, оперирующих цифрами и точными данными, главное – логичность и последовательность. В то же самое время, излагая факты, автор дает их оценку, в которой есть место для домысливания и интуиции.

Именно метафоры, характеристики и другие образные элементы более ярко и красочно передают атмосферу происходящего, так как метафорическое слово или словосочетание понимается только в своем переносном значении и характеризует то или иное явление путем перенесения на него признаков, присущих другому явлению.

Толковый словарь русского языка дает нам следующее определение метафоры: «Метафора – вид тропа, скрытое образное сравнение, уподобление одного предмета, явления другому, а также вообще образное сравнение в разных видах искусств» [2].

Очень часто в биржевых публицистических материалах метафоры основаны на исторически сложившихся образах, либо образах, заимствованных

из классической мировой литературы, отражающей самые различные области жизни человека.

Приведем примеры:

FOOTSIE – Футси – разговорное название Индекса 100 акций Фондового рынка газеты «Файненшл таймс» FTSE-100. [2, с. 356].

CITY – Сити – финансовый район Лондона, в котором расположены головные отделения банков, денежные рынки, валютные рынки, товарные биржи и биржи металлов, компании, действующие на страховом рынке, и офисы представительств иностранных финансовых учреждений [2, с. 348].

Не только в отдельных словах, но и в словосочетаниях вскрывается метафорическое происхождение. Например:

Old Lady of Threadneedle Street – старая леди с Треднидл-стрит – ласковое название Банка Англии, введенное британским политиком и драматургом Р. Шериданом [2, с. 360].

В следующем примере «поведение» на фондовом рынке поясняется поведением на реально существующих рынках во Франции:

Très théorique, et souvent éloignée de la réalité, mais proche des comportements boursiers, cette présentation a au moins le mérite de nous expliquer ce qu`est un marché :

- un lieu de rencontre qui peut avoir une existence physique (les Halles, l`Hotel des Ventes aux enchères, ...).

В данном случае, метафорическое слово: «*les Halles*» – «Французский ночной рынок», и словосочетание: «*l`Hotel des Ventes aux enchères*» – «Отель продаж на аукционах, ...» осознаются и в прямом значении «рынок» и переносном – «ажиотаж» [4].

Образные метафоры, употребляемые авторами, нацелены часто на то, чтобы вызвать отрицательные или положительные реакции читателя на значимые события.

... les autorités boursières ont mis en place le marché unique en octobre 1983. Les sociétés cotées à terme précédemment ont été inscrites au marché à règlement mensuel ou les opérations ne sont pas dénouées immédiatement (sauf cas exceptionnels) ; les autres sociétés restaient cotées sur le marché cote officielle –comptant, ainsi chaque entreprise ne voit ses titres cotes qu`une seule fois. De ce fait, le marché a règlement mensuel est le «gratin» de la Bourse.

Фьючерс как производный инструмент регулируемого рынка находится на более высокой ступени по сравнению с рынком акций и имеет более высокую ликвидность. Автор, подчеркивая этот факт, применяет метафору «*grati* » de la Bourse – «сливки» Биржи.

Удачно используемые в контексте метафоры, точно и образно отражают ту или иную ситуацию на бирже.

В нижеприведенном примере осмысление метафоры, введенной автором в контекст, связано со сравнением «финансовых инструментов на Лондонской Бирже» с «оружием гладиаторов, несущим смерть»:

La Bourse de Londres s`est donc transformée en une véritable arène où les armes des gladiateurs sont des produits financiers! C`est ce que veulent les

autorités britanniques pour obtenir un marché plus efficient, moins couteux, mais comme dans toute arène... il y aura des morts.

Как гладиаторы рискуют своей жизнью на арене, так и люди рискуют своим капиталом на бирже. И там и здесь есть риск потерять все.

Следующий пример демонстрирует интересную метафору, применяемую автором для сравнения второй экономической функции, выполняемой Биржей: быть «Сезамом» по отношению к капиталу предприятий:

La deuxième fonction économique remplie par la Bourse est d'être un «sésame» vis-à-vis du capital des entreprises, considéré tant que la société n'est pas cotée comme étant "fermé" au public.

Акции предприятий на бирже могут расти в цене, как на аукционе, цена может вырасти в несколько раз. Выводя акции на биржу, предприятие обогащается.

Достаточно часто, абстрактный характер ключевых словосочетаний из области биржевой деятельности затрудняет их понимание. В данном случае, восприятие и осмысление узкоспециальной терминологии достигается за счет метафорической репрезентации.

Рассмотрим следующий пример:

Ne peut-on pas penser que la cote officielle est le marché des poids lourds, le second marché celui des poids moyens, et le hors-cote celui des poids plume? Le respect de ces conditions crée ce que certains professionnels commencent à appeler un «un hors-cote d'acclimatisation» ou bien «Le hors-cote: de la salle d'attente aux oubliettes»

Что означают данные метафоры? Д. Девидсон отмечает: «Метафоры означают только то, что означают входящие в них слова, взятые в своем буквальном значении» [1].

Итак, в данном контексте, рассуждая о значительности рынков, автор сравнивает каждый из них с определенным весом: рынок официальной котировки – рынок – тяжеловес, рынок перепродажи ценных бумаг – рынок среднего веса и вторичный рынок – рынок веса пера (т.е. не имеющий практически никакого веса).

И далее, чтобы подчеркнуть свою мысль, автор приводит следующие высказывания профессионалов по поводу последнего рынка: *«un hors-cote d'acclimatisation»* – «вторичный рынок акклиматизации» или *«le hors-cote: de la salle d'attente aux oubliettes»* – «вторичный рынок: подземная тюрьма, «каменный мешок». Окружающий контекст подчеркивает в данных метафорических сравнениях тот факт, что вторичный рынок – практически неликвидный.

Приведенные примеры показывают, что расплывчатость и двойственность, свойственные метафоре, устраняет окружающий контекст. Значение, глубина смысла используемой автором метафоры определяется контекстом, а не привычным определением слова, и, именно, контекстное окружение метафоры позволяет более образно представить, о чем идет речь в каждом конкретном случае.

Список литературы

1. Девидсон Д. Что означают метафоры // Теория метафоры. М., 1990. С. 172.
2. Найман Э. Малая энциклопедия трейдера. М.: Альпина Паблишер, 2002. 378 с.
3. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – 4-е изд. М., 1999. – С.
23. 4. Петровский М. Метафора. Словарь литературных терминов: Т.1. – 1925. <http://feb-web.ru/feb/slt/abc/ltl-4342> (дата обращения 23.01.2016).

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ И МЕЖКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО

Мадина Г.К.

ст. преподаватель кафедры социально-гуманитарных дисциплин, языковой и психологической подготовки, магистр педагогических наук, капитан гражданской защиты, Кокшетауский технический институт Комитета по чрезвычайным ситуациям МВД Республики Казахстан, Казахстан, г. Кокшетау

Маликова А.И.

преподаватель кафедры социально-гуманитарных дисциплин, языковой и психологической подготовки, магистр педагогических наук, лейтенант гражданской защиты, Кокшетауский технический институт Комитета по чрезвычайным ситуациям МВД Республики Казахстан, Казахстан, г. Кокшетау

Данная статья посвящена психологическим и межкультурным особенностям в процессе преподавания русского языка как иностранного в высшем учебном заведении с техническим профилем обучения. Показаны основные характеристики, определяющие особенности речекommunikативной деятельности в ситуациях межкультурного взаимодействия.

Ключевые слова: интегрированный подход, межкультурное взаимодействие, психологические особенности, кросс-культурная ситуация.

В настоящее время перед преподавателями-лингвистами поставлены следующие задачи: речевая активность и ориентация на психологические состояния обучающихся, обучение в сотрудничестве, использование новых технических средств, интегрированный подход в обучении и т.д. В процессе обучения не существует единого подхода преподавания языка как иностранного. По-нашему мнению, необходимо развивать у курсантов новые личностные компетенции, в том числе умения и навыки посредством интеграции развивающихся технологий.

В Послании народу Казахстана «Стратегия «Казахстан-2050»: новый политический курс состоявшегося государства» Президент Республики Казахстан Н.А. Назарбаев поставил перед педагогами задачу о необходимости изменить направленность и акценты учебных планов среднего и высшего образования, включив туда программы по обучению практическим навыкам и получению практической квалификации [7, с. 2].

В данной работе мы попытаемся показать отражение психологических и межкультурных закономерностей в процессе обучения русского языка как иностранного, так как ни в одной другой методике, как отмечает Г.Е. Ведель, нет так много спорного и противоречивого как в методике преподавания второго языка. В качестве примера Г.Е. Ведель указывает следующие проблемы:

- механизмы мышления в первом и втором языках, их возникновение и их функционирование, и роль перевода при этом;
- возрастающий уровень овладения вторым языком: от знаний до способностей, умений, навыков;
- роль механической памяти и возрастных особенностей в усвоении второго языка;
- обучение буквенному и образно-словесному чтению, а также чтению с пониманием и чтению с последующим переводом;
- обучение грамматике по правилам и по моделям предложений, последовательное рассмотрение грамматических явлений на занятиях [1, с. 4].

Процесс обучения есть процесс взаимодействия между преподавателем и обучающимися, так как учение по своей психологической природе представляет собой процесс совместной деятельности преподавателя и обучающихся. Задача преподавателя сводится при этом к управлению познавательной деятельностью обучающихся. Именно познавательная деятельность обучающихся реализуется в процессе обучения, выступает в качестве предмета управления со стороны преподавателя [3, с. 23].

В учебном процессе речь идет, прежде всего, об учебно-познавательной деятельности, включающей в себя предметную деятельность, направленную на развития взаимоотношения с людьми и обществом и на усвоение всего, что накоплено человеком. Активизации учебно-познавательной деятельности способствует, в первую очередь, познавательным интересам обучающихся, которые можно определить как отношение личности к объекту, вызванное сознанием его жизненного значения и его эмоциональной привлекательностью [4, с. 350]. В соответствии с этим важно побуждать обучающегося к овладению сущностью изучаемого.

В основе межкультурного подхода лежит идея о необходимости подготовки, изучающих русский язык как неродной, к эффективному осуществлению межкультурной коммуникации. Существуют многочисленные труды зарубежных исследователей-методистов, в которых разрабатываются идеи межкультурного обучения (Е. Kwakernaak, G. Heinrici, H. J. Krumm, D. Roesler, J. House, F. Schmoe, E. Oksaar, Г.А. Масликова, Н. Г. Соловьева и др.), а также работ отечественных исследователей (А.К. Жукенова, М.В. Тавлуй, Н.Ж. Шаймерденова, О.А. Анищенко и др.).

Межкультурные умения и навыки обозначают:

- способность соотносить свою собственную и иноязычную культуру;
- восприимчивость к различным культурам;
- умение выступать в роли посредника между представителями своей и иноязычной культур и эффективно устранять непонимание и конфликтные ситуации, вызванные межкультурными различиями;

– умение преодолевать сформировавшиеся стереотипы [5, с. 40].

Анализ данной литературы позволяет прийти к выводу о том, что именно межкультурный подход является основным для обучения русскому языку как иностранному курсантов. Это обусловлено тем, что вузовский курс носит профессионально-ориентированный характер, поэтому его задачи должны преимущественно определяться особенностями речекоммуникативной деятельности в ситуациях делового межкультурного взаимодействия. Применительно к деловой культуре необходимо учитывать межкультурные различия, общие черты культур для выбора стиля, стратегий и тактик коммуникации в кросс-культурных деловых ситуациях» [6, с. 96], и соответственно, готовить к этому будущих профессионалов.

Таким образом, обучение с психологической точки зрения психологической представляет собой процесс совместной деятельности преподавателя и обучающихся. В процессе обучения познавательная, когнитивная деятельность обучающихся реализуется в процессе управления со стороны преподавателя. В свою очередь, межкультурный подход основывается на изучении того, как вычлененные в ходе кросс-культурных и социокультурных исследований поведенческие особенности носителей различных культур влияют на взаимодействие индивидов как носителей этих культур [2, с. 198]. Психологические и межкультурные особенности преподавания русского языка как иностранного помимо объективных знаний включают сведения и понимания сходств и различий между культурой родной страны и страны изучаемого языка, а также совокупности личностных факторов и индивидуальностью обучающегося.

Список литературы

1. Ведель Г. Е. Очерк методики преподавания немецкого языка. Воронеж, Изд-во ун-та, 1976. – 218 с.
2. Елизарова Г. В. Формирование межкультурной компетенции студентов в процессе обучения иноязычному общению: дисс. ... д-ра пед. наук. СПб., 2001. – 371 с.
3. Есипович К. Б. Управление познавательной деятельностью учащихся при изучении иностранных языков в средней школе. М: Просвещение, 1988. – 190 с.
4. Ковалев А. Г. Личность и ее направленность//Психология. М., Изд-во «Просвещение», 1966. С.331-366.
5. Крючкова Л.С. Практическая методика обучения русскому языку как иностранному: учеб. пособие / Л.С. Крючкова., Н.В. Мощинская – 3-е изд. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2012. 480 с. – (Русский язык как иностранный).
6. Плужник И. Л. Формирование межкультурной коммуникативной компетенции студентов гуманитарного профиля в процессе профессиональной подготовки: дисс. ... д-ра пед. наук. Тюмень, 2003. – 335 с.
7. Послание Президента Республики Казахстан Н. А. Назарбаева народу Казахстана «Стратегия «Казахстан-2050»: новый политический курс состоявшегося государства» // http://www.akorda.kz/ru/page/page_poslanie.

КОНЦЕПТОСФЕРЫ «ПРИРОДНЫЕ ЯВЛЕНИЯ» И «NATURAL PHENOMENA» В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Маковская Н.В.

магистрант, Северный (Арктический) федеральный университет
им. М.В. Ломоносова, Россия, г. Архангельск

В настоящей статье рассматриваются понятия *концепт* и *концептосфера*, обосновывается необходимость изучения концептосфер «ПРИРОДНЫЕ ЯВЛЕНИЯ» и «NATURAL PHENOMENA» в русском и английском языках. Также в статье представлены результаты сопоставительного анализа фрагментов исследуемых концептосфер, представленных концептами «Гром», «Молния», «Гроза» и «Thunder», «Lightning», «Thunderstorm».

Ключевые слова: концепт, концептосфера, концептуализация, концептуальный анализ.

Когнитивная лингвистика ввиду своего междисциплинарного характера является весьма актуальным на сегодняшний день направлением. Благодаря науке стало возможным изучение познавательных процессов, концептуализации полученных знаний через отражение результатов данных процессов в языке.

С.А. Аскольдов выделяет три направления в понимании того, что такое концепт. Одно направление заключается в отрицании существования концептов как чисто умственных образований. Согласно данной точке зрения концепт есть не что иное, как объективное бытие, или общность, находящаяся в основе идеальной структуры мира. Такую общность можно обнаружить лишь с помощью интуиции. Однако эта теория не объясняет существование концептов, выражающих субъективную точку зрения человека на предметы и различного рода ошибки деятельности человеческого мозга. Сторонники номинализма отрицают общность существующих концептов, утверждая, что концепты индивидуальны. Такие индивидуальные представления обладают общей значимостью только в некоторых чертах и признаках. В данной теории наблюдается противоречие: общая значимость подразумевает общность. Согласно третьему направлению – концептуализму – концепты существуют в человеческом уме и являются загадочными по своей природе [2, с. 268-269]. Этой точки зрения придерживаются и другие ученые, например, Ю.С. Степанов, который считает, что концепты – это «сгустки культурной среды в сознании человека» [15, с. 40].

Процесс, в ходе которого в сознании человека формируются концепты, называется концептуализацией [9, с. 121]. В результате концептуализации и категоризации человек замещает в своем сознании явления окружающей действительности концептами. Структуру концепта образуют ядро, или основные отличительные признаки концепта, и периферия, или дополнительные признаки, представляющие собой результат осмысления человеком ядерного содержания [11, с. 233].

Концепты включают в себя не только лексические единицы, но и весь невысказанный объем информации, о котором реципиент догадывается самостоятельно. В процессе коммуникации человек говорит намеками и достигает поставленной цели, если слушатель понял подразумеваемый подтекст [13, с. 302].

Важными характеристиками концепта являются его многогранность, сложность, внутренняя расчлененность, пространственно-временная неоднородность [3, с. 25]. Потенциальную природу концепта, его разносторонность можно определить с помощью таких понятий, как динамичность и символизм [14, с. 142]. Вызывая различные ассоциации, контекст определяет выделенность тех или иных доменов в содержании концепта, делая концепт и концептуальное пространство динамичными [10, с. 80].

По мнению Е.Е. Стефанского, все концепты постоянно обладают национальной спецификой, даже если средства их вербализации имеют эквивалентные переводы в словарях. Так, среди работ А. Вежбицкой есть исследования различий между концептами «Печаль», «Грусть» и «Sadness», «Друг» и «Friend» [16, с. 17].

Концепты представляют собой ментальные сущности, в виде которых информация хранится в сознании человека. Концепты неоднородны по своему составу, динамичны, вездесущи. Они пронизывают всю систему языка и в то же время способны заменять целый ряд родственных предметов или явлений. Концепты ввиду своей многогранности и непосредственной связи с культурой этноса являются весьма интересным объектом для исследований.

Обратимся к термину «концептосфера». Это, прежде всего, совокупность концептов, объединяемых общими признаками, будь то тематика, этническая принадлежность носителей языка, индивидуальность, ассоциативная связь с группой текстов или конкретный автор. Е.Е. Стефанский сравнивает концептосферу языка с мозаикой, каждая деталь которой, в сущности, представляет собой концепт определенной культуры [16, с. 16]. Строение концептосферы, как и концепта, можно представить в виде поля, основными компонентами которого, являются ядро и периферия [12, с. 138].

Лингвисты нередко сопоставляют разнообразные национальные концептосферы, такой анализ позволяет выявить национально-культурные особенности той или иной концептосферы [13, с. 302]. Большой интерес вызывает поиск концептуальных лакун и безэквивалентных концептов и выявление национальных различий в концептуализации сходных явлений сознанием разных народов [8, с. 25-27].

Природа является неотъемлемой частью жизни человека, и поэтому с давних пор в картине мира, представленной как в русском, так и в английском языках, значительное место отведено представлениям о природе и природных явлениях. Окружающая среда во всей своей совокупности определяет условия существования общества, является источником не только необходимых ресурсов, но и различных опасностей и угроз для жизни и хозяйства [6, с. 965]. Отсюда видно, что изучение данного тематического пласта концептов имеет большое значение для более глубокого понимания образа мышления

человека и процесса концептуализации действительности. Рассмотрение концептосфер «ПРИРОДНЫЕ ЯВЛЕНИЯ» и «NATURAL PHENOMENA» демонстрирует то, как тесно окружающая среда и сознание человека связаны между собой.

Лексические средства, номинирующие различные элементы природы составляют самый древний пласт языка. Поэтому рассматриваемая область лексики испокон веков хранит представления и знания об окружающем мире. Многие ученые отмечают, что необходимо изучать отражение природы в языке и, в частности, в мифологии и фольклоре. Среди сторонников данного направления в концептуальных исследованиях следует отметить А.Н. Афанасьева, И.И. Срезневского, Ф.И. Буслаева, А.Н. Веселовского, И.М. Снегирева, А.А. Потебню и др. [17, с. 688-689].

Известно, что в давние времена человеку были свойственны мифологические представления о природе. Затем мифы нашли свое воплощение в языке и существуют в нем по сей день [5, с. 395-396]. Так, во времена язычества считалось, что капли росы – это слезы богини Зари. Кроме того роса фигурирует в различных магических обрядах, заговорах и ритуалах, существующих в крестьянском обществе. В.П. Васильев приводит разнообразные примеры антропоориентированных номинаций, содержащих метеоним *роса*, и заключает, что в отношениях «человек-роса» прослеживается целый ряд направленностей. Например, если обратиться к категории «природа в человеке», то можно обнаружить различные проявления человека, зафиксированные в таких номинациях, как *маковой росинки не выпросишь*, что означает «очень жадный». Отношения, входящие в рассматриваемую категорию, охватывают широкий спектр элементов жизни отдельного человека и общества в целом. Антропоориентированные номинации с метеонимом *роса* затрагивают сельскохозяйственную и производственную деятельность, быт, праздники и традиции, а также физическое и психоэмоциональное состояние человека [4, с. 64-65].

Человек постигает мир путем членения действительности на элементы и выделения среди них актуальных, а затем он мыслит этими фрагментами и при описании мира наделяет его своими чертами. Таким образом, концепты нередко приобретают антропоморфные признаки. Например, Е.Е. Пименова утверждает, что антропоморфизм неба выражается в присвоенных данному концепту признаках витального, соматического, ментального, перцептивного, эмоционального плана, а также признаков волеизъявления и характера, которые присущи человеку и сверхъестественным существам [7, с. 541-542]. Антропоморфизм является благодатной почвой для создания метафор, сравнений, олицетворений и других средств художественной выразительности. Природные стихии нередко оказываются незаменимыми помощниками писателей и поэтов при описании чувств героев их произведений, и помимо того могут быть использованы для олицетворения социальных явлений. В качестве примера можно привести образ метели, ставшей символом революции в романе Б.Л. Пастернака «Доктор Живаго» [1, с. 56-57].

Изучение концептосфер «ПРИРОДНЫЕ ЯВЛЕНИЯ» и «NATURAL PHENOMENA» способствует более глубокому пониманию национальной культуры и, следовательно, ее представителей. Поэтому рассмотрим фрагменты концептосфер «ПРИРОДНЫЕ ЯВЛЕНИЯ» и «NATURAL PHENOMENA», находящие свое выражение в концептах «Гром», «Молния», «Гроза» и «Thunder», «Lightning», «Thunderstorm». Представленные в данной статье результаты были получены в ходе концептуального анализа исследуемых фрагментов концептосфер, выполненного по следующему алгоритму. На первом этапе были выявлены концептуальные признаки концептов на основе словарных дефиниций их ключевых номинаций. На втором этапе были разобраны синонимические ряды ключевых номинаций концептов. Затем производился анализ пословиц, поговорок, фразеологизмов с целью обнаружить дополнительные когнитивные признаки исследуемых концептов. Четвертый этап представлял собой анализ частотности ключевых номинаций, а также связи выбранных для исследования концептов с мифологией. После этого были смоделированы концепты и представлены в виде полевой структуры. Объединив все данные, полученные в ходе предыдущих этапов анализа, на шестом этапе, сравнивались фрагменты русской концептосферы «ПРИРОДНЫЕ ЯВЛЕНИЯ» и английской концептосферы «NATURAL PHENOMENA».

Если начать с сопоставления концептов «Гроза» и «Thunderstorm», то важно отметить, что в ядре концепта «Thunderstorm» находится больше концептуальных признаков, связанных с явлениями, нередко приводящими к стихийным бедствиям («flood», «tornado»), что может быть обусловлено географическим положением. Кроме того, в состав периферии этого концепта входят такие признаки *хаотичности*, как «turmoil», «chaos». Другое отличие заключается в том, что концепту «Гроза» свойственны следующие признаки, описывающие образ человека: «мужественный», «величественный», «повелительный», «строгий», «жестокий». Также на периферии концепта находятся признаки, которые указывают на большое количество чего-либо («много», «давно», «долго»), внезапность («потрясение»), неприятное событие или беду («напасть», «невзгода»).

Концепт «Гром» опять же связан с несчастьем, испытанием («беда», «неприятность», «испытание»), но в то же время в его составе присутствуют признаки, передающие значение громкого веселья во время праздника («веселье», «празднество», «крики», «пение»). Интересно и то, что подчеркивается вездесущность и смертоносная сила этого природного явления («смертоносный», «вездесущий», «от него не спрятаться»). В ряде случаев концепт «Гром» оказывается непосредственно связанным с нередко встречающейся особенностью менталитета русских – предпринимать действия в последний момент («последний момент», «вынуждающий принять меры»). Концепт «Thunder» отличает наличие признаков, объединенных семами *власть*, *сила* («force», «authority»,). Здесь же имеются признаки, указывающие на впечатляющую мощь грома («strongly impressive», «terrifying») или сравнивающие это явление с барабанной дробью («tattoos», «drumbeat»).

В составе концепта «Молния» были выявлены признаки, связанные с негативными человеческими эмоциями – гневом, раздражением («гнев», «крайнее раздражение»). Молния может предвещать начало бури («предвестник бури»). Необходимо подчеркнуть, что часть ядерных признаков концепта, обнаруженных в рядах синонимов к ключевой номинации, представляют собой не что иное, как имена языческих богов, ставших именами нарицательными – это уже упоминавшийся выше Перун, славянский бог грома, молнии и грозовых туч, и почитавшийся древними римлянами Сумман, бог ночных молний и ночной росы. Вероятно, это отличие обусловлено более поздним временем принятия христианства на Руси.

Для концепта «*Lightning*» характерны признаки, отсылающие к такому свойству спиртных напитков, как крепость («strong», «fast»). Помимо этого, в структуре данного концепта можно обнаружить признаки «criticism», «enlightenment». Также присутствует признак, указывающий на невозможность чего-либо («impossible»).

Итак, мы перечислили наиболее яркие отличия рассматриваемых фрагментов концептосфер «ПРИРОДНЫЕ ЯВЛЕНИЯ» и «NATURAL PHENOMENA». Теперь обратимся к сходству между ними. Во-первых, это концептуальные признаки, называющие физические характеристики собственно природных явлений, которые образуют ядро концептов. Например, для концепта «Молния» такими признаками являются «разряд атмосферного электричества», «мгновенный», «искровой», «гигантский», «между облаками», «зигзаг» и т. д., для концепта «*Lightning*» – «bright light», «in the sky», «discharge of electricity between clouds» и т. д. Во-вторых, отчетливо прослеживается связь концептов с народными приметами, которые могут касаться как изменения погодных условий, так и урожайности в сельском хозяйстве. В качестве примера приведем признаки «к урожаю», «предвестник сильных ветров» для концепта «Гром» и признак «brings good weather» для концепта «*Thunder*». Нельзя обойти стороной и отражение мифологических представлений в исследуемых фрагментах концептосфер, доказательство чего можно найти в составе каждого из шести разобранных концептов (например, признаки «кара», «божья милость» в составе концепта «Гроза»; «gods' anger» – в составе концепта «*Thunderstorm*»; «голос богов» – для концепта «Гром»; «gods' voice» – для концепта «*Thunder*»; «перуны» – для концепта «Молния»; «gods' weapon» – для концепта «*Lightning*»).

Очевидны проявления антропоморфизма в языке. Так, говоря о молнии, носитель русского языка может употребить такие выражения как «небесная странница», «огненная гостя». В то же время англоговорящее население в качестве синонимов к слову *thunder* может использовать слова *shout*, *yell*.

Таким образом, в результате исследования фрагментов концептосфер «ПРИРОДНЫЕ ЯВЛЕНИЯ» и «NATURAL PHENOMENA» были выявлены их общие и отличительные черты, в том числе национально специфические.

Список литературы

1. Антипова Е.Н. Концепт «Метель» в русской языковой картине мира // *Lingua Mobilis*. Челябинск: Челябинский государственный университет, 2009. №5 (19). С. 52-59.
2. Аскольдов С.А. Концепт и слово // *Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология / под ред. проф. В.П. Нерознака*. М.: Academia, 1997. С. 267-279.
3. Бронник Л.В. Сложность концепта и эволюция его научной теории // *Вестник Челябинского государственного университета*. Челябинск: Челябинский государственный университет, 2010. № 11 (192). С. 22-26.
4. Васильев В.П. Живые образы метеонима как лексического компонента диалектных высказываний об атмосферном явлении // *Научный диалог*. Екатеринбург: Центр научных и образовательных проектов, 2014. № 12 (36). С. 58-72.
5. Довгополая Е.С. Отражение мифологических представлений о воде в современном немецком языке // *Изменяющаяся Россия и славянский мир: новое в концептуальных исследованиях: сб. статей / Отв. ред. М.В. Пименова*. Севастополь: Рибэст, 2009. С. 395-399.
6. Куреня И.В. Эволюция концептуальных характеристик зеленых массивов в английском языке (на материале древнеанглийского эпоса «Беовульф» и английского псевдоэпического романа XX в. «Сильмариллион» Дж. Толкина) // *Новое в когнитивной лингвистике*. Кемерово: Кемеровский государственный университет, 2006. Вып. 8. С. 965-972.
7. Пименова Е.Е. Антропоморфизм как способ концептуализации неба, небес, himmel и heaven (сопоставительный анализ) // *Новое в когнитивной лингвистике*. Кемерово: Кемеровский государственный университет, 2006. Вып. 8. С. 541-554.
8. Попова З.Д., Стернин И.А. Семантико-когнитивный анализ языка. Воронеж: «Истоки», 2007. 250 с.
9. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. М.: АСТ: Восток – Запад, 2010. 314 с.
10. Прохоров Ю.Е. К проблеме «концепта» и «концептосферы» // *Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов*. М.: МАКС Пресс, 2005. Вып. 30. С. 74-94.
11. Рыкунов Р.Н. Концептосфера эмоций англоязычной культуры // *Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена*. СПб.: Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, 2007. № 40. С. 232-236.
12. Рябцева М.А. Концептосфера английской лингвокультуры 'Усадьба' в динамическом аспекте (на материале романов И. Во «Возвращение в Брайдсхед» и А. Мердок «Дикая роза») // *Филология и человек*. Барнаул: Алтайский государственный университет, 2013. № 1. С. 133-138.
13. Савойская Н.П. Концептосфера как отражение картины мира // *Изменяющаяся Россия и славянский мир: новое в концептуальных исследованиях: сб. статей / Отв. ред. М.В. Пименова*. Севастополь: Рибэст, 2009. С. 299-304.
14. Сорокина А.В. Концепт в системе культуры: философский, культурологический, лингвокогнитивный подходы // *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского*. Нижний Новгород: Издательство Нижегородского госуниверситета, 2011. № 1 (21). С. 142-146.
15. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Школа «Языка русской культуры», 1997. 824 с.
16. Стефанский Е.Е. К методологии изучения языковой концептосферы (на примере эмоциональных концептов в славянских языках) // *Московский лингвистический журнал*. М.: Издательский центр Российского государственного гуманитарного университета, 2006. Т. 9. № 1. С. 16-28.
17. Фаттахова Н.Н. Вербализация наивной метеорологии в народных приметах. Концептуальные и семантико-грамматические исследования: сборник научных статей. Москва: Институт языкознания РАН, 2011. Вып.11 С. 688-696.

«МИР ВВЕРХ ТОРМАШКАМИ»: КОМИЧЕСКИЕ ИЕРАРХИИ КАРОЛИНГСКОГО ВРЕМЕНИ

Ненарокова М.Р.

старший научный сотрудник Отдела классических литератур запада и сравнительного литературоведения, д-р филологических наук,
Институт мировой литературы им. А.М. Горького (ИМЛИ) РАН,
Россия, г. Москва

Статья посвящена понятию «иерархия» в раннесредневековом богословии и в поэзии эпохи Каролингов. Описание Небесной Иерархии принадлежит св.Дионисию Ареопагиту. Идеи Св.Дионисия пересказывались многими раннесредневековыми богословами. В эпоху Каролингов они стали известны во Франкии благодаря переводу сочинений Ареопагита на латынь. Иерархия существ, населяющих вселенную, сложна и многообразна, но устойчива. Связующим звеном между иерархиями видимого и невидимого мира является человек. Любое нарушение иерархии значимо. В поэзии каролингского времени оно становится художественным средством, помогающим достигнуть юмористического эффекта. Поэты каролингского времени Теодульф, Седулий Скотт, Хуквальд Сент-Амандский создали шуточные стихотворения, основанные на нарушении иерархии.

Ключевые слова: средневековая латинская поэзия, эпоха Каролингов, иерархия, юмор, эклога.

Устройство мира, «порядок прекрасной вселенной» [12, 75, 665B-D] весьма интересовала образованных людей эпохи Каролингов. Хотя произведения Дионисия Ареопагита переводились на протяжении IX века дважды (Хильдуином, настоятелем монастыря Сен-Дени в 835 г. и Иоанном Скоттом Эригеной в первой пол. 860-ых гг.), современники Карла Великого и его преемников получали представление об иерархическом устройстве вселенной также и из богословских произведений, широко известных читающей аудитории, начиная с трактатов Оригена и Блаж.Августина [2, сс.116, 119].

1. Представления об иерархии в богословских трактатах.

Греческое слово «иерархия», в отличие от латинского «порядка», нуждалось в толковании, и Хильдуин, как добросовестный переводчик, должно быть, думал, как объяснить иноязычное заимствование посредством известных его читателям понятий. Во всяком случае, в «Страдании святейшего Дионисия» «иерархия» объясняется им как «священное первенство/священноначалие» [12, 106, 29B]. В восприятии Хильдуина построение иерархии начинается с ее верхней ступени: он считает, что, рассказывая об иерархии небесных чинов, нужно начинать с того, «кто согласно иерархии поставлен впереди» [12, 106, 29B], а «иерархами» считаются «священные главы/начальники» [12, 106, 29C]. В этом с Хильдуином согласны и другие каролингские богословы. Так, Алкуин, перечисляя «чины небесного воинства» [12, 101, 1109B], сообщает, что их Главой является Сам Господь, «ибо все [они] у Него под началом» [12, 101, 1109B]. Мнение Смарагда Сен-Мишельского об отправных точках иерархии вселенной таково: «Начало со-

творенного: разумные ангелы на небесах, на земле Адам, в Церкви Ветхого Завета патриархи, в Церкви, Кровью Христовой искупленной, – апостолы» [12, 102, 295В].

Как уже говорилось выше, идеи Дионисия Ареопагита, «древнего и досточтимого отца» [12, 76, 1254В], доходили до каролингской аудитории в пересказе других богословов, например, через сочинения свт. Григория Великого. Читатели «Толкований на книгу Иова» могли узнать об отношениях внутри иерархии невидимых существ следующее: «...иначе говорит Бог с ангелами, иначе ангелы с Богом; иначе Бог – с душами святых, иначе души святых с Богом; иначе Бог – с диаволом, иначе диавол – с Богом» [12, 75. 559В]. Из слов Свт.Григория следует, что собеседники располагаются в строгом порядке по вертикали, вершина которой – Бог; далее помещаются ангелы, затем души святых (то есть люди), а в самом низу диавол. Порядок расположения невидимых существ в иерархии определен Господом, «различающим заслуги ангелов» [75, 1113А]: Он «определил, что одни в вечном свете без греха пребывают, а других, по своей воле отпавших от состояния своей высоты, вверг в наказание вечного проклятия» [75, 1113А].

Если свт.Григорий говорил об иерархии, состоящей из четырех степеней (Бог – ангелы – души святых, то есть люди – диавол), то знаменитый богослов каролингской эпохи Храбан Мавр выразил эту же мысль, исходя из «четырёх мест» Вселенной, «в которых обитают одаренные разумом существа, то есть небесное, земное, преисподнее и наднебесное» [12, 107, 157А].

Вместе со святыми отцами читатели могут духовным взором созерцать иерархическое строение мира. Символом иерархии во вселенной вообще, а также в Церкви [12, 252D-253А; 94, 95В; 107, 592А] становится лестница, которую в пророческом сне видел праотец Иаков (Быт 28:12-13), притом что местом, где находятся созерцающие, является земля. Движение внутри иерархии возможно. Так, свт.Григорий Великий пишет: «Восходят ангелы в том, что Творца созерцают. Нисходят ангелы в том, что творение, само себя поднимающее в недозволенных [деяниях], испытанием суровости подавляют» [12, 75, 559С], однако сама иерархия остается незыблемой.

Если обратиться к тем творениям Божиим, которые составляют мировую иерархию, то и тут обнаруживается, что «порядок» их расположения во вселенной установлен раз и навсегда и не меняется: «От вещей бесчувственных узнаем то, что постигаем об одаренных чувствами и мыслящих. Ибо земля оплодотворяется воздухом, воздух же происходит от природы неба. Так, животным предводительствуют люди, людям ангелы, ангелам же архангелы» [12, 75, 665В-С]. Описание Небесной Иерархии, как воинства, состоящего из девяти чинов ангельских, которое было сделано Дионисием Ареопагитом, повторяется многими авторами, начиная со свт.Григория Великого [12, 76, 665С; 92, 825В; 101, 1109В; 108, 1020D].

Связующим звеном между иерархиями видимого и невидимого мира является человек: согласно свт.Григорию, «человек имеет нечто от всего сотворенного. Общее имеет с камнями то, что существует, с деревьями, – что живет, с животными, – что чувствует, с ангелами, что мыслит» [12, 76,

1214В]. Несколько иначе, сосредоточившись на качествах человека, эту же мысль выразил Алкуин: «...если станут спрашивать, каков человек, говорим: животное разумное и смертное. Ибо этими двумя качествами он отличается от всех других живых существ. В том, что он называется разумным, отделяется от всех, не пользующихся разумом. Когда говорится «смертный», то этим он отличается от ангелов. Ибо ангелы разумны и бессмертны, прочие же живые существа смертны, но не разумны. Человек же один состоит из двух качеств; одно имея общее с ангелами, другое с прочими живыми существами. О удивительное животное! одной частью небесное и другой земное!» [12, 101, 953 C-D]. Человек соединяет собою два мира и устраивает подчиненный ему земной мир по законам мира небесного, заимствуя его законы и обычаи «для пользы нашего [то есть земного – М.Н.] образа жизни» [12, 76, 1252С]. Воздействие небесных обычаев не может не сказаться в жизни людей: «образ жизни отдельных людей соответствует чинам [ангельских] полков, и [после смерти] эти люди предназначаются для их чина чрез подобие образа жизни» [12, 76, 1252С].

Иерархия существ, населяющих вселенную, сложна и многообразна, но устойчива. Ее «великий...порядок» [12, 77, 786А] зиждется на любви и почтении: «... прозорливость Божественного управления установила, чтобы существовали различные степени и чины, чтобы в то время как меньшие выказывали почтение более могущественным и более могущественные к меньшим проявляли любовь, при помощи согласия из несходства сделалась бы единая сплоченность, и надлежащим образом совершалось бы исполнение отдельных служений» [12, 77, 785D-786А]. Именно такую иерархию со своего места во вселенной созерцает «род человеческий» [12, 76, 1252В -1252С], именно такова она в представлениях людей эпохи Каролингов.

2. Представления об иерархии и риторика (составление похвалы).

Любое отклонение от представлений об иерархии сотворенного, принятых в обществе, становится заметным и получает определенную смысловую нагрузку, в том числе, может создавать и комический эффект. Поэты каролингского времени создавали не только эпические, произведения, панегирики, стихотворные молитвы, эклоги, они сочиняли и шуточные стихи. Одним из приемов, которые, вероятно, забавляли читателей, было изменение «порядка», нарушение иерархии, когда наименее важные с духовной точки зрения детали вдруг выходили на первый план.

Выше уже было отмечено, что вершина иерархии, в представлении средневекового человека, в частности человека Каролингского времени, есть Бог, и чем ближе к ее вершине находится некое понятие, вещь или существо, тем ближе оно к Богу и тем более ценно в духовном отношении. Подобный взгляд отразился, например, в порядке упоминания личностных качеств героя, которые перечислялись, когда необходимо было составить похвалу святому. Примером может послужить описание одного из героев «Жизнеописания пяти отцов настоятелей Веармута и Ярроу», составленного Бедой Досточтимым, входящим в число наиболее читаемых авторов эпохи Каролингов.

Согласно правилам античной риторики, частью похвальной речи являлась характеристика «со стороны тела и духа» [3, 168], а «сила и благородная внешность» [3, 168], по мнению античных риториков, были неразрывно связаны между собою. В своем «Жизнеописании» Беда творчески подошел к созданию портрета одного из своих героев, оставив «силу» как полезное качество героя в начале перечня его достоинств, а «благородную внешность» удалив в конец [12, 94, 720]. С точки зрения средневекового христианина, к тому же монаха, физическая сила помогает герою выполнять порученные ему в монастыре работы, то есть совершенствоваться в послушании, одной из важнейших монашеских добродетелей. Внешность героя не имеет никакого значения для его духовного роста и потому упоминается последней.

Приведенный пример показывает, сколь значимо могло быть изменение привычного порядка в агиографических или исторических сочинениях, рассчитанных не на увеселение читателя, а на его просвещение и воспитание. В некоторых произведениях каролингского времени оно становится художественным средством, помогающим достигнуть юмористического эффекта. Сохранилось несколько стихотворений, написанных в эпоху Каролингов, которые можно было бы считать написанными для забавы, развлечения, ибо в них, по выражению Валафрида Страба, поэта середины IX в., содержится «важное... с примешанными шутками» [12, 114, 1098].

Из стихотворений подобного рода, читавшихся при дворе Карла Великого, дошло одно – шуточная эклога Теодульфа «К королю Карлу» [12, 105, 315-322], датирующаяся 796 г.

Сам Теодульф прекрасно отдавал себе отчет в том, что он писал эклогу «для забавы»: она полна «хвалой и шуткой вместе» [12, 105, 315C].

В Теодульфовской эклоге нет неожиданных поворотов сюжета, неожиданное проявляется на уровне деталей. Как известно, качества человека, которого надо было прославить, делились на три группы; сначала следовало говорить о «внешних благах», то есть о происхождении и семье, образовании, друзьях богатстве, детях; затем идут «телесные блага», среди которых достоинства внешности занимают предпоследнее место; заканчивается хвалебная речь описанием «деяний и добродетелей» героя [16, 50]. В ряду качеств «тела», за которые можно хвалить человека, Беда ставил внешность, наиболее подверженную изменениям характеристику портрета героя, на последнее место. Теодульф же сосредоточивается даже не на общем впечатлении от облика короля, а на деталях, в первую очередь, на лице: «О лицо, лицо, более сияющее, чем трижды плавленное золото,/Счастлив тот, кто может всегда находиться рядом с тобой!» [12, 105, 315D]. Читатель вместе с поэтом как бы переводит взгляд с одной детали внешности короля на другую: «чело» [12, 105, 315D], «прекрасная голова, подбородок, ... красивая шея» [12, 105, 315D]. Восхваляя внешность Карла, поэт отдельно говорит о его руках: «И чудесные/золотые руки, которые уничтожают бедность» [12, 105, 315D], где «aureolus» означает, с одной стороны, «прелестный, чудесный, дорогой, милый», так как речь идет о красоте короля, с другой же, в одном контексте с существительным «pauperies» – «бедность» актуализируется начальное значение

этого прилагательного «золотой, сделанный из золота». Руки правителя производят на поэта впечатление и красотой, и щедростью. Портрет Карла заканчивается строкой: «Грудь, голени, ступни, у него все нельзя не похвалить» [12, 105, 316D]. Мудрость («Нет никого выше тебя, искусная рассудительность которого/ Все слышит, и, думаю, ей нет никакого конца» [12, 105, 316D]) и щедрость («Страж богатств ты, защитник от преступлений, щедрый раздаятель почестей» [12, 105, 316D]) правителя ставятся ниже достоинств его внешности. Военные успехи [12, 105, 317D], а в эпоху Каролингов король прежде всего военачальник, защитник своей земли, помещаются на последнем месте в ряду «деяний и добродетелей».

Восхваление Карла построено по узнаваемой, но несколько необычной для восхваления правителя модели: так описан «друг» (Песнь Песней 5:16), «возлюбленный» (Песнь Песней 1:12 и т.д.) из «Песни Песней», по всей видимости, красивый юноша (Песнь Песней 5: 10-16), скорее пастух (Песнь Песней 6:1-2), чем мудрец или воин, тогда как правитель в текстах каролингского времени, например, в трактате Седулия Скотта «О христианских правителях», в первую очередь описывается как благочестивый человек, защищающий врученное ему Богом царство и любящий справедливость [12, 103, 297D-298A]. В описании внешности сохраняется установленный порядок: взгляд читателя перемещается с головы до ног героя, однако сама модель описания подсказывает изменение «порядка»: зрелость и юность меняются местами.

По такому же принципу перемены «верха» и «низа» в иерархии качеств персонажей построена общая похвала дочерям Карла, начинающаяся с упоминания нарядов, последней в ряду достоинств идет вера: поэт обращается «К собранию дев, которого нет другого прекраснее,/ Платьем, осанкой, красотой, телом, сердцем, верой» [12, 105, 318].

Говоря о Риккульфе, приближенном Карла, поэт также вносит изменения в иерархию личностных качеств. На первый взгляд, он создает образ в высшей степени достойного человека: он «голосом могучий, пониманием бодрствующий, речью образованный,/... благородный искусством, верой» [12, 105, 320]. Однако и в этом описании на первое место выходит наиболее неустойчивая черта – голос, звук, а на последнем месте оказывается вера, у того же Седулия Скотта начинающая список добродетелей любого властвующего мужа. Поэтому вовсе не кажется неожиданным замечание Теодульфа, что его герой откуда угодно возвращается «не с пустыми руками» [12, 105, 320], оно наводит на мысль, что за идеальным фасадом могут скрываться стяжание и алчность.

Изменение порядка в перечне достоинств героя не является единственным художественным средством, к которому прибегает Теодульф, создавая свою шуточную эклогу, однако роль его значительна: оно позволяет вызвать скорее улыбку, чем громкий смех, не высмеять героя произведения, а, умеряя лесть тонким юмором, подчеркнуть его несомненные достоинства, и потому не оскорбительно для адресата.

3. О пиве.

Среди сочинений, вызывавших интерес читательской аудитории каролингского времени, был трактат Боэция «Об утешении философией». Этот трактат был известен уже Алкуину [11, 31], а к середине IX в. некоторые идеи, выраженные Боэцием, распространились настолько, что пересказывались в литературе того времени. Вот как изложена идея неустойчивости судьбы, «колеса фортуны», в трактате Седулия Скотта «О христианских правителях»: «Мудрецы рассудили, что кратковременное царство века сего совершенно похоже на кружение быстрого колеса. Ибо как кружение всякого колеса низвергает то, что только что имеет наверху, и подымает вверх то, что только что низвержено, так слава земного Царства внезапно порождает возношения и низвержения...» [12, 103, 297А]. Как видно из приведенной цитаты, «колесо фортуны» связывается с постоянной и неожиданной переменой «верха» и «низа» в земной иерархии: представление об устойчивости миропорядка начало меняться. Это изменение в первую очередь отразилось в шуточной поэзии середины IX в.

Седулий Скотт, ирландский грамматик, богослов и поэт, в середине IX в. жил в ирландской колонии Льежа. Поскольку благополучие ученых ирландцев зависело на чужбине от благоволения их покровителя, адресатом творчества Седулия был епископ Хартгарий. К нему были обращены как панегирики, так и шуточные стихи. В одном из шуточных посланий [15, 177-178] Седулий обращается к Хартгарию с просьбой о помощи, рассказывая о бедственном положении ирландцев, страдающих от голода и жажды, причем именно жажда у Седулия выходит на первый план. Поэт рассказывает о положении ирландцев: «пребогатое изобилие вещей» [15, 177] им недоступно, их гнетет «ужасная бедность» [15, 177]. Содержание этого понятия раскрывается Седулием при помощи группы слов с общим значением «вино и напитки». Поэт пользуется анафорой, чтобы достичь эмоционального напряжения: он трижды начинает предложение с фразы: «Нас не улаждает/ют...» [15, 177], создавая ритм, связывающий этот фрагмент стихотворения воедино.

Жажда, мучающая ирландских мудрецов, происходит от недостатка в напитках. Пользуясь таким художественным средством, как градация, Седулий выстраивает иерархию напитков, которую можно оценить двояко, смотря по тому, какая культурная традиция имеется в виду. Если читатель обращается к античной культурной традиции, то градация оказывается нисходящей: «вино» – «медовуха» – «пиво», где благородное вино занимает верхнюю позицию, а плебейское пиво – нижнюю.

В эклогах Вергилия, на которые ориентировался Седулий Скотт, вино часто упоминается в положительном контексте, символизируя радость, праздник, отдых. Для обозначения вина и пива поэт пользуется метафорами, тогда как медовуху [12, 177] он называет ее собственным именем. Вино метафорически описывается как «сладкотекущие дары Лиэя» [15, 177]. В текстах современников Седулия Бахус обычно упоминается как Лиэй, но сочетание «дары Лиэя» встречается только у Валахфрида Страба [12,

114, 1123]. В раннесредневековой Ирландии греческий язык знали, поэтому можно предположить, что Седулий обыгрывает значение греческого эпитета античного бога вина: «освобождающий от забот», «утешающий» [6, 354]. Ирландцы, обращающиеся к епископу, жалуются на «ужасную бедность», и употребление именно этого эпитета в метафоре вкупе с отрицанием могло подчеркивать отсутствие утешения в заботах и безысходность положения просителей. В словосочетании «медоточный... мед» [15, 177] существительное «medus», заимствование из германских языков, имеет значение «мед, медовуха, напиток из меда и воды», аналогичный англосаксонскому «medu» [5]. Названия третьего напитка – пива, или эля, – поэт не дает, но приводит достаточно деталей, чтобы Хартгарий мог понять, в чем все-таки нуждается его ирландская паства. Поскольку буколическая традиция не предполагает среди напитков, которые доступны героям эклога, такого простонародного питья, как пиво, Седулию пришлось выдумывать метафоры для описания пива, в то время как поэтическая традиция могла предложить широкий выбор художественных средств для описания вина.

Если же обратиться к значению этих трех напитков в других традициях, а именно: в кельтской и германской, а также учитывать реалии европейской повседневности в Средние века, то картина оказывается прямо противоположной. Перед читателем выстраивается восходящая градация. Медовуха, как кажется, служила англосаксам аналогом вина и была праздничным напитком. Так, в «Житии св.Дунстана» на пиру королю и его свите подают медовуху [12, 139, 1433]. В англосаксонском поэтическом языке бытуют такие существительные, как «meduaern», «meduheall» – «пиршественный зал, где пьют мед», «medustig» – «тропа к пиршественному залу, букв. медовая», «meduburg» – «праздничный, букв. медовый город» [5].

Если в античном мире считалось, что пиво пили лишь варвары – скифы и германцы [4, 428], то в христианской Европе оно стало обычным, повседневным напитком. У кельтов же пиво было священным. Так, Тара, сакральный центр Ирландии, называется «пивным домом» или «пивной оградой» [1, 131, 132]. Если с точки зрения античной традиции градация, выстроенная Седулием, была нисходящей, то, согласно народным представлениям кельтов, эта же градация могла пониматься как восходящая. Поэтому метафоры, которые создает Седулий для описания пива, должны были вызывать целый букет ассоциаций: «в котелках дважды сваренная Моса» [15, 177] и «золотовласой Цереры сладкая на вкус милость» [15, 177]. Первая метафора относится к технологии производства и составу пива, но может заключать в себе воспоминание о волшебном котле кельтской мифологии, связанном с поэзией и знанием, а также производящем золото, серебро, пищу и даже возвращающем людей к жизни [1, 57], тем более что Седулий ниже обвиняет дурное пиво в том, что оно отрицательно воздействует на «искусства/науки/навыки» [15, 177] просителей. Вторая метафора сочетает в себе одновременно и метафорическое наименование хлеба, и имя античной богини Цереры (*Ceres*) и указывает на цвет напитка – золотистый (*flavicom* ‘золотовласая’). Связывая пиво с именем античной богини, Седулий уравнивает

его с «дарами Лиэя»: оба напитка имеют божественное происхождение. Здесь «верх» иерархии зависит от изменения точки зрения, как и в случае «колеса фортуны», то, что было низким, внезапно может оказаться священным.

4. О баранах.

Шуточная поэзия знает изменение порядка и внутри иерархии. Как упоминалось выше, неживая и живая природа, видимый и невидимый мир представляют собой некую лестницу, идущую от земли к небу. На каждой ступени этой лестницы помещаются определенные существа, и те, которые находятся выше, имеют власть над теми, кто стоит на нижних ступенях: так, животные подчиняются человеку и не могут равняться с ним, поскольку «неразумные ... животные существуют, живут, чувствуют, но не различают [добра и зла]» [12, 76, 1214В]. В шуточной поэзии на первый план выходят существа, которые прежде практически не воспринимались, как отдельные персонажи, – овцы и собаки. Они наделяются качествами людей, а люди в лучшем случае уравниваются с ними, в худшем – уходят на задний план, не принимая активного участия в происходящих событиях.

Главными героями шуточных стихотворений Седулия Скотта становятся овцы, животные, часто упоминающиеся в Свящ.Писании и в богословских сочинениях в переносном смысле. Овца является символом, кротости, беззлобия, беззащитности, существом, которое надо оберегать от опасностей (например, II Пар 18:16, Пс 118:176, Ис 53:6, Мф 9:36, 6:34, Ин 10:1-5), поэтому рядом с овцами находятся собаки, охраняющие стадо (Иов 30:1). Уже в Ветхом Завете «овцы» понимались как «люди/народ»: «И сказал Давид Богу:...я согрешил, я сделал зло; а эти овцы что сделали? Господи, Боже мой! да будет рука Твоя на мне и на доме отца моего, а не на народе Твоем, чтобы погубить его» (I Пар 21:17). Как кажется, символическое обозначение человека как «овцы» позволило Седулию Скотту мысленно проделать обратный путь: если понятие «человек» может скрываться за понятием «овца», то и овца, а точнее, баран, может заменить человека в качестве героя стихотворения. Как кажется, Седулий сознательно заменяет «овцу» «бараном», так как слово «овца» имеет ярко выраженные религиозные коннотации, а поэт не желает впадать в кощунство.

В центре небольшого (24 строки) стихотворения Седулия Скотта «Тот же [Седулий] к тому же [Хартгарию] о трех баранах» [15, 178-179] оказывается «multo» – «баран». Стихотворение начинается призывом к тому, чтобы все возрадовались: Дафнис-Хартгарий, «пастырь добрый и блаженный» [15, 178], возвращается домой из поездки в Рим. В честь его возвращения играет свирель, и на звук ее приходят бараны.

Упоминание о баранах, обозначаемых словом «multo» – «баран», встречается в контекстах, не имеющих ничего общего с поэзией, например, в капитулярии Карла Великого, где перечисляется все имущество на виллах и в поместьях, принадлежавших королю [12, 97, 347-348]. Однако в тексте стихотворения употреблено еще одно существительное, обозначающее то же животное: «aries», которое переводится и как «баран», и как «созвездие Ов-

на». В христианской традиции значимо другое название: «agnus» – «агнец». Рабан Мавр объясняет оттенки значений двух из этих слов: «Агнцем называется по причине невинности, <...> овном по причине главенства» [12, 111, 21]. Седулий намеренно не пользуется существительным «agnus», так как в Свящ.Писании Агнец символизирует Христа. Однако и «aries» связан с небесной сферой, что позволяет поэту, не кощунствуя, обыграть некоторые христианские понятия.

Поэт обращается к барану с речью, в которой большинство глаголов стоит в повелительном наклонении. Они играют роль вех, благодаря которым заметно движение мысли в тексте. Особенностью комической поэзии эпохи Каролингов было сознательное употребление цитат, «которые должен узнать читатель» [9, 180-181], при этом цитаты разного размера, вплоть до одного слова, помещаются в контекст, не похожий по характеру на изначальный текст. Стихотворение «О трех баранах» также построено на аллюзиях из текстов, которые могли более или менее легко узнать современники. Так, глагол «scandito» [15, 178] – «вознесись, поднимись» в повелительном наклонении встречается в стихах Алкуина: «Телом прострись на земле, но сердцем вознесись к Небу» [12, 101, 761] и «Духом/умом вознесись к Небу, если не можешь [идти] ногами» [12, 101, 747]. Глагол «defende» [15, 178] – «защити» в повелительном наклонении типичен для молитв [12, 101, 549, 567, 585, 596 etc], например, «Предстань, Господи Иисусе Христе, <...>. Рассуди дело наше, защити, ибо Ты Могушествен» [12, 99, 271] или «...Господи,... Твоим милосердием нас от всякого несчастья защити» [12, 101, 464]. Глагол «despice» [15,178] – «презирай» именно в такой форме встречается в цитате из трактата «Венец монахов» Смарагда Сен-Мишельского: «Если желаешь быть небесным, всегда все, что земное есть, предавай проклятью и презирай, следуй примерам совершенных и будь [их] подражателем» [12, 102, 679]. Строки из Седулиева стихотворения «Имя рассей по небу.../ Отвергни так низменную, возлюби лучшую жизнь,/Баран, краткую жизнь так отвергни» [15, 178] являются аллюзией на цитату из этого известного в свое время трактата.

Смысл обращения Седулия к барану заключается в том, что поэту нужны и баранья шкура, которой «прогоняются многие холода» [15, 178], и «писчий материал, пергамен» [15, 178], потому он коварно уговаривает простодушного барана «отвергнуть... низменную жизнь» и «рассеять имя по небу», но не прославиться непорочной жизнью, а умереть. Тем не менее, поэт обращается к животному, как к человеку, которого он старается призвать к лучшей, духовной жизни, к заботе о спасении души, намеренно снимая символическое значение понятия «овца», уравнивая барана и человека и тем самым нарушая иерархические связи между ними.

Другое стихотворение Седулия Скотта – «О некоем баране, разорванном собакой» [15, .204-207] – представляет собой историю из жизни баранов, состоящую из собственно стихотворного повествования-жизнеописания и эпифафии, которые могли бы рассказывать о человеке, а не о животном.

В стихотворном жизнеописании своего героя Седулий создает мир, параллельный человеческому, Аркадию, которая заимствует законы и обычаи

людей так же, как в мире людей отражается «нечто из ... разделений вышних граждан» [12, 76, 1252С]. В Аркадии есть свой сонм божеств: «Овен» [15, 205], «Луцина» [15, 205], «Пан» [15, 205], нимфы, как и в реальном, человеческом мире, где на небе царит «Бог Всемогущий» [15, 204].

Поэт создает величественные образы животных, традиционно изображающихся простыми и бесхитростными. Так, по словам Седулия, Господь, создавая баранов, одел их «одеянием шерстяным,/ ... толстым роскошным плащом плоти./Крутые лбы Он вооружил искривленными рогами» [15, 204], дал «В обеих ноздрях...и силы превосходные» [15, 204]. Этому описанию соответствует и главный герой истории, поэтому поэт описывает не столько его внешность, сколько «деяния и добродетели» [16, 50], что соответствует описанию человека, но не животного. Седулий начинает описание со строки «Славного стада сам страж более славный» [15, 204], вызывающей в памяти читателя цитату из Пятой эклоги Вергилия «Прекрасного стада сам более прекрасный страж» [13, 12], где имеется в виду пастух Дафнис. Если Дафниса, с которым читатель может сравнить барана, почитают за различные благодеяния человечеству, то баран выделился среди своих сородичей внешним видом: «твердыми рогами» [15, 204], «шкурой...белоснежной и яркими ...глазками» [15, 204].

«Деяния» барана излагаются так, как если бы Седулий описывает прославленного воина. Баран называется то «победитель небывалый» [15, 204], «вождь стада сильнейший» [15, 205]. Битва между бараном и собаками, принявшими его за врага, описывается так: «Баран был оставлен один и долго сражался,/Он, грозный, рогами нанес много ран» [15, 205]. Хвала погибшему барану напоминает песнь Мопса из Пятой эклоги Вергилия, которая начинается строкой: «Погибшего жестокой смертью Дафниса Нимфы/ Оплакивали» [13, 12]. Довольно похоже и у Седулия: «Плакали Нимфы, и все леса отзывались эхом» [15, 206]. Сходство продолжается и дальше: погибшего Дафниса оплакивает мать-нимфа, а с нею вся природа, Палес и Аполлон, о погибшем баране плачут божества его мира – Луцина и Овен, а также «стада овец» [15, 206].

Седулий восхваляет барана так, как если бы он был человеком, более того, клириком. Поэт перечисляет грехи и пороки, которые не были присущи погибшему праведнику: он не предавался пьянству («Ни даров Вакха, ни сикера не пил» [15, 206]), питался травой, пил лишь воду, не стремился к роскоши («...[не будучи] жаден, он не желал пурпурно-красных одежд./ Но довольствовался меховой туникой» [15, 206]), по обычаю, заведенному еще апостолами, ходил пешком, не лгал и не вел пустых разговоров (« «Ба-а» или «бе-э», произносил мистические слова» [15, 206]). Седулий создает образ идеального монаха, но вся речь относится к барану, который заведомо не может пить вино, ездить верхом на лошади, тратить время на праздные разговоры, а если бы он и посетил вдруг «трапезы королей» [15, 206], то только в качестве жаркого.

5. О плешивцах.

В шуточном стихотворении Хукбальда Сент-Амандского (ок.840-930/931) «Эклога о похвале плешивости» [12, 132, 1042-1045] (после 891 г.) игра с представлениями об иерархии реализовалась более зрело. Хукбальд не создает некий параллельный мир. Напротив, в пределах уже известной вселенной он строит новую иерархию, которая, с одной стороны, обратна по отношению к иерархии в обычном, средневековом ее понимании, с другой, весьма похожа на нее, поскольку у нее есть верх и низ, степени и занятия, им соответствующие. Как следует из названия стихотворения, в нем описывается иерархия плешивцев.

Отношение к плешивости было двойственно во всех культурах – христианской, античной и народных, германской и кельтской, синтез которых породил явление, которое можно назвать культурой эпохи Каролингов. Так, в Ветхом Завете лысина, а также обритая голова одновременно связаны и с ритуальной чистотой (Левит 13:40-41, 14:9), и с позором и скорбью: «И будет вместо благовония зловоние, и вместо пояса будет веревка, и вместо завитых волос плешь, и вместо широкой епанчи узкое вретиче, вместо красоты клеймо» (Ис 3:23; Иезек 7:18, Амос 8:10). В Петрониевом «Сатириконе» отразилось античное восприятие плешивости: плешивцы ставятся в один ряд с «заклейменными [преступниками]» [14, 264], рабами, актерами [17, 96], так как бритая, безволосая голова означала потерю «общественного статуса» [7, 165]. С другой стороны, в «Золотом осле» Апулея упоминаются жрецы Венеры, принесшие ей в жертву свои волосы в знак полного подчинения богине [8, 15]. Германцы, в частности, франки относились к отсутствию волос однозначно отрицательно. В культуре германцев волосы были признаком свободного человека, в то время как раба отличала выбритая голова [8, 12]. Длинные волосы связывались с верхней ступенью иерархии общества; недаром короли из династии Меровингов были известны как «длинноволосые» [8, 12]. Широко известны факты из истории этой династии, когда лишение волос было равносильно лишению королевской власти [8, 14]. И хотя при смене династий длинные волосы постепенно стали утрачивать свое значение, еще в конце IX в. в северной Италии рассказывали, что Карл Великий по просьбе местной знати разрешил Гримоальду III стать герцогом Беневентским, но только при том условии, что просители обреют бороды [8, 30]. Пострижение мятежных членов семьи в монашество также практиковалось правителями из династии Каролингов [8, 31-32]. Только постепенно отношение к волосам или их отсутствию становилось нейтральным, а в случае священства и монашества положительным. Так, Храбан Мавр в «Толкованиях на Книгу Судей» пишет: «...в Евангелии Господь наш говорит, указывая, что есть некие видимые и чувственно воспринимаемые волосы: «у вас же и волосы на голове все сочтены» (Мф 10:30), конечно, указывая на деяния духовных добродетелей; ибо не о волосах наших печется Бог» [12, 108, 1196С]. Как кажется, Боэциев «колесо Фортуны» с неустойчивостью и взаимозаменяемостью верха и низа было вполне применимо к восприятию плешивости.

«Начало сотворенного» [12, 102, 295В] в иерархии плешивцев положено в Свящ.Писании: из ветхозаветных пророков упоминается пророк Елисей [12, 132, 1044С-D], в число «апостолов» [12, 102, 295В], положивших начало иерархии «Церкви, Кровью Христовой искупленной» [12, 102, 295В], входит и св.ап.Павел [12, 132, 1044D-1045А], известный своей лысиной.

Каждая ступень этой иерархии сама является некоей иерархией. Так, Церковь Земная представлена плешивыми певцами, настоятелями монастырей, наставниками, епископами и предстоятелями Церкви [12, 132, 1043В]. В группу мирян, олицетворяющих собой власть и закон, входят короли и императоры, с одной стороны, и чиновники высокого ранга (графы, правители городов), законодатели и судьи, с другой [12, 132, 1043С]. Во главе войска, защищающего государство, стоят плешивые военачальники, а подчиняются им столь же плешивые воины, «обученные и крепкие» [12, 132, 1043D]. Наконец, здоровье всего общества находится в руках плешивых врачей, как приготавливающих лекарства, так и хирургов [12, 132, 1044А]. При том, что плешивцы описаны в определенном «порядке», есть качества, которые их уравнивают между собой: им воздается хвала за «смирение, любовь и целомудрие» [12, 132, 1044А]. Более того, любая лысина уподобляется солнцу и луне и помещается в центр мироздания: «Знайте, что лысая макушка есть центр неба» [12, 132, 1044В]. Когда плешивцы противопоставляются всему остальному миру, «покрытому густыми волосами» [12, 132, 1043А], их деление на чины и звания исчезает, и читатель видит только «славную силу» сверкающих лысин [12, 132, 1046В].

В стихотворении Хукбальда находим все: святоотеческое восприятие иерархии и мысли Боэция о неустойчивости земного порядка, иерархическое общество плешивцев и немедленное упразднение всякой иерархии и братское объединение всех ее членов, если эта иерархия противопоставляется обществу, где плешивцы презираемы. Как кажется, эта легкость в обращении с идеей иерархического устройства общества и всей вселенной, пусть и в шуточной поэзии, означает, что к концу эпохи Каролингов в средневековом мировоззрении появились раскованность и внутренняя свобода.

Список литературы

1. Бондаренко Г.В. Мифология пространства Древней Ирландии. М., 2003.- 416 с.
2. Бычков В.В. 2000 лет христианской культуры *sub specie aesthetica*. т.1. Раннее христианство. Византия. М.-СПб, «Университетская книга», 1999. – 575 с.
3. Ненарокова М.Р. Досточтимый Беда – ритор, агиограф, проповедник. М.,ИМЛИ РАН, 2003. – 272 с.
4. Словарь античности. М., Прогресс,1993. – 704 с.
5. Bothworth J., Toller T.N. An Anglo-Saxon Dictionary. [эл.ресурс] <http://www.bosworthtoller.com>
6. Cassell's Latin Dictionary. New York, Macmillan Publishing Company, 1968.
7. Courtney E. A Companion to Petronius. – Oxford: Oxford University Press, 2001. – xii, 238 p.
8. Dutton P.E. Charlemagne's Moustach and Other Cultural Clusters of a Dark Age. – New York: Palgrave Macmillan, 2004. – pp.279.
9. Edden V. Carolingian Parody of Pastoral// *Medium Aevum*.1980. №49.

10. Ellis P.B. A Dictionary of Irish Mythology. – London: Constable, 1987. – pp.240.
11. Marenbon J. From the Circle of Alcuin to the School of Auxerre. Logic, Theology and Philosophy in the Early Middle Ages. – Cambridge: Cambridge University Press, 1981. – pp.219.
12. Migne, J.-P. Patrologiae Latinae Cursus Completus (PL). – On CD-Rom. – Chadwick-Healy, 1993-1995.
13. P.Vergilii Maronis Bucolica et Georgica. ed. T.E.Page. L., 1931.
14. Petronius. tr. M.Heseltine. rev. E.H.Warmington. Seneca. Apocolocyntosis. tr. W.H.D.Rouse. – Cambridge, Mass. London, 1969. – XLVI, 430 p.
15. Poetae Latini Aevi Carolini. ed. E.Duemmler.t.III. Berolini apud Weidmannos, 1881-1895. – repr.1964.
16. Progymnasmata. Greek Textbooks of Prose Composition and Rhetoric / tr., intr., notes G.A.Kennedy. – Atlanta, GA, Society of Biblical literature, 2003. – pp.231.
17. Webb R. Demons and Dancers. Performance in Late Antiquity. – Cambridge (Mass), London, 2008. – viii, 296 p., [10] табл., илл.

К ВОПРОСУ О ПЕДАГОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Пономаренко Л.Н.

доцент кафедры иностранных языков, канд. пед. наук,
Вятский государственный университет, Россия, г. Киров

В статье рассматривается педагогический дискурс с точки зрения критического дискурс-анализа Н. Феркло. В основе данной теории лежит идея о том, что дискурс – это явление не только созидательное, но и созидаемое. Внимание акцентируется на дискурсивных практиках педагогического дискурса, которые обеспечивают не только стабильность порядка дискурса, но и изменяют его границы.

Ключевые слова: дискурс, педагогический порядок дискурса, дискурс-анализ, дискурсивная практика, социальная практика, интердискурсивность.

В настоящее время в современной науке интенсивно ведутся исследования дискурса научными школами и направлениями, принадлежащими к разным научным областям и направлениям (Н.Д. Арутюнова, В.Н. Борботько, Т.А. ван Дейк, В.И. Карасик, Ю.Н. Караулов и др.). Понятие дискурса не имеет сегодня однозначного определения и классифицируется учеными достаточно разнообразно. Согласно сложившейся традиции понятие «дискурс» трактуется как вербализованная речемыслительная деятельность, реализованная в целостном речевом произведении, включающая в себя не только лингвистические, но и экстралингвистические компоненты [1]. Предметом анализа в данной статье является педагогический дискурс. В.И. Карасик характеризует данный вид дискурса как институциональный по форме и как личностно-ориентированный по содержанию [2]. Рассмотрим педагогический дискурс с точки зрения критического дискурс-анализа, разработанного Н. Феркло.

В процессе своей профессиональной деятельности педагог находится в постоянном общении со своими учащимися и коллегами, поэтому здесь уместно говорить о существовании педагогического порядка дискурса. Пря-

док дискурса – это конфигурация всех типов дискурсов, которые используются в какой-либо социальном институте или социальной области [3, с.109]. Таким образом, мы можем утверждать, что внутри педагогического порядка дискурса существуют педагогические практики, включающие ведение урока, консультации, чтение лекций, воспитательные беседы, педагогическую терминологию, используемую как в письменных, так и устных текстах и др. В каждой дискурсивной практике – а именно, в процессе производства и восприятия текста и разговора – различные типы дискурсов используются особым образом.

По Фэркло каждый речевой случай является коммуникативным событием, состоящим из трех измерений: текст (устная речь, письмо, визуальное изображение или их сочетание); дискурсивная практика (производство и восприятие текстов); социальная практика [3, с.110].

Все три измерения должны быть включены в дискурс-анализ коммуникативного события. Анализ должен быть сосредоточен на лингвистических особенностях текста; процессах, касающихся продуцирования и восприятия текста (дискурсивная практика); и более широкой социальной практике, которой принадлежит коммуникативное событие. Важно осознавать, что анализ лингвистических особенностей текста неизбежно повлечет анализ дискурсивных практик, и наоборот. Однако в модели Фэркло текст и дискурсивная практика представляют два разных измерения.

Анализ педагогической дискурсивной практики сконцентрирован на том, как педагоги (авторы текстов) используют уже существующие дискурсы и жанры, чтобы создать текст. А также на том, как получатели текстов (учащиеся, коллеги) применяют доступные дискурсы и жанры при восприятии и интерпретации текстов. Например, речь педагога на занятии – дискурсивная практика ведения учебного занятия, которая может проникать в другие дискурсивные практики и различные жанры (например, лекция-дискуссия, урок-дебаты). Учащиеся, коллеги могут применить в своих обсуждениях дискурсы и жанры, которые уже использовались, а также могут объединить их с другими дискурсами и жанрами в каких-либо гибридных формах.

Следуя логике Фэркло, педагогический порядок дискурса необходимо рассматривать не только как совокупность определенных дискурсивных практик, но и как социальную практику педагога. Дискурсивные методы, благодаря которым тексты продуцируются (создаются) и потребляются (воспринимаются и интерпретируются) рассматриваются как важная форма социальной практики, которая вносит свой вклад в созидание социального мира, включая социальные идентичности и социальные отношения. Именно посредством дискурсов повседневной жизни воспроизводятся и изменяются социум и культура [3, с.112]. Социальная практика и дискурс находятся в диалектической связи с другими социальными измерениями, отражая их и внося в них свой вклад.

Дискурсивная практика выступает посредником между текстами и социальной практикой. Следовательно, лишь в дискурсивной практике, где люди используют язык для производства и восприятия текстов, последние при-

обретают форму и формируются в процессе социальной практики. В то же время, формальные лингвистические особенности текста влияют как на производство текста, так и на процесс его потребления.

Таким образом, анализ педагогического коммуникативного события включает: анализ педагогических дискурсов и жанров, которые ясно артикулируются при производстве и восприятии педагогического текста (уровень дискурсивной практики); анализ лингвистической структуры педагогического текста (уровень текста); рефлексивный дискурс о том, воспроизводит ли дискурсивная практика существующий порядок педагогического дискурса или преобразует его, а также о том, какие последствия это имеет для социальной практики (уровень социальной практики).

Необходимо принимать во внимание тот факт, что субъекты педагогического процесса сталкиваются с новыми дискурсами, ранее им неизвестными и которыми им необходимо овладеть. Таким образом возникает интердискурсивность. Данный феномен возникает в случае, когда различные дискурсы и жанры артикулируются в одном коммуникативном событии [3, с.118]. Посредством новых артикуляций дискурсов изменяются границы не только внутри дискурса одного порядка, но также и между различными порядками дискурса. Педагогические дискурсивные практики, в которых дискурсы различных видов комбинируются новыми и сложными способами в новые интердискурсивные комбинации являются не только знаком, но и движущей силой в дискурсивном педагогическом пространстве. С другой стороны, педагогические дискурсивные практики, в которых дискурсы комбинируются определенными общепринятыми способами, не только являются показателями стабильности, но и поддерживают установленный педагогический порядок дискурса и, соответственно, социальный порядок. В этом смысле уместен тезис Ролана Барта, что люди являются одновременно «и хозяевами и рабами языка» [4]. В этой практике субъекты педагогического процесса действуют одновременно и как продукты дискурса и как создатели и преобразователи дискурсов, а, соответственно, социальных и культурных изменений.

Список литературы

1. Ежова Т.В. К проблеме изучения педагогического дискурса // Вестник ОГУ. №2/Февраль, 2006. Том 1. Гуманитарные науки. С. 52-56.
2. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004 – 390 с.
3. Филлипс Л., Йоргенсен М.В. Дискурсивный анализ – теория и метод. Харьков, Гуманитарный центр, 2004. – 336 с.
4. Барт Р. Избранные работы. Семиотика / Пер. с фр., вступ. ст. и коммент. Г.К. Косикова. М.: Прогресс, 1989. С. 545-569.

ФУНКЦИЯ БЕЗЛИЧНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В СИНТАКСИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ В.А. БОГОРОДИЦКОГО

Самарин Д.А.

доцент кафедры правового обеспечения
национальной безопасности, канд. филол. наук,
филиал Байкальского государственного университета в г. Якутске,
Россия, г. Якутск

В статье рассматривается позиция В.А. Богородицкого в отношении безличных предложений. Как демонстрирует проведённое исследование, безличные предложения не только нашли своё достойное место в синтаксической теории учёного, но и рассматривались им как средство экономной передачи информации. Обращение В.А. Богородицкого к изучению безличных предложений не теряет своей актуальности и в современной науке, поскольку намечает линию будущих исследований в сфере синтаксиса.

Ключевые слова: односоставное предложение, безличное предложение, действие, язык, экономия речи, признак, субъект.

Безличное предложение представляет собой простое односоставное предложение со сказуемым, называющим действие или состояние, представленное без участия грамматического субъекта действия (подлежащего). Подлежащее и сказуемое были созданы модистами (школа Томаса Эрфуртского). Подлежащим они признавали формы косвенных падежей как носителей глагольного признака в предложениях, рассматриваемых сейчас как безличные (напр., форма род. пад. *Socratis interest* «для Сократа важно», форму дат. пад. *Socrati accidit* «Сократу случается») [5, с. 132]. У русских писателей эти предложения, в отличие от, например, английских или немецких, отличаются отсутствием формальных подлежащих (*it, es*): «Под густою листвою пахло травой и лесом, от каналов тянуло запахом стоячей воды» (В.В. Вересаев, «Два конца»); «Остапа несло» (И. Ильф, Е. Петров «Двенадцать стульев»).

Безличные предложения всегда интересовали отечественных и зарубежных учёных (В. фон Гумбольдта, И.А. Бодуэна де Куртенэ, Ф. де Соссюра, Ш. Балли и многих других). В России значительное внимание этим предложениям было уделено в грамматической теории В.А. Богородицкого (1857-1941), ведущего представителя Казанской лингвистической школы. Известно, что в русском языке эти так называемые бессубъектные предложения обычно обозначают природные явления (характеризуемые формами типа «морозит», «светает» и т.п.). Они возникли на почве подразумевания.

В.А. Богородицкий рассматривал безличные предложения в разделе «Синтаксис» в своём фундаментальном «Общем курсе русской грамматики». Усматривая в них соответствие простым нераспространённым предложениям, учёный замечал: «Эти предложения состоят только из одного члена, другой же остаётся по той или другой причине не названным и как бы подразумевается в названном члене» [2, с. 306]. Исследователь справедливо считал их продуктом сокращения с учётом их происхождения из предложений, со-

стоявших из однокоренных имени существительного-подлежащего и глагола-сказуемого. Но при глаголе-сказуемом другого корня, легко сочетаемом с разными подлежащими, опущение последнего уже не представляется вероятным. Данный факт находит подтверждение в европейских языках (выражение «дождь идёт» во французском языке выглядит как *il pleut*, а в немецком – *es regnet* (соответственно, *la pluie* (фр.) и *der Regen* (нем.) значат «дождь»). В отдельных случаях, напротив, возможно опущение сказуемого при сохранении подлежащего, также в целях экономии речи: *Ночь. Улица. Фонарь. Аптека.* (А. Блок). Такие предложения могут также быть и восклицательными.

Безличные предложения отличаются от личных, прежде всего, способом выражения и различием нюансов значения (напр., *я весел | мне весело*). В.А. Богородицкий объяснял, что если первое выражение прямо указывает, каков сам субъект, то второе лишь передаёт наличие у него качества (признака) весёлости, независимо от него самого [3, с. 297]. Эта черта подразумевает большую автономность признака от субъекта.

Позицию В.А. Богородицкого можно сравнить с мнением А.М. Пешковского (1878-1933). Понятие безличных предложений он связывал с понятием безличного глагола. И так как эта категория типична для всех индоевропейских языков, учёный констатировал: «Именно, в то время как глагол есть прежде всего слово, изменяющееся по лицам и числам, а в прошедшем времени у нас, в русском языке, по родам и числам, существует целый ряд глаголов, которые не изменяются по этим категориям. Таковы, например, у нас глаголы *светает, вечереет, моросит, смеркается, тошнит, нездоровится, неможется, спится, дремлет, хочется* и др.» [4, с. 341]. Эти примеры показывают значительное сходство взглядов обоих исследователей.

В безличных предложениях прямо проявляется принцип экономии речи. И В.А. Богородицкий, и А.М. Пешковский указывали на элементы подраствания и сохранения сил при опущении понятного по контексту члена предложения. Именно действие этого принципа позволяет исключать элементы структур или сами структуры при их избыточности. Чаще всего он упоминается в связи с эллипсисом и импликацией, когда при семантическом сжатии сокращаются компоненты языковой единицы (предложения).

Подобно В.А. Богородицкому, Л.В. Щерба (1880-1944) связывал с безличными предложениями применение безличных глаголов (*можно, надо, пора* и т.п.). Неизменяемые слова, несводимые ни к какой категории, он причислял к категории *состояния* (никому и ничему не приписываемого – в безличной форме) [6, с. 844]. Эти слова Л.В. Щерба считал очень неясными. Поэтому в статье «О частях речи в русском языке» он писал: «Чаще всего их, по формальному признаку неизменяемости, зачисляют в наречия, что в конце концов не вызывает практических неудобств в словарном отношении, если оговорить, что они употребляются со связкой и функционируют как сказуемое безличных предложений» [8, с. 89]. Несмотря на это замечание, сам учёный не был до конца в этом уверен из-за того, что безличные глаголы не относятся ни к глаголам, ни к именам прилагательным или наречиям.

Безличные предложения, эквивалентные выделенным В.А. Богородицким, обильно встречаются и в других языках. А.И. Смирницкий привёл характерные примеры в отношении английского языка (*Говорят... They say...; Можно было бы подумать... One might think...; Темнеет. It is getting dark*). Для английского языка (как других германских и романских языков) нехарактерно построение предложений без подлежащего в 3-ем лице. Поэтому учёный так писал об этом характерном признаке: «Как видно из приводимых примеров, русский язык широко использует предложения безличные и предложения без подлежащего, тогда как в английском языке даже безличные предложения строятся при помощи безличного подлежащего» [7, с. 140]. Данное обстоятельство определено недостаточной оформленностью английских глаголов, неспособных к точному указанию субъекта.

Несмотря на интерес, проявленный В.А. Богородицким к природе безличных предложений, его характеристика не может быть названа совершенной. В.В. Бабайцева, например, указывала, что учёный не полностью раскрыл особенности этих предложений. Несомненно, что причины признака и состояния в этих случаях от субъекта не зависят. В статье «Переход кратких прилагательных в состав безлично-предикативных слов» исследовательница аргументировала: «Именно этим и отличаются синтаксические конструкции с краткими прилагательными и безлично-предикативными словами от глагольных предложений, где причина действия или состояния скрыта в субъекте (ср. «я веселюсь»)» [1, с. 29]. Основное эксплицитное различие между выражениями, приведёнными В.А. Богородицким, состоит в лексических и грамматических признаках, специфических для разных частей речи (краткое прилагательное – наречие).

В.А. Богородицкий, несомненно, внёс большой вклад в развитие научных представлений о предложении в целом и о такой его разновидности, как безличное предложение. Он видел в них способ ёмкого выражения мысли. Дополнение и развитие синтаксической теории казанского учёного – задача современных и будущих исследователей.

Список литературы

1. Бабайцева В.В. Переход кратких прилагательных в состав безлично-предикативных слов [Текст] / В.В. Бабайцева // Избранное. 1955—2005: Сборник научных и научно-методических статей / Под ред. проф. К.Э. Штайн. – М. Ставрополь: Издательство СГУ, 2005. – С. 20-46.
2. Богородицкий В.А. Общий курс русской грамматики (Из университетских чтений) [Текст] / В.А. Богородицкий. – Издание 4-ое, дополненное. – Казань: Типография Императорского Университета, 1913. – vi, 552, [1] с., [5] л. ил.
3. Богородицкий В.А. Общий курс русской грамматики: (Из университетских чтений) [Текст] / В.А. Богородицкий / Вступ. ст. В.К. Журавлёва, И.В. Журавлёва. – Изд. 7-е. – М.: Едиториал УРСС, 2011. – 576 с. (Лингвистическое наследие XX века.)
4. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении [Текст] / А.М. Пешковский. – 8-е изд., доп. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 544 с. разд. паг.
5. Самарин Д.А. Морфологический и синтаксический характер ономазиологической грамматики модистов [Текст] / Д.А. Самарин // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2014. – № 3 (56). – С. 130-133.

6. Самарин Д.А. Части речи в грамматических концепциях В.А. Богородицкого и Л.В. Щербы [Текст] / Д.А. Самарин // В мире научных открытий. – 2014. – № 11.1 (59). – С. 829-849.

7. Смирницкий А.И. Синтаксис английского языка [Текст] / А.И. Смирницкий. – М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1957. – 287 с.

8. Щерба Л.В. О частях речи в русском языке [Текст] / Л.В. Щерба // Языковая система и речевая деятельность. – Изд. 2-е, стереотипное. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – С. 77-100.

ИНТЕРТЕКСТОВАЯ ДЕРИВАЦИЯ И ПРОБЛЕМА ПАСПОРТИЗАЦИИ ИНТЕРТЕКСТОВОЙ ЕДИНИЦЫ В АВТОРСКОМ СЛОВАРЕ КРЫЛАТЫХ ВЫРАЖЕНИЙ

Сидоренко К.П.

профессор кафедры русского языка, доктор филол. наук, профессор,
Российский государственный педагогический университет
им. А.И. Герцена, Россия, г. Санкт-Петербург

В статье рассматривается возможный подход к отбору материала при составлении авторских словарей интертекстовых единиц. На примере одного выражения показывается правомерность включения прецедентного текста в корпус словаря крылатых выражений А.С. Пушкина и уточняется целесообразность словарного комментария и интерпретационные возможности при обосновании деривационной базы паремии.

Ключевые слова: интертекстовая деривация, интертекстовая динамика, интертекстовая статика, источниковедческое комментирование, крылатое выражение, лексикографическая паспорттизация.

В интертекстовой лексикографии, ориентированной на описание корпуса цитатного материала, восходящего к текстам одного автора, сформировалось несколько типов словарей. Прежде всего, можно противопоставить словари статические и словари динамические. Динамический подход приводит к обработке единиц, являющихся результатом многоступенчатой интертекстовой деривации, когда то или иное выражение одновременно ассоциативно закреплено не только за текстовым корпусом данного автора, но и за общей деривационной базой, что позволяет паспорттизировать выражение как косвенно соотносимое с соответствующим дискурсом. Создание текста обычно происходит при участии других текстов или расширенной знаковой ситуации, совокупности мотивирующих факторов, требующих комментария уже при подготовке издания сочинений автора. Вопрос о разграничении «своего» и «чужого» возникает при осмыслении и лексикографической обработке интертекстовых единиц, введении в словарь выражений, не принадлежащих в строгом смысле данному автору. Такое утверждение особо актуально при обращении к писателям, чье творчество в значительной степени определяет круг нашей словесной культуры и соотносится с нижней временной границей современного русского литературного языка. Это И.А. Крылов, А.С. Грибоедов и, конечно, А.С. Пушкин.

Известная царскосельская лицейская история с «гогель-могелем», в состав которого был добавлен ром, получила шутливую оценку лицеистов на основе обыгрывания начала первого псалма церковнославянской Библии *«Блажен муж, иже не иде на совет нечестивых»*. И.И. Пущин писал, что после строгого разбирательства в числе наказаний было: «Сместить нас на последние места за столом, где мы сидели по поведению». Постепенно этот пункт наказания «смягчался по усмотрению начальства: нас, по истечении некоторого времени, постепенно подвигали опять вверх. При этом Пушкин сказал: *«Блажен муж, иже сидит к каше ближе»*. На этом конце стола раздавалось кушанье дежурным гувернером» [4, с. 47]. «Их [наказанных лицеистов] жизненная философия обогащается внезапно великим открытием – «чем хуже, тем лучше» [8, с. 128].

Из «бумаг Лицея» (раздел «Национальные песни») К.Я. Грот цитирует слова: «Блажен муж, иже / Сидит к кафедре ближе; / Как лексикон, / Растолстеет он. / Не тако с вами – / С первыми скамьями, / Но яко скелет, Будете худеть». При этом в примечании К.Я. Грот отмечает: «Пущин в «Записках» своих приводит двустиишие Пушкина: *«Блажен муж, иже сидит к каше ближе»* [2, с. 221]. Однако встречается и осторожное отношение к авторству Пушкина, например:

Две недели подряд, изо дня в день, наши приятели выстаивали молитву на коленях. За едой им были отведены самые невыгодные места в конце стола, где кушанье подавалось после всех: но так как, вообще, воспитанники рассаживались по поведению, то вскоре оштрафованные имели возможность подвинуться вверх <...> вследствие чего у них сложилась даже поговорка: *Блажен муж, иже сидит к каше ближе* (В.П. Авенариус. Юношеские годы Пушкина <1887>).

Был ли Пушкин автором этого речения? Скорее всего, нет, оно, по видимому, бытовало и раньше, и не только в Лицее, но в силу неразрывности творчества Пушкина с лицейским дискурсом чаще всего приписывается ему, становясь даже, как «общее место», популярным заданием в разного рода викторинах и конкурсах, иллюстрацией быта лицеистов и пр., ср.:

Ответить на вопрос: А.С. Пушкиным были написаны строки: *«Блажен муж, иже сидит к каше ближе»*. Что предшествовало написанию этих строк? (Клуб телезрителей <2012>); Уже на молитве хотелось есть и нелегко было дожидаться, когда поведут в столовую. Лучшие места за обеденным столом, ближе к гувернеру, раздающему еду, занимали отличившиеся по поведению и успехам. *«Блажен муж, иже сидит к каше ближе»*, – сказал по этому поводу Пушкин (Блажен муж, иже. Литературная гостиная <2013>).

Пушкинская, или лицейско-семинарская, антипословица часто выступает как реакция на тему или слово-стимул, изменяясь и обновляясь. С известными долей условности можно определить некоторые тенденции ее применения, ассоциативную специализацию.

(1) «Церковнославянский язык, православная культура». Обращение к проблеме стилистического контраста, когда «славянский текст применяется к низменному, житейскому употреблению и сразу приобретает комический ха-

рактик. *«Блажен муж, иже сидит к каше ближе»* <...> Во всех монастырях, иерейских домах и даже владычных покоях семинарский анекдот царит [7, с. 3]. Например:

Семинарист после нескольких часов произнесения высокопарных, пришедших из Византии словес, приходя в свою келью или трапезную, начинал шутить и острить. Самая известная острота такого рода: *«блажен* [так в источн.], *иже сидит к каше ближе»* (Я.Кротов. Сквернословие <2002>); На русском языке молиться и служить, в принципе, можно <...> Славянское слово или кусок фразы в русском вполне вписываются в структуру текста. Знаменитые семинарские присловья *«блажен муж, иже сидит к каше ближе»* тому прекрасная иллюстрация (А.Дягилев Нужно ли служить по-русски? <2003>); Все же это два разных языка, и даже в семинарских присловьях вроде *«блажен муж, иже сидит к каше ближе»* прекрасно видно, где кончается один и начинается другой, а смешение двух языков в одной фразе дает скорее комический эффект (А.Десницкий. Богослужебный язык Российской Церкви <2012>).

Показательна реакция в Интернете на «церковнославянскую версию» текста песни «В траве сидел кузнечик»: «Напрасно убо Кузнечик о смертном часе не памятовал, хоть и правильно, что не гадал с чародейцами о времени пришествия его, обаче не помышляше убо о кончине лютой без покаяния, тако и умре неприготовленный!» – «К слову – хотя и не шедевр, как кузнечик. У Пушкина в лицее особо голодные старались сесть за обеденный стол поближе к раздаче. И говорили: *«Блажен муж, иже сидит к каше ближе»*. (Форум миссионерского портала диакона Андрея Кураева <2011>). Пушкин здесь лишь упомянут, но об авторстве речи нет.

(2) «Каша» (в прямом значении).

Кормили нас, как правило, кашей. Общая каша на Руси всегда объединяла людей. Если цари и бояре пировали, то народ кашничал. «Каша есть пища наша, не бифштексам чета, не порвет живота». А.С.Пушкин: *«Блажен муж, иже сидит к каше ближе»* <...> И именно каше мы обязаны прекрасному слову «однокашник», объединяющему всех нас. (Н.Лукин. 60 лет после выпуска <2008>); [В учебно-методическом школьном применении] Оборудование: портреты, оборудование к технологической части урока, старинная поваренная книга, необходимые продукты <...> В лицее стол Пушкина был очень прост. Ежедневные супы да каши да компоты вызвали к жизни вот такие строки, очень ироничные: *«Блажен муж, иже сидит к каше ближе»* <...> После практической части урока организуется дегустация приготовленных блюд (О.Ю.Девяткина. Интегрированный урок «И в час пирушки» <2012>); «Продается» тарелка каши. Вопрос: Известно, что за стол лицеисты должны были садиться согласно таблицы успеваемости. *«Блажен муж, иже сидит к каше ближе»* (Урок-аукцион по теме «Лицейские годы А.С.Пушкина» <2013>).

(3) «Каша» (в переносном осмыслении), т.е. материальные средства, выгода и т.п. («к каше ближе») и т.п.

Однажды Алексею Николаевичу Косыгину задал вопрос журналист, дескать: «Вы наверняка знаете, что в вашей партии полным-полно проходимцев, мошенников, прочих негодяев. Почему вы не устроите чистку партии?» А Косыгин ему, вполголоса: «А как вы думаете, кто кого будет «чистить»?..» Так и у нас. Кому поручат эту «чистку»? Разумеется, тем, что забрались повыше <...> короче, те, кто *«блажен иже, сидит каше ближе»*) (Ф.Эльдемуров. Сказка о добрых и сильных волшебниках <2011>); Вы думаете, почему во многих общинах идет такая ожесточенная борьба за власть? Именно поэтому. *Блажен муж, иже сидит к каше ближе...* (Л.Мадорский. Четыре вопроса на засыпку <2013>).

(4) «Иже».

«Иже» («И» восьмеричное) – местоимение со значением «тот», «который» <...> «Восьмеричной» эта буква называлась потому, что имела числовое значение цифры 8. В связи с названием «иже» вспоминается острота Пушкина-лицеиста: *«Блажен муж, иже сидит к каше ближе»* (Л.В.Успенский. По закону буквы); Не могли бы Вы объяснить, откуда происходит приставка «еже-» (ежедневный, ежечасный и т. д.) <...> Согласно этимологическому словарю М.Фасмера, славянское еже («что») представляет собой окаменевшую форму среднего рода от *иже* («который»). См. у Пушкина: *«блажен муж, иже сидит к каше ближе»* (Культура письменной речи <2012>); Итак, милые деточки и их родители, усаживайтесь поудобней, и я вам расскажу про то, как последователи Мавроди и *ежи с ними* разводят народ. – [Реплика] Единственная просьба к автору – *«иже с ними»*, а не *«ежи»!* *«Иже»* – древний синоним слов «который, которая, которые». Пример из литературы: *«Блажен муж, иже сидит к каше ближе»* (А.С.Пушкин). В остальном – солидарна. Сама вляпалась один раз. (Развод по-интернетски <2013>).

(5) «Сидеть».

Все ли равно ученику, за какой партой сидеть? <...> В Царскосельском лицее – действовала практика ранжирования учеников <...> Самые воспитанные ученики лицея получали право в столовой *сидеть* рядом с воспитателем, раздающим еду. *«Блажен муж, иже сидит к каше ближе»*, – смеялись лицеисты (А. Савенков. География школьной парты <2006>).

(6) «Блажен».

Стоит задуматься, откуда в пушкинский словарь пришло слово *«блаженство»* <...> Слово это естественно звучит в Евангелии (*«Блаженны нищие духом»*). С него начинается Псалтирь: *«Блажен муж, иже не иде на совет нечестивых»*. Лицеисты шутливо переиначили первую строку этого псалма, применяя ее к наказанным за обедом: *«Блажен муж, иже сидит к каше ближе»* (Ю. Халфин. Мысль в небесной чистоте <2008>).

Слова, воспринимавшиеся как пушкинский экспромт, по-видимому, восходят к семинарскому фольклору и имеют корни в русской смеховой культуре. Интертекстовая единица (мотивированная и мотивирующая) может быть соотнесена с тем, что И.Е. Аничков называл полиморфными идиоматическими сочетаниями [1, с. 107]. В нашем случае имеется в виду образование

многомерных интертекстовых структур, в основе которых лежит интертекстовая деривация и интертекстема – «сегмент содержательной структуры текста – грамматической (морфемно-словообразовательной, морфологической, синтаксической), лексической, просодической (ритмико-интонационной), строфической, композиционной, – вовлеченный в межтекстовые связи» [6, с. 11]. Новая интертекстовая единица может стать объектом описания в словаре, но лишь тогда, когда имеется формальная целесообразность и возможность ее выделения в качестве вокабулы. Не все единицы отвечают такому требованию, т.к. под интертекстом можно понимать совокупность инвариантных признаков, разноуровневых в лингвистическом отношении, выделение которых позволяет установить отношения деривационной общности между текстами (семиотическими ситуациями). На основе исходной библейской формулы «созданы различные гномы и афоризмы. Эта форма деперсонифицирована, что дает неиссякаемый ресурс» [5, с. 240]. Однако очевидна и устойчивая связь такой антипословицы с именем Пушкина, что позволяет отнести ее к разряду «условных (косвенных) пушкинизмов», тому, что «приписывается Пушкину». Именно такой подход с соответствующим комментарием был предложен в «Словаре крылатых выражений Пушкина» [3, 59].

В лексикографической обработке интертекстовых единиц выделяются два возможных аспекта – интертекстовая статика и интертекстовая динамика.

Интертекстовая статика предполагает рассмотрение и обработку (прежде всего – в лексикографических изданиях) интертекстового материала как индекса (антологии) «канонических» единиц, отбираемых авторами из источников без учета функциональных характеристик и нередко интуитивно. Такой подход обычно влечет за собой гиперболизированно-нормативное отношение к «чужому слову» и его изоляцию от реального употребления.

Интертекстовая динамика ориентирована на рассмотрение интертекстового материала в его функционировании с учетом того, что вариантность, деривационная подвижность, ассоциативность, активность в текстопорождении являются условиями его существования как интертекстовой структуры.

Интертекстовые единицы не представляют собой единства ни в структурном, ни в семантическом, ни в функциональном плане, что определяет актуальность их разноаспектного исследования. Особый комплекс теоретических и практических проблем связан с возможностями лексикографической интерпретации пушкинского слова, а словарная статья при обработке цитатного материала является многоаспектным описанием соотносительных связей по линии «претекст – новый текст». Многие выражения, соотносимые с текстами А.С. Пушкина, имеют интертекстовую деривационную историю и предполагают соответствующее комментирование, например: окно в Европу, архивны юноши, бедный лепт, вещий Олег, Видок Фиглярин, вино кометы, гений чистой красоты, день гнева, о жалкий жребий мой, шестикрылый серафим, золотая цепь, магический кристалл, маленькие трагедии, самых честных правил, народ безмолствует, памятник нерукотворный, шапка Мономаха и мн. др. Учет динамических «противоречий» и является условием адекват-

ной паспортизации интертекстовых единиц в интертекстовой писательской лексикографии.

Список литературы

1. Аничков И.Е. Идиоматика в ряду лингвистических наук // Аничков И.Е. Труды по языкознанию. СПб.: Наука, 1997. С. 103-145.
2. Грот К.Я. Пушкинский Лицей (1811-1812). Бумаги I-го курса, собранные академиком Я.К. Гротом. С приложением портретов, факсимиле и рисунков, а также некоторых бумаг III и VI курсов. СПб.: Типография Министерства путей Сообщения, 1911. 460 с.
3. Мокиенко В.М., Сидоренко К.П. Словарь крылатых выражений Пушкина. СПб.: Изд-во СПбГУ; Фолио-Пресс, 1999. 752 с.
4. Пуцин И.И. Записки о Пушкине // Пуцин И.И. Записки о Пушкине. Письма. М.: Издательство «Правда», 1989. С. 31-78.
5. Свиясов Е.В. Поэтическая формула «Блажен, кто...» в русской культуре XVIII-XIX веков // Русская судьба крылатых слов. СПб.: Наука, 2010. С. 240-254.
6. Сидоренко К.П. Интертекстовые связи пушкинского слова: Монография. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 1999. 253 с.
7. Федотов Г.П. Славянский или русский язык в богослужении // Путь. № 57. 1938. С. 3-28.
8. Эйдельман Н.Я. Вьеварум. М.: Вагриус, 2007. 336 с.

«СКВОЗЬ ВИДНЫЙ МИРУ СМЕХ – НЕВИДИМЫЕ СЛЕЗЫ» (К ВОПРОСУ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЙ МАНЕРЫ И.Ф. ГОРБУНОВА)

Соколова В.Ф.

д.ф.н., профессор, ГБОУ ВО «Нижегородский государственный инженерно-экономический университет», Россия, г. Нижний Новгород

В статье рассматриваются литературно-художественные опыты известного русского актера И. Ф. Горбунова, явившегося ярким представителем демократического направления в отечественной драматургии второй половины XIX в., дается анализ его «сцен-рассказов», в которых освещается жизнь демократических слоев общества.

Ключевые слова: драматургия, литература, «сцены», народ, крестьянство, нравственные представления, городские низы, современная действительность.

Талантливый русский актер и писатель, автор многочисленных очерков и драматических этюдов, И. Ф. Горбунов известен как яркий представитель демократического направления в русской драматургии второй половины XIX в. Со своими «сценами» и «картинами он впервые выступил в середине 50-х годов, в ту пору, когда наши писатели обратились к исследованию жизни демократических слоев русского общества. Стремление к скрупулезному изучению народной жизни – городских низов, крестьянства, мастеровых и фабричных рабочих – роднит Горбунова с писателями-шестидесятниками, а яркие, колоритные зарисовки нравов купечества сближает его с Островским.

Однако у Горбунова свой взгляд на факты современной ему действительности, свое понимание народа и русского национального характера. Его

драматические этюды и рассказы-сценки отличаются как оригинальностью формы, так и неповторимой, только ему присущей стилистической окраской.

Г. П. Бердников, говоря об умении Горбунова добиваться «предельной выразительности при крайне скупом использовании изобразительных средств» называет его «одним из предшественников Чехова» [1, с.252].

Действительно, Горбунов-писатель очень своеобразен. Многие его сцены совершенно исключают авторскую речь. Он избегает описаний, создается впечатление, что читатель сам становится свидетелем и участником происходящих событий, как бы чувствуя себя частицей этой взволнованной массы людей, наблюдателем, хорошо понимающим происходящее и дающим ему соответствующую оценку.

Так, очерк «Громом убило» из «Сцен народного быта» воспринимается как обычная картина с натуры, передающая один из непредвиденных случаев из деревенской жизни – убийство молнией никому не известного прохожего человека.

Сцена представляет собой типичный очерк, но в нем совершенно отсутствует авторская речь. Он строится как диалог, ведущийся толпой крестьян, встревоженных свалившейся на них бедой. Ни один из персонажей не выдвигается на передний план.

Основное авторское задание состояло в том, чтобы передать психологию деревенского мира, настроение толпы. Мужиков больше всего пугает неизвестность: как повернет дело становой, узнав, что вблизи села обнаружено мертвое тело? «Может, вся деревня отвечать будет, – говорит один из присутствующих, выражая тем самым общее беспокойство крестьян [2, с.113].

Горбунов не идеализирует народную массу. Показывая неразвитость, забитость мужиков, писатель вместе с тем обращает внимание читателя на мирской произвол по отношению к отдельным членам общины. «Петрухино это дело, он отвечать должен. Связать его теперича, – кричат наперебой крестьяне будучи заведомо убеждены в невинности мужика. «Петрушка, голубчик, не погуби! Все на себя возьми» [2, с. 114], – упрасивают другие.

Несмотря на кажущееся самоустранение автора, обеспечивающее предельную объективность изображения, читатель постоянно чувствует его отношение к изображаемому. Горбунов всегда ощущал свою кровную связь с народом, умел проникнуть в его мирозерцание, понимал народную культуру.

Драматические сцены Горбунова («Лес», «Утопленник», «На празднике», «На большой дороге» и др.) освещают самые разнообразные стороны народной жизни. Он почти не касается частного народного быта. В центре его внимания то массовое смятение крестьян по тому или иному поводу, то деревенское веселье в храмовый праздник, то какой-либо случай, влекущий за собой последствия для всего деревенского мира. Массовые сцены дают Горбунову возможность достичь поставленной цели – раскрыть как народную психологию, так и нравственный уровень мужиков.

Значительная часть «сцен» Горбунова оформлена с соблюдением требований драматургического жанра. Характеристика народной массы ведется, как правило, через диалог.

Но казалось бы ничего не значащим разговорам крестьян, вместе коротающим время на перевозе, по репликам, раздающимся из толпы, Горбунов не только угадывает народные настроения, но определяет и нравственный уровень мужиков, их суждения по разным жизненно важным вопросам: о воспитании детей («Если его не бить, он тебя почитать не станет... не очень бить, а так, потрепать иной раз» [2, с.129]), о нечистой силе («Домовой хуже – тот наваливается, а леший, когда он уже очень разбалует, так он только тебя обойдет. Опять же на него молитва есть...особенная» [2, с.118]), о грамотности и учении («Кто пером умеет, какому человеку завсегда просвет есть» [1. с.134] и т.д.

Горбунов никогда не допускает идеализации народной массы. Изображая жизнь «без всяких прикрас», он не обходит вниманием темные стороны народного быта, царящие там дикость и невежество. Достаточно вспомнить разговорчивого мужичонку из рассказа «Утопленник», хвастливо рассказывающего своим товарищам о том, как он был на «менинах» у кума, где столько себе «хмелю в голову засыпал», что сам не помнит, как» кума прибил, а тетке Степаниде шаль порвал», «вышиб окно», выскочил на улицу да бежал» [2. с.123].

Целый ряд «сцен» Горбунова посвящен изображению купеческого быта («Смотрины и сговор», «На ярмарке», «Самодур», «У пушки», «Воздухоплаватели» и др.). Отдельные из названных «сцен» имеют отчетливо проявляющуюся тенденцию к усложнению сюжета. Например, «сцене «Смотрины и сговор» придается вполне завершенная драматическая форма.

Целый ряд рассказов-сенок и драматических этюдов Горбунова сохранился лишь в воспоминаниях современников. Все они, судя по воспоминаниям, проникнуты глубоким сочувствием простому народу, из среды которого вышел сам писатель.

Народоведческие исследования, в процесс которых были вовлечены лучшие представители русской творческой интеллигенции XIX в., в том числе и И. Ф. Горбунов, во многом определяли характер отечественной драматургии. Закономерным фактом этого процесса стало появление бытовой народной драмы.

Список литературы

1. Бердников Г. П. Над страницами русской классики. – М.: Современник, 1985. – 415 с.
2. Горбунов И. Ф. Полн. собр.соч. – СПб.: [б. и.], приложение к журналу «Нива». Т. I. – 382 с.

ЯВЛЕНИЕ ЯЗЫКОВОЙ КОМПРЕССИИ ПРИ ОПИСАТЕЛЬНОМ ПЕРЕВОДЕ ТЕРМИНОВ В НЕМЕЦКИХ МЕДИЦИНСКИХ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫХ ТЕКСТАХ

Стаценко Д.А.

студент, Северо-Кавказский федеральный университет, Россия, г. Ставрополь

Маринина Г.И.

доцент кафедры теории и практики перевода, канд. филолог. наук, доцент, Северо-Кавказский федеральный университет, Россия, г. Ставрополь

В статье рассматривается явление языковой компрессии при использовании переводческой трансформации «описательный перевод (экспликация)» при передаче медицинских терминов в научно-популярных текстах. Перечисляются возможные способы языковой компрессии при использовании приема экспликации, которые также получают свое отображение в конкретных примерах из немецкоязычных текстов.

Ключевые слова: языковая компрессия, описательный перевод (экспликация), термин, калькирование, транскрипция/транслитерация.

Медицинские тексты очень часто встречаются в повседневной жизни. Вопросы здоровья – одни из самых важных и значительных проблем человека, занимающих огромное место в его жизни. Ученые проводят много исследований и делают открытия в различных областях медицины. Поэтому возникает необходимость описывать новые технологии, лекарства, инструменты, а также приводить статистические данные, касающиеся различных заболеваний. Вопросами медицины и здоровья интересуются как специалисты в данной области, так и люди, некомпетентные в ней, но проявляющие интерес в области данной науки.

Актуальность исследования обусловлена социальной значимостью современных исследований в области медицины и высокой скоростью издания текстов с большим количеством новых терминов медицинской тематики, которые не всегда имеют словарные соответствия в русском языке (в силу особенностей немецкого языка).

Зачастую при переводе недавно появившихся терминов применяется описательный перевод (экспликация): это «лексико-грамматическая трансформация, при которой лексическая единица ИЯ заменяется словосочетанием, эксплицирующим ее значение, то есть дающим более или менее полное объяснение или определение этого значения на ПЯ» [2, с. 185]. Постоянное возникновение новых терминов, для которых требуется искать эквиваленты в русском языке, порождает необходимость довольно часто применять данную переводческую трансформацию. При частом использовании метода экспликации тексты становятся громоздкими. Данный факт особенно относится к терминам. Использование одного и того же понятия, переданного описательным переводом, несколько раз в одном и том же абзаце затрудняет восприятие и понимание текста. Поэтому необходимо искать различные способы языковой компрессии.

Человеческому мышлению и языку свойственно стремление к экономии усилий и ресурсов, суммированию и обобщению отражаемых событий. При описании различных жизненных ситуаций «элементарные мысли и выражающие их элементарные предложения могут тем или иным способом сжиматься или перекрываться» [1, с. 50]. Языковая компрессия – это экономия речевых и языковых средств для выражения одного и того же содержания.

В исследуемых немецкоязычных медицинских научно-популярных текстах экспликация применяется в основном по отношению к медицинским терминам-композиатам. В предложении «*Etwa zwei bis drei von zehn **Brustkrebspatientinnen** sind von sekundären Lymphödemen betroffen, erklärt Weg-Remers*» [5] термин **Brustkrebspatientinnen** возможно перевести описательным переводом при первом его упоминании: *Вег-Ремерс утверждает, что от 2-3 до 10 % пациенток-женщин, страдающих раком груди, подвержены вторичной лимфедеме*. При дальнейшем его упоминании в качестве метода языковой компрессии можно использовать номинативное словосочетание с причастием: *вышеназванные пациентки, вышеуказанный класс пациентов, вышеупомянутые заболевшие*.

Также возможно употребление следующих указательных местоимений: *этот, данный, подобный*. «*Dass eine zum größten Teil vermeidbare Erkrankung nun die größte Sterblichkeitsrate erreicht und immer mehr Todesopfer bei Frauen fordert, ist tragisch*», so **die Präventionsexpertin** [3]. – «*Очень трагично, что по большей части предотвратимые заболевания достигают наибольшего уровня смертности, что приводит к все большим жертвам среди женщин*», – *говорят об этой проблеме женщины-эксперты в области предотвращения раковых заболеваний*. При дальнейшем упоминании данного термина возможно использование следующих вариантов: *эти эксперты, данные эксперты*.

Рассмотрим следующий пример применения описательного перевода: *Ärzte, Therapeuten und das Sanitätshaus, das die Kompressionsbekleidung anfertigt, müssen dabei eng zusammenarbeiten* [5]. – *Врачи терапевты и магазины товаров медицинского и лечебно-профилактического назначения, которые изготавливают компрессионную одежду, должны работать в тесном сотрудничестве*. В данном случае прибегаем к следующему приему языковой компрессии: следует передать данный термин приемом калькирование, предварительно указав словосочетание «так называемые»: *так называемые санитарные дома*. Далее требуется сделать сноску в конец страницы с расшифровкой значения данного термина при помощи экспликации.

Также возможна ситуация, схожая с предыдущей, но вместо калькирования применяется прием транскрипции/транслитерации: *In Ländern wie Spanien oder Ungarn gab es den Höhepunkt des Tabaktrends erst später: Dort gehen die Mortalitätszahlen bei den Männern zwar zurück, bei den Frauen steigen sie aber, heißt es in dem Bericht* [4]. – *В таких странах, как Испания и Венгрия, пик тенденции к курению пришелся на более поздние годы: количество смертей у мужчин уменьшается, а у женщин наоборот возрастает, как со-*

общается в докладе. *Das Tabaktrend* переводим транскрипцией: *табак-тренд* и делаем сноску внизу страницы как и в предыдущем примере.

Таким образом, можно заключить, что использование приема описательного перевода в текстах, наиболее часто используемого при передаче терминов, еще не имеющих эквивалентов в переводящем языке, не всегда удобно и универсально. Для человека характерна экономия усилий и ресурсов. Поэтому при переводе терминов, часто повторяющихся в тексте, используется языковая компрессия. Для передачи терминов применяют следующие виды языковой компрессии: номинативное словосочетание с причастием или указательным местоимением, передача термина приемом калькирование со словосочетанием «*так называемый*» или перевод с помощью транскрипции/транслитерации и разъясняющей сноской в конце страницы. Данные методы помогают сделать текст менее громоздким и более удобным для его восприятия и понимания.

Список литературы

1. Кобков, В. П. Замещение, опущение и совмещение как способы сжатия текста без утери информации / В. П. Кобков. – Новосибирск: Филология, №5, 1974. – С. 50 – 58.
2. Комиссаров, В.Н. Теория перевода. Учеб.для ин-тов и фак. иностр. яз. / В.Н. Комиссаров. – М.: Высш. шк., 1990. – 253 с.
3. Gruber, C. Weltweite Studien: Wo Krebs besonders häufig tötet Spiegel Zeitschrift [Электронный ресурс] / С. Gruber // Spiegel Zeitschrift. – 2014. – Режим доступа: <http://www.spiegel.de/gesundheit/diagnose/krebs-ueberlebensraten-in-deutschland-und-anderen-laendern-im-vergleich-a-1004975.html>. – Дата обращения: 12.02. 2015.
4. Kempfen, S. Industrienationen: An Lungentumoren sterben mehr Frauen als an Brustkrebs Spiegel Zeitschrift [Электронный ресурс] / S. Kempfen // Spiegel Zeitschrift. – 2015. – Режим доступа: <http://www.spiegel.de/gesundheit/diagnose/lungenkrebs-bei-frauen-haeufiger-als-brustkrebs-a-1016690.html>. – Дата обращения: 12.02. 2015.
5. Urban, C. Lymphödem: Die Krankheit nach dem Krebs [Электронный ресурс] / С. Urban // Spiegel Zeitschrift. – 2014. – Режим доступа: <http://www.spiegel.de/gesundheit/diagnose/lymphoedem-die-krankheit-nach-dem-krebs-a-1008939.html>. – Дата обращения: 12.02. 2015.

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ МАСТЕРСТВО СОВРЕМЕННЫХ БАШКИРСКИХ ПОЭТОВ

Фазылова Ф.С.

канд. филол. наук, научный сотрудник,
Институт истории, языка и литературы, Россия, г. Уфа

В статье анализируется художественное мастерство современных башкирских поэтов, а именно стихотворения Мустая Карима, Мусы Гали, Рафаэля Сафина, Рашита Назарова, Хасана Назарова, Рамзили Хисаметдиновой, Рифа Мифтахова и других, вошедшие в золотой фонд национальной поэзии Башкортостана. Выявляются особенности поэтики в ракурсе определения степени традиционности и новаторства стихотворных произведений авторов.

Ключевые слова: поэтика, лирика, башкирская литература, современная башкирская поэзия, художественное мастерство.

Поэтическое искусство – явление сложное и многогранное. «Если рассматривать с точки зрения мастерства, обычно та или иная сторона одного произведения больше притягивает внимание, а другого – нет. Например, некоторые поэты берут новизной содержания. Бывают произведения, пленяющие поэтическим языком. Если они совпадают в произведении, то это большая удача» [1, с.133]. Естественно, удачное во всех отношениях стихотворение сразу привлекает внимание читателей и пробуждает эстетические чувства.

Творчество современных башкирских поэтов представлено различными поэтическими жанрами и формами. Что касается особенностей поэтики их произведений, то здесь можно отметить активные поиски новых интонационно-ритмических средств, оперирование разнообразными поэтическими приемами.

«Кровь» любого поэтического произведения – его ритм. Слово «ритм» пришло в литературоведение из греческого языка (гео) и означает «течение».

По определению Вл. Маяковского, «ритм – основа всякой поэтической вещи, проходящая через нее гулом» [3, с.10]. В современной башкирской поэзии мастерством управления «главной силой» стиха в совершенстве обладал Рафаэль Сафин.

Все на свете снести
Пусть порой нелегко.
Пусть всегда и во всем
Наше мужество славится.
(«Мужество»)

Автор делит традиционные строки на части, и в результате возникает произведение с ярко выраженной ритмичностью. Как видим из примера, в первых строках 4-5-слоговый поэтический размер, далее – 4-10-слоговый. В них автору удалось умело расставить необходимые ударения.

Как известно, в каждом произведении присутствует характерная только для него ритмическая мелодичность, в создании которой огромную роль играет рифма. «Рифма – это один из главных факторов, позволяющих делить поэтическое произведение на одинаково повторяющиеся равные и постоянные части» [2, с.232].

Ах, помню: над детской колыбелью
Дарила мать улыбку мне в тиши.
Когда я первый в жизни шаг свой сделал,
Мне улыбнулись люди от души.
(Р. Назаров. «Улыбка»)

В этих поэтических строках слова «в тиши – от души» созвучны друг с другом. Но в то же время необходимо не упускать из виду такое важное явление, как неразрывная передача главной идеи. Только тогда получится совершенное во всех отношениях произведение. Для стихотворения Рашида Назарова «Улыбка» характерна превосходная ритмичность и точная передача основной авторской идеи.

В современной башкирской поэзии мы имеем дело с различными видами рифм. Однако поэты чаще всего обращаются к полной рифме. Приведем примеры:

1) Куда ни погляжу – башкиры-земляки
Бурят земной простор или кладут дорогу,
Меняют облик гор, меняют ход реки,
Меняются притом и сами понемногу.

(Н. Наджми. «Земляки»)

2) Ночами разговаривают реки,
Когда на скалах тучи отдыхают,
И сердце с сердцем говорит ночами,
Когда шаги людские затихают.

(М. Карим. «Ночами разговаривают реки»)

Перекрестная рифма – самый распространенный вид рифмовки в мировой поэзии. Она, являясь более гибка в ритмическом плане, позволяет автору лучше передать необходимое настроение и идею. Перекрестная рифма характерна и для башкирской поэзии. Схема рифмовки – *абаб* (Например, «Знать, говорят недаром...» К. Киньябулатовой, «Берег мечты» Ф. Тугузбаевой).

Смежная рифмовка в современной башкирской поэзии встречается сравнительно редко. Своими корнями она уходит в классическую арабо-персидскую литературу. Здесь рифмуются первая и вторая, третья и четвертая строки. Примеры:

1) Бывало, я шел сквозь метель и пургу,
Бывало, я мерз на холодном снегу –
В душе тебе песни всегда я желал,
Товарищ и брат мой, напевный Урал.

(А. Игебаев. «Голос Урала»)

2) Река меняет русло, и тогда
В пустыне замирают города.
И, в солнечные взятая тиски,
Уходит жизнь под желтые пески.

(Р. Бикбаев. «Река меняет русло, и тогда...»)

Для полного и достоверного выражения основных чувств и идей авторы в своих произведениях стараются максимально использовать и возможности поэтических строф. Например, произведение Мусы Гали «Курай мой звонкий...» начинается и завершается с однострочной строфы:

Курай мой звонкий, песню начинай...

Явилась песня, тихая, простая,
С какой-то незнакомой стороны.
С груди полей дыханьем долетая?
От взглядов, что добром озарены?
Ах, как близки мне эти переливы
Мелодии... А слышу их впервой!
Леса ли зашептались торопливо?..

Так начинай же песню, мой курай!

Двухстрочная строфа часто встречается в произведениях Г. Рамазанова, Я. Кулмыя, Ш. Биккула, Р. Сафина, Р. Бикбаева, А. Тагировой, Д. Талхиной и др.

Как известно, поэтические строфы из трех и пяти строк в современной башкирской поэзии встречаются сравнительно редко. Они присутствуют в стихотворениях Н. Наджми («Спой любимому песнь о любви...»), М. Гали («Салима»), Г. Давлетова («Родной дом») и др.

Поэты обращаются к шести-, семи-, восьми-, девяти- и десяти-, одиннадцати-, двенадцати-, тринадцати-, четырнадцати-, а также шестнадцатистишиям: С. Кудаш («Когда душа от одиночества томится»), Ш. Биккулов («Солдатские слезы»), Ф. Чанышева («Подругам военных лет»), М. Гали («Гнездо ласточки над дверью аэровокзала»), Г. Рамазанов («Две реки»), К. Аралбаев («Старшие сестры мои») и др.

При описании особенностей характера лирического героя, его духовно-нравственного облика писатели используют разнообразные средства художественного описания: сравнение, метафору, эпитет, олицетворение, эвфемизм, аллегория, метонимию, иронию, гиперболу, гротеск, литоту.

Одним из распространенных средств в башкирской поэзии являются сравнения. Существуют их различные формы. Например, простые сравнения, то есть непосредственное уподобление одного предмета или явления другому.

Подснежники растущие
Напоминают мне
Большую семью.

(Р. Хисаметдинова. «Подснежник»)

В этом «стихотворении автор сравнивает подснежники с большой семьей. Здесь слово *напоминают мне* можно легко заменить союзами «как», «подобно», «словно» [6, с.333].

Такие формы сравнения как полные, слитные, смешанные, парные, противоположные свойственны произведениям «Осень жизни» Я. Кулмыя, «Кудрявая береста – как кресало...» Р. Гарипова «Столбы шагают» Г. Давлетова «Старшие сестры мои», К. Аралбаева и др.

Особое место среди изобразительных средств занимают эпитеты, метафоры (метафора – «скрытая в глубину», метафора-изображение и т. д.). Возьмем для примера стихотворение Рифа Мифтахова «Я почка, я ещё и не открылась...».

Я почка, я ещё и не открылась,
Я озеро – мне из берегов не вырваться.
Но миг настанет – и во дворец творчества
Войду я через золотую дверь.

В произведении речь идет о творчестве. Чтобы показать необходимость целенаправленной и кропотливой работы, автор использует метафору *золотая дверь*. Только таким людям открывается золотой дворец – но там хранятся не золото и серебро, а талант.

В творческом арсенале писателей широко используются такие стилистические фигуры, как анафора, эпифора, эпанастрофа, риторический

вопрос, риторическое обращение, являющиеся важным средством усиления выразительности не только образно-художественной речи, но и речи необразной («О черном цвете» А. Атнабаева, «Яблоня» А. Ахметкужина, «Аманат-завещание» Р. Гарипова), А. Багуманов «Притча о трех друзьях», З. Биешева «По-людски», М. Карим «Не спеши, старость и др.).

Среди стилистических фигур особое место занимает риторическое обращение.

Как известно, риторическое обращение «в поэтической речи употребляется с определенной целью – дает характеристику явлению действительности или выражает какое-либо отношение к нему со стороны автора» [4, с.61].

В творчестве башкирских поэтов встречаются различные виды риторических обращений: 1) обращения к родине, народу, природе, к священной земле – Уралу, к республике-Башкортостан; 2) обращения к близким и родным – родителям, другу, возлюбленному и т. д.

Примеры: 1) «Башкортостан! На огненных конях...» (Н. Наджми. «Башкортостан»), «О Родина! Твой аманат-завет...» (Р. Бикбаев. «Семь поколений рода моего...»), «Сармасан, река моя родная!..» (Ф. Тугузбаева «Жажда»), «Здравствуй, лес! Зимний лог!..» (Р. Янбеков. «Утешу тебя, лес»); 2) «Унеси меня, милый, отсюда!» (А. Тагирова. «Унеси меня, милый, отсюда...»), «Оставь меня, любовь!..» (Г. Юнусова. «Оставь меня, любовь!»), «Ах, где первый вздох любви!..» (Г. Якупова. «Первая любовь») и т. д.

Во избежание повторов и примитивных сравнений в произведениях авторов употребляются такие лексические средства художественной выразительности, как антонимы, синонимы, омонимы. Например, в произведениях Хасана Назарова, Рамазана Шагалева глубина любовных переживаний лирического героя передается при помощи антонимов «радуюсь – страдаю» и «горю – пылаю»; «горю–замерзаю»:

1) Её увижу, и сердце вспыхивает.

Её увижу – и острая боль.

Радуюсь, что мы не вместе.

И страдаю, что не вместе мы.

(Х. Назаров. «Когда я ее увижу...»)

2) Как посмотрю – *горю, пылаю*

В её пламени.

Как посмотрю – *горю, замерзаю*

В её стуже.

(Р. Шагалиев. «Как посмотрю – горю, пылаю...»)

В современной башкирской лирике встречаются традиционные образы (лебедь, соловей, ворон, сокол, кречет, крылатый конь (тулпар) и т. д.), которые выполняют различные функции. Скажем, соловей символизирует священную силу, способную утешить душу лирического героя (Я. Кулмый, «Мой соловей»), беркут – гордого джигита (М. Карим, «Молод был я, гордый, словно беркут...»), лебедь – женскую красоту (Р. Гарипов, «Ты, как лебедь, плаваешь в тиши...»), тулпар – морские волны (А. Тагирова, «Море»).

В произведениях писателей часто встречаются образы деревьев: сосны, дуба, ивы, черемухи и т. д.

Скажем, образ березы у всех народов выполняет различные функции. Например, в русской поэзии береза – знак родины, красоты (А. Фет, Тютчев, Есенин и др.). А в творчестве башкирских поэтов часто береза – символ горя, одиночества женщины-вдовы, расстающейся с любимым человеком (Р. Сафин, «Береза, растущая на скале») или символ матери-героини, красивой молодой девушки, а также ассоциируется с разлукой, одиночеством и тоской (Р. Хисамитдинова, «В березовом лесу», Р. Янбеков, «Весенняя песня»); образ дуба – символ стойкости и крепости, напоминает воина-солдата (Я. Кулмый, «Береза и ель», Н. Наджми, «Дуб», Р. Мифтахов, «Дуб и цветок»).

В целом, в своем творчестве поэты в традиционные образы вкладывают новое содержание, что свидетельствует о диалектической связи традиции и новаторства.

Для поэтических произведений «характерно частое употребление метких народных пословиц и поговорок. Это помогает приблизить образ лирического героя к народу, сделать его более живым» [5, с. 19]. Примеры: «Лучше быть простым смертным на земле родине, чем султаном на чужбине» (З. Биишева, «Завет отца»), «Дела, что отложены, снегом покроются» (М. Сиражи, «Правду сегодня скажи»), «Две головы не уместятся под одной шапкой» (К. Киньябулатова, «Летите, звезды»), «Сказанное слово – выпущенная стрела», (Р. Гарипов, «Сыну») и т. д.

Современные поэты в своем творчестве часто обращаются к песенному наследию своего народа. Например, Народный поэт Башкортостана Мустай Карим в ткань своего произведения «Девушки вышивают» вводит отрывок башкирской народной песни. Печальные мелодии как нельзя лучше раскрывают душевное состояние и внутренний мир молодых девушек:

Туман синий под мостом стелется,
Не тяготитесь мной, я долго не пробуду,
Месяц погощу, но не годы...
Заскучаете, меня уже не будет.

Итак, художественное мастерство башкирских писателей тесно связано с владением ими тонкостями поэтического словотворчества, а искусство умелого использования последних определяется силой их литературного дара.

Список литературы

1. Ахмедьянов К. А. Г. Саям. Жизнь и творчество. Уфа, 1980. 190 с.
2. Ахмедьянов К. А. Теория литературы. Уфа, 1971. 388 с.
3. Маяковский Вл. Как делать стихи? – М., 1963. 63 с.
4. Дугаржапова Т. М. Бурятская поэзия: Проблемы поэтики и стиля. Автореф. дис. ... д-ра. филол. наук. Уфа, 2004. 74 с.
5. Фазылова, Ф. С. Нравственно-этические проблемы в башкирской поэзии 70–80-х годов XX века. Автореф. дис. канд. филол. наук. Уфа, 2013. 21 с.
6. Фазылова Ф. С. Сравнение, как изобразительное средство, в лирике Р. Хисаметдиновой // Урал –Алтай: через века в будущее. Т.1. Уфа, 2010. С. 333.

ОСОБЕННОСТИ ИССЛЕДОВАНИЯ СПОРТИВНОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ ВО ФРАНЦИИ

Шамсутдинова А.Р.

ст. преп. кафедры иностранных языков и языкознания, канд. филол. наук,
Поволжская государственная академия физической культуры,
спорта и туризма, Россия, г.Казань

В статье рассматриваются вопросы о необходимости постоянного изучения спортивных терминов, поскольку французский язык является официальным языком Олимпийского комитета и других международных спортивных организаций. Устанавливается, что французская Академия наук создала специальную комиссию, которая занимается исследованиями спортивной лексики, выявляет новые спортивные термины, предлагает французские эквиваленты для заимствованных слов.

Ключевые слова: термин, спортивная лексика, семантика, неологизм, заимствование, специализированный язык.

Лексический состав языка постоянно меняется, одни слова перестают употребляться, другие меняют свою семантику, появляются новые слова. В разговорном языке такие изменения происходят спонтанно, однако, в определенных областях, например, научных, технических, чтобы выразить какие-либо понятия специалисты употребляют слова и выражения, обладающие конкретным, точным значением. Следовательно, возникает необходимость в создании общепринятых терминов, появившихся благодаря исследованиям в определенных областях: медицине, информатике, спорте и т.д.

Министерство спорта Франции создало комиссию, специализирующуюся по терминологии и неологизмам, целью которой было исследование изменений, происходящих во французском языке, а именно в плане перехода английских терминов во французский язык, а также в определении специальной спортивной лексики, что особенно важно для административных документов. В задачи комиссии входит: выявить случаи необходимости дополнить словарную базу языка, предложить конкретные термины с их определениями, содействовать распространению терминов и их определений. Результаты работы комиссии передаются во французскую Академию наук, которая в свою очередь рассматривает материалы и публикует в специальном сборнике.

Спортивная терминология занимает особое место, поскольку связана с постоянным появлением новых спортивных понятий, с необходимостью создать четкие правила, особенно, относительно правил безопасности. По утверждению французского исследователя Ж.Петио на языке спорта говорят миллионы участников и зрителей, принадлежащих к разным социальным слоям; он закодирован в федеральных правилах, популяризируется в прессе, преподается в школах и спортивных клубах, распространяется по телевизионным и радиоволнам [1, с.5]. Учитывая, что французский язык является официальным языком Олимпийского комитета и еще тридцати международных спортивных организаций, важность изучения спортивной терминологии не вызывает сомнений. Необходимость подобного исследования подтверждает-

ется также ролью, которую играет спорт в жизни и развитии общества, к которой добавляется склонность подпитывать язык метафор. Эти две составляющие приводят к тому, что спортивные термины, опубликованные в специальном журнале, привлекают внимание общественности больше, чем другие специализируемые области.

Словарный состав, рекомендуемый комиссией, соответствует необходимости в спортивных терминах, которыми французский язык не обладает для того, чтобы выразить современные реалии. Административные работники и граждане должны владеть этой информацией с целью заполнения лакун в специализированном языке. Особенно эта информация важна в законодательно-управленческом плане для обозначения некоторых видов спортивной деятельности.

Под термином понимается слово или выражение со значением, соответствующим определенной области знаний или практических умений. Новое слово появляется в ответ на необходимость обозначить новые реалии, по-новому определить уже существующую реалию с целью избежать ошибок в понимании. В некоторых случаях уже существующий термин приобретает новое значение или новый грамматический статус (*planche, glisse*), в других случаях термин заимствуется в другом языке (*football*). Существует также образование новых спортивных терминов методом словосложения (*véliplanchiste*) [2].

В ноябре 2011 года комиссия совместно с министерством спорта и культуры Франции организовала научную конференцию, которая прошла в стенах древнейшего университета Парижа Сорбонне. Конференция была посвящена специализированному языку спорта и привлекла большое количество участников. В одном из выступлений прозвучало утверждение о том, что французский спортивный язык подвержен большому влиянию со стороны английского языка, поскольку он обладает короткими, ёмкими терминами, привлекательными для употребления. Этот факт вызывает волнение некоторых лингвистов, которые опасаются потерь в лексике родного языка в связи с большим количеством появляющихся заимствований из английского языка. Стремление французов сохранить национальный язык не вызывает никаких сомнений, поскольку первостепенным в работе комиссии является не просто выявление новых спортивных терминов, но и предложение французского эквивалента, если речь идет о неологизме, заимствованном из английского языка.

Таким образом, проведенный анализ исследования спортивной лексики зарубежными лингвистами показывает, что эта область постоянно пополняется новыми спортивными терминами, требующими тщательного изучения с точки зрения их происхождения. В случае если речь идет о заимствованных словах, существует необходимость в поиске слов и словосочетаний с подобной семантикой в родном языке с целью его сохранения.

Список литературы

1. Petio G. Le Robert des sports. Dictionnaire de la langue des sports. Paris, Le Robert, 1990. – 554 p.

2. URL: http://academie-francaise.fr/sites/academie-francaise.fr/files/sports_2011.pdf
(дата обращения: 28.01.2016).

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТИРЫ РУССКОЙ СЕМЬИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ И.С. ТУРГЕНЕВА

Шаповалова И.А.

профессор кафедры довузовского преподавания РКИ, д-р пед. наук, профессор,
Московский педагогический государственный университет,
Россия, г. Москва

Шаповалов М.В.

заведующий кафедрой естественно-математического образования,
канд. пед. наук, доцент, Институт повышения квалификации работников об-
разования, Россия, г. Черкесск

В статье рассматриваются вопросы использования дидактических ресурсов этнолингвокультурологического анализа произведений русской классической литературы, методики включения обучающихся в активный диалог читатель-писатель. На примере анализа романа И.С.Тургенева «Отцы и дети» формируется понимание современным читателем национальных стереотипов культуры семейных отношений, взаимоотношений детей и родителей.

Ключевые слова: Диалог читатель-писатель, культура семейных отношений, этнолингвокультурологический анализ текста, языковые особенности романа И.С.Тургенева «Отцы и дети», приоритеты крепкой семьи и здоровой нации.

Духовно-нравственными ориентирами развития современной России определены приоритеты крепкой семьи и здоровой нации. В пространстве научного осмысления перспектив обновления работы по семейному воспитанию особое место занимают вопросы понимания обучающимися специфики национальных стереотипов мироощущения русского народа и их отражения в литературе. Значимость восприятия мира в контексте национальных традиций и тенденций обновления жизни замечательно отметил еще И.С. Тургенев: «...русская старина нам дорога, дороже, чем думают иные. Мы стараемся понять ее ясно и просто, мы не превращаем ее в систему, не втягиваем в полемику; мы ее любим не фантастически вычурною, старческою любовью: мы изучаем ее в живой связи с действительностью» [1]. Такую животворную связь настоящего с прошлым и будущим современный читатель ощущает с первых страниц романа И.С. Тургенева «Отцы и дети». Жизнь персонажей этого произведения начинается с конкретной даты – 20-ое мая 1859 года, а потому невольно читатель соотносит свое время с этой датой. Попытаемся перечитать заново страницы самого семейного, а следовательно, самого национального романа И.С. Тургенева с позиций его завещания изучать русскую старину «в живой связи с действительностью, с нашим настоящим и нашим будущим, которое не оторвано от нашего прошедшего...» [1].

В романе раскрываются тайны семейной жизни Арины Власьевны и Василия Ивановича Базаровых, бобыльего образа жизни их сына Евгения, уродливость брака Ситникова и княгини Дурдолесовой, интрига второго замужества Анны Сергеевны Одинцовой, наивность молодоженов Аркадия Кирсанова и Кати (Катерины Сергеевны). Читатель нового поколения, живущего в XXI веке, конечно, иной. Безусловно, другой. Он находится под влиянием негативной тенденции своего времени – снижение или порой утрата интереса к произведениям русской классики, невосприимчивость к произведениям прежних эпох. Такому явлению современная педагогика пытается противостоять, предлагая методики и технологии актуализации социокультурной значимости, полезности «включения» читателя в соавторство оригинального текста через продуктивный диалог читатель-писатель.

Актуализация художественного произведения в условиях эффективного использования методик этнолингвокультурологического анализа романа «Отцы и дети» позволяет повышать интерес обучающихся к чтению произведений русских классиков, формирует способности личности к национальной и социокультурной самоидентификации на основе понимания национальных стереотипов мироощущения писателя, гениально владевшего «великим, могучим, правдивым и свободным русским языком», беззаветно верившего в то, что такой язык «был дан великому народу» [4].

Дидактические ресурсы этнолингвокультурологического анализа романа «Отцы и дети» усиливают деятельностно ориентированные познавательные интересы к участию в исследовательских процессах, гипотетически утверждающих значение отечественной классической литературы для сохранения, трансляции и развития русской культуры, русского языка как основного продукта культуры русского народа. В процессе сотворчества современного читателя и классика русской литературы зарождается новое понимание И.С. Тургенева, новое отношение к его произведению и, конечно, к языку автора, через который мысль одной эпохи интегрируется в мысль нашего времени.

Национальные стереотипы мироощущения наших предшественников, живших в XIX веке, оживают для юного читателя не только в рамках исторического прошлого, но и в событиях века нынешнего, на которых каждое время оставляет свой отпечаток: этика семейных отношений, гендерные особенности участия личности в общественно-политической жизни государства, гармония труда – физического и умственного, ответственность за слово и дело, согласованность внешней и внутренней культуры человека, культуры достоинства личности и общества. Язык русского писателя-классика выполняет уникальную миссию предоставлять читателю возможность думать вместе с автором, соглашаться или не соглашаться с ним, принимать или отвергать его отношение к людям, к жизни, к России.

В культуре русской семьи особое место отведено традициям наречения имени: по святкам, в честь уважаемых людей, близких родственников. Этой традиции следуют русские писатели. Так, Аркадий Кирсанов во многом соответствует своему имени, восходящему к заимствованному слову Аркадия –

место беспечной, счастливой жизни, идиллического счастья, страна блаженного пастушеского существования [2]. В имени Павла Петровича соединяются смысловые нагрузки, обусловленные собственными именами святых апостолов Петра и Павла. В имени Николая Петровича закодированы символы святых Николая Чудотворца и Николая Угодника. В традициях русской культуры представлено именование людей только по отчеству, что подчеркивает уважительного отношения к ним – нянюшка Егоровна, Тимофеич, Прокофьич. Суффиксы с коннотациями уменьшительно-ласкательного значения использованы в именах Енюша (домашнее имя Евгения Базарова), Фенечка, Дуняша, Танюша, Анфисушка. Неполным именем названа сестра Одинцовой – Катя, полное имя в ситуациях повышения статуса дается Фенечке – Федосья Николаевна, а Кате – Катерина Сергеевна. Без изменения, по фамилии либо полным именем величают Одинцову Анну Сергеевну. Без имени остаются тетушка Одинцовой – княгиня Х...ая и возлюбленная Павла Петровича княгиня Р.

Ассоциативная линия имен выстраивается в логическую цепочку отношений автора – позитивного и негативного. В негативную линию имен читателями включается Кукшина Авдотья Никитична (или Евдоксия), Eudoxie. Сходство с ней можно заметить в возлюбленной Павла Петровича Кирсанова – княгине Р. Внутреннее взаимодействие этих персонажей поддерживается «несообразностью» их поведения и речей.

Кукшина – неопрятная, неряшливая, суетливая, пустая женщина, речевое поведение которой такое же небрежное и неопрятное. Она «роняет вопросы один за другим, не дожидаясь ответов», нелестно отзывается о Жорж Санд («отсталая женщина, и больше ничего»), об Одинцовой («репутация у ней какая-то»).

Привлекательная внешность княгини Р. усиливается ее «золотой косой, тяжелой, как золото, падающей ниже колен». Несообразность ее поведения зрительно подчеркивает глагольный ряд: танцевала до упаду, хохотала и шутила, а по ночам плакала и молилась, не находила покою, металась по комнате, сидела над псалтырем.

Детей не было ни у Кукшиной, ни у княгини Р. Кукшина (кукша – диалектное слово, лексическая норма – кукушка: лесная птица, издающая крик «куку», кладущая яйца в чужие гнезда) [3]. Обратим внимание на подтекст реплик Кукшиной в разговоре с Базаровым и Ситниковым. Кукшина занимается химией, это ее страсть, она «даже сама выдумала одну мастику... Куклы делать, чтобы головки не ломались» ..., «Слава Богу, я свободна, у меня нет детей... Что же я сказала: слава Богу! Впрочем, это все равно». По своей сути не соответствующая женской природе Кукшина претендует на многое: «Всю систему воспитания надобно переменить». В диалоге писатель-читатель актуализируется вопрос: что может сделать для образования русских женщин Кукшина, которая безапелляционно заявила: «... наши женщины очень дурно воспитаны»? Современник наш располагает горьким опытом вмешательства бездетных дам в отечественную педагогику, что дало предсказуемые результаты: «бездетную педагогику» (термин Ш.А. Амонашвили). Особый «вклад»

«внесли» Кукшины в традиции русской семьи: «Что такое брак – предрассудок или преступление? и какие родятся люди – одинаковые или нет? и в чем, собственно, состоит индивидуальность?». У нас, читателей, и у некоторых героев романа «Отцы и дети» о Кукшиной сложилось мнение, несовпадающее с утверждением Ситникова: «замечательная личность! Вот каких бы нам женщин побольше! Она, в своем роде, высоконравственное явление». Презрительным отношением к Ситникову наполнил писатель реплику Базарова, адресованную Viktoru. Напомним, Базаров, проходя мимо кабака, принадлежащего отцу Ситникова, с откровенной брезгливостью спрашивает у Ситникова: «А это заведение отца тоже нравственное явление?». Нас, читателей XXI века, И.С. Тургенев прозорливо предупреждает: Кукшина, как и кабак отца Ситникова, не могут быть «высоконравственным», «нравственным явлением». Иное дело – Фенечка. В разговоре с ней Базаров замечательно отметил особенность русской женщины: «Я люблю, когда вы говорите. Точно ручеек журчит». Как тут не вспомнить пушкинскую героиню, которая тоже «говорит, словно реченька журчит» [3]. Это ли не национальная черта русской женщины, умной, рассудительной, скромной, достойной семейного счастья?

«Выражалась правильным русским языком» и Анна Сергеевна Одинцова. По мнению Базарова, «герцогиня, влиятельная особа». Этому мнению возражает Аркадий: «Наши герцогини так по-русски не говорят» [3]. Автор известнейшего стихотворения «Русский язык», И.С. Тургенев создает благоприятный фон для ощущения гармонии внешней и внутренней культуры человека, владеющего в совершенстве русским языком.

Глубокомысленные и откровенные признания Анны Сергеевны о своей «несчастливой» личной жизни создали ситуацию коммуникативной неудачи в разговоре с Базаровым. Базаров на ее признание «я очень несчастлива» отреагировал неожиданно поверхностно: «Неужели вы можете придавать какое-нибудь значение дрянным сплетням?» – Одинцова нахмурилась. Ей стало досадно, что он так ее понял». Коммуникативная неудача наложила отпечаток на их общение. После этого события Одинцова уже не скажет: «Ну, теперь я понимаю, почему мы сошлись с вами, ведь и вы такой же, как я», хотя при этом промолвит: «... нет во мне желания, охоты жить». Другими словами, в красивой и достойной Одинцовой нет основного качества русского человека – желания жить, умения любить и ценить жизнь. Этого исконно русского качества нет и у Павла Петровича, аристократа, джентльмена, названного в конце произведения *der Herr Baron von Kirsanoff*: «уеду куда-нибудь подальше, в Дрезден или во Флоренцию, и буду там жить, пока не околею», «... его красивая, исхудалая голова лежала на белой подушке, как голова мертвеца ... Да он и был мертвец» [3].

Любовь к жизни, оптимизм – особая черта характера Василия Ивановича Базарова, Фенечки, крестьян. Символичны слова Василия Ивановича, которому уготована горькая участь хоронить сына: «А ты посмотри, садик у меня теперь какой! Сам каждое деревцо сажал. И фрукты есть, и ягоды, и всякие медицинские травы» [3].

Тревога и даже определенный испуг от встречи с Аркадием переживает Фенечка, но при этом мы видим ее в маленькой комнатке на большом сундуке. Защищенная своим сыном Митей, женщина расцветает на наших глазах, приобретая силу хозяйки. Чувство хозяина зарождается и у Митеньки. Отметим особую, вроде бы незаметную роль слова-символа «сундук»: «Ребенок опять засмеялся, устался на сундук и вдруг схватил свою мать всею пятерней за нос и за губы». В конце романа «Митя уже бегаёт молодцом и болтает речисто», а его отец, Николай Петрович, «беспрестанно разъезжает по своему участку, произносит длинные речи (он придерживается мнения, что мужиков надо «вразумлять», то есть частым повторением одних и тех же слов доводить их до истомы)» [3]. Но смогут ли его мужички, которые «не вносили денег в срок, крали лес», не понимали пользы от «фермы», понять веле-речивого барина? Словам мирового посредника Николая Петровича Кирсанова не будут внимать и мужички Арины Власьевны и Василия Ивановича Базаровых.

В романе по-житейски сложно и просто переплетаются линии национального характера русского человека: его истинная любовь к родной земле и демагогические размышления о России и русском народе; его неистребимый оптимизм и хандра, опустошенность; его привязанность к семье, ответственные детско-родительские отношения и стремление к полной свободе, отрицающей ценность самого отцовства и материнства. Выбор делает читатель. И.С. Тургенев, не навязывая своего мнения, в романе «Отцы и дети» мастерски зашифровал завещание: любить жизнь, жить полноценной жизнью человека, искренне принимающего ответственность за свою судьбу, за счастье своей семьи, за свободу своей родины – России.

Список литературы

1. Откровения русской души. Кожевников А. Ю. ОЛМА Медиа Групп, 2010. с. 33
2. Толковый словарь русского языка. Под редакцией Д.Н. Ушакова. Т.Т. I – IV. М.: ООО «Издательство Астрель», 2000.
3. Тургенев И.С. Сочинения. Том VIII. М. Л. Издательство АН СССР, 1964. 623 с.
4. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений. Вадим Серов. М. «Локкид-Пресс», 2003.

ЭКСПЛИКАЦИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ ВО ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТИНЕ МИРА НЕМЕЦКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ

Шимко Е.А.

доцент кафедры правового обеспечения, канд. филол. наук, доцент,
Мичуринский государственный аграрный университет, Россия, г. Мичуринск

В данной статье рассматривается экспликация национальных особенностей во фразеологической картине мира немецкого и русского языков. В исследовании используется сравнительно-сопоставительный анализ фразеологических единиц в рамках этнолингвистики, передающих семантическую категорию «семейные отношения»,

который позволяет выявить специфические возможности национального характера сопоставляемых языков.

Ключевые слова: сравнительно-сопоставительный анализ, идиомы, общие и специфические возможности, фразеологическая картина мира, немецкий и русский языки.

В изучении национального самосознания приоритетным направлением признается исследование фразеологической картины мира, так как она является компонентом мировидения народа, совокупностью общенациональных и индивидуальных знаний о мире. Во фразеологическом составе языка в знаковой форме фиксируются ментофакты материальной и духовной культуры нации, отражаются ценностные ориентации того или иного социума, система его моральных, этических и эстетических предпочтений, иллюстрирующая особенности менталитета конкретного этноса.

Становится понятно, что фразеологические единицы играют роль в создании языковой картины мира, так как они связаны с культурно-историческими традициями народа, говорящего на данном языке. Отсюда появляется мир говорящих на конкретном языке, то есть формируется фразеологическая картина мира как совокупность знаний о мире. Именно фразеологическая картина мира может ярко раскрыть национально-культурную специфику различных языков. Она представляет собой не только бесценную информацию о культуре, но и менталитете народа, в котором фиксируются его мировоззрения об объективном мире. Таким образом, в основе фразеологической картины мира заложено образное мировидение, которое формируется на протяжении многих веков в процессе изучения и преобразования человеком окружающего мира.

У каждого индивида, в отдельности, и каждого этноса, в целом, создается своя собственная фразеологическая картина мира, характерная для конкретной исторической эпохи. Она меняется, так как представляет собой живое образование. Фразеологическая картина мира подчеркивает этноспецифические черты народа, эксплицирует национальные особенности и указывает на определенные ценностные ориентиры. Отсюда ясно, что фразеологическая картина мира может служить отражением национального видения и понимания мира.

Фразеологизмы относятся к наиболее сложной в семантическом плане группе языковых единиц, одной из характерных особенностей которых является то, что общий смысл этих образных выражений невозможно понять, исходя из простой суммы значений составляющих их компонентов. Это объясняет тот факт, что зачастую они оказываются непонятными другим людям и поэтому воспринимаются буквально. Чаще всего буквальное восприятие фразеологических единиц связано с недостаточностью у говорящего/слушающего фоновых, контекстуальных знаний. Подобные знания – это результат существования в определенной среде, принадлежности к ней, это те социокультурные сведения, которые характерны лишь для определенной нации или национальности, освоенные

массой их представителей и отраженные в языке данной национальной общности.

Здесь представляется уместным напомнить о национально-культурной специфике во фразеологии. Согласно традиционному подходу, идиоматика – святая святых национального языка, в которой неповторимым образом манифестируется дух и своеобразие нации [2, с. 51]. Ведь идиомы представляют собой национально-специфические единицы языка, аккумулирующие культурный потенциал народа и отражающие то, что принято называть особенностями национального характера.

В данной работе имеет место сравнительно-сопоставительный анализ фразеологических единиц в рамках этнолингвистики, передающих семантическую категорию «семейные отношения». Методом сплошной выборки был обозначен круг идиом, выражающих «семейные отношения»: ближайшие родственники, представленных лексемами «die Tante» и «тётя».

Обратимся к сопоставлению идиом, включающих в свой состав лексемы «die Tante» и «тётя». Отметим, что данные лексемы в составе идиом утратили семантический признак «близкий родственник» и обладают спецификой.

Рассмотрим специфику значений немецких идиом с ключевой лексемой «die Tante». Она представлена следующими значениями – «магазинчик, торгующий всякой мелочью»: «Tante-Emma-Laden»; «старая женщина»: «die alte Tante» [3, с.705].

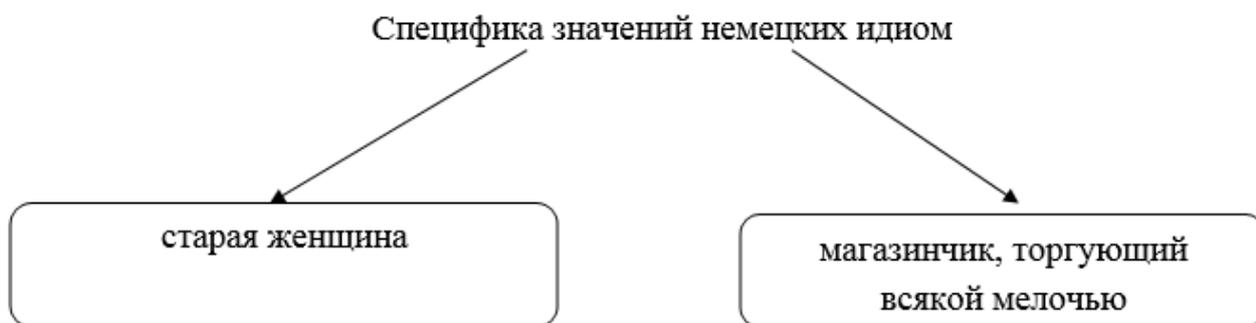

Рис. 1.

В русском языке лексема «тётя» обозначает «лихорадку»: «тётка бьёт». Тётка – иносказательное название лихорадки (уважительная кличка, чтобы не обидеть её) [1, с. 690].

Рис. 2.

Следовательно, анализ материала позволяет сделать вывод о том, что в немецких и русских идиомах при характеристике «тети» мы встречаемся с отсутствием образа кровного родства. Лексемы «die Tante» и «тётя»

отличаются своеобразием, что свидетельствует об общей тенденции выдвигания на первый план стереотипного представления о женщине как неполноценном существе.

Таким образом, изучение национальных особенностей семантики немецких и русских идиом, демонстрирующих «семейные отношения», позволяет выявить специфические возможности фразеологических картин мира сопоставляемых языков.

Список литературы

1. Бирих А. К. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь. М., 2007. 926 с.
2. Добровольский Д.О. Национально-культурная специфика во фразеологии // ВЯ. 1997. № 6. С. 51-70.
3. Шекасюк Б.П. Новый немецко-русский фразеологический словарь. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. 864 с.

ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНЫЕ И ПСЕВДО-ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНЫЕ СЛОВА В АНГЛИЙСКОЙ ВОЕННОЙ ЛЕКСИКЕ

Яковлева В.Н.

заведующая кафедрой иностранных языков, канд. пед. наук, доцент,
Саратовский военный Краснознаменный институт внутренних войск МВД РФ,
Россия, г. Саратов

В статье рассматриваются основные характеристики интернациональных и псевдо-интернациональных слов в английской военной лексике. Анализируются особенности их значений и трудности перевода на русский язык.

Ключевые слова: английская военная лексика, заимствования, интернациональные и псевдо-интернациональные военные термины, трудности перевода.

Словарный состав английской военной лексики постоянно пополняется новыми терминами, в том числе и заимствованиями из иностранных языков.

Многие английские военно-научные и военно-технические термины возникают с использованием интернациональных источников терминологии (латинских и греческих корней). Особенно много их в терминологии по космическому и ракетному вооружению. Например: *avionics* – «совокупность электронных приборов на самолете», *ballistics* – «баллистика; баллистические свойства».

Существует довольно большая группа интернациональных военных терминов, встречающихся в английском и русском языках, перевод которых, как правило, не представляет трудности, если эти термины имеют одинаковое значение в обоих языках (например, *battle* – «баталия, сражение, бой», *lieutenant* – «лейтенант», *maneuver* – «маневр»).

Однако часто переводчику приходится сталкиваться с так называемыми «псевдо-интернациональными словами» или «ложными друзьями пере-

водчика». Примерами такого рода в английской военной лексике являются термины *ammunition* – что значит «боеприпасы», а не «амуниция», *diversion* «отвлекающий удар», а не «диверсия», *disposition* «боевой порядок», а не «диспозиция».

Самым важным и наиболее часто встречающимся случаем расхождения значений у псевдо-интернациональных терминов является несовпадение их предметно-логического содержания. При этом можно выделить четыре типа таких расхождений.

1. Русский термин совпадает с английским не во всех значениях, а лишь в одном – двух. Например: *bomb* не только «бомба», но и «минометная мина»; *battalion* не только «батальон», но и «дивизион»; *strategic* не только «стратегический», но и «оперативно-стратегический, оперативный»; *classification* не только «классификация», но и «засекречивание, определение грифа секретности».

2. У русского термина имеются значения, отсутствующие у английского термина. Это обычно бывает в тех случаях, когда слово заимствовано в обоих языках из какого-либо третьего языка. Например: русское слово *аудитория* [*лат. auditorium* место для слушания] имеет два значения: 1) «помещение для занятий» и 2) «люди, слушающие выступление». Английское слово *auditorium* употребляется лишь для обозначения помещения (*auditorium – building or part of a building in which an audience sits* [5, с. 51]). Для второго значения русского слова *аудитория* «люди, слушающие выступление; публика, зрители» употребляется английское слово *audience*. Следует заметить, что кроме основного значения у слова *audience* есть второе (дополнительное) значение – «аудиенция у королевской особы или высокопоставленного чиновника» [2, с. 16].

3. И у русского, и у английского терминов, кроме совпадающих значений, есть свои особые значения. Например: русское слово *корреспонденция*, помимо общих с английским термином *correspondence* значений «служебная переписка» и «письма, почта», имеет еще значение «заметка / сообщение о текущих событиях, помещенное в газете или журнале сотрудником (корреспондентом) этого издания», которого нет у английского термина. В свою очередь английское слово *correspondence* имеет значение, отсутствующее у русского слова: «соответствие», «соотношение», «аналогия» (ср. *correspondence* – 1) agreement; similarity; 2) letter-writing; letters [5, с. 192].

4. Русские и английские термины, сходные по форме, имеют разные значения. Сравните: русское слово *интеллигенция* и английский военный термин *intelligence*, имеющий значения «разведка», «разведывательные данные», «умственное развитие».

Переводчик, встречая в английском военном тексте термины и терминологические словосочетания иностранного происхождения, в первую очередь «ложные друзья переводчика», должен обратиться к англо-английским (толковым) словарям, где дается их разъяснение [4, 5], или к соответствующим двуязычным словарям [1, 3]. Весьма полезны для работы с псевдо-интернациональными словами специальные словари [2].

Список литературы

1. Киселев Б.В. Англо-русский словарь военной и сопутствующей лексики / Б.В. Киселев. – М.: АСТ: Восток-Запад, 2005. 283 с.
2. Пахотин А.И. Англо-русский, русско-английский словарь мнимых друзей переводчика / А.И. Пахотин. – М.: Издатель Карева А.К., 2003. 128 с.
3. Русско-английский и англо-русский военный словарь / Сост. Костров А.Д. – Москва-Хабаровск-Минск: «Технические словари», 2002. 638 с.
4. Bowyer R. Campaign Dictionary of Military Terms. Third Edition.-Macmillan Education, 2007. 290 pp.
5. A.S. Hornby. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. Vol. I – Oxford University Press, Oxford, 1982. 544 pp.

Подписано в печать 11.02.2016. Гарнитура Times New Roman.
Формат 60×84/16. Усл. п. л. 8,60. Тираж 100 экз. Заказ 29
ООО «ЭПИЦЕНТР»
308010, г. Белгород, ул. Б.Хмельницкого, 135, офис 1
ИП Ткачева Е.П., 308000, г. Белгород, Народный бульвар, 70а